

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13

Выпуск 1

2015

Март

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

АФРИКАНИСТИКА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

- Майоров В. М., Стеженская Л. В. Н. Я. Бичурин и его «Древняя китайская история» 5

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Дубровина М. Э. Об этапах формирования определительных субстантивных конструкций (изафетов) в языке древнетюркских рунических надписей (в сравнении с современным турецким языком) 12
- Чу Цзы-Чен (Чу Цзычэн). Метафорические и метонимические модели внутренней формы фразеологических единиц: на материале русских идиом и китайских чэньюев 22

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Дьяков Н. Н. Лисан ад-Дин Ибн ал-Хатиб (1313–1374) в истории и историографии мусульманского Запада (Ал-Андалус и Магриб) 30
- Мокрушина А. А. Списки рукописи «Китāб ас-сāдиḫ ва-л-бāғим» Ибн ал-Хаббāрийи в собраниях Восточного отдела библиотеки им. Горького и в государственной библиотеке Берлина 43
- Рустемов О. Д. Образцы судебных решений (хукм) из судебных сборников Крымского Ханства: особенности структуры и стиля 55

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2015

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2015

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Вавилина Д. А.</i> Вавилонская поэма о боге чумы Эрре: проблема датировки и установления исторического контекста	63
<i>Ляхович А. В.</i> Некоторые особенности развития англоязычной литературы Нигерии (1952–1991).....	73
<i>Хронопуло Л. Ю.</i> Схверхкороткие рассказы в творчестве современных японских писателей Акагава Дзиро и Атода Такаси	81

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Коровкина А. Ю.</i> Модернизация и традиция в культурной перспективе современного Туниса	91
<i>Пелевин М. С.</i> Повседневная жизнь афганцев в XVII — начале XVIII века: еда, жилище, домашний быт (по материалам «Хатакской хроники») (Часть I).....	98
<i>Сологубова М. В.</i> Эрмитажная цилиндрическая печать из Вавилонии с изображением богини врачевания Гулы: о соотношении надписи и изображения в глиптике касситского периода.....	106

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

<i>Ши Илинъ.</i> Китайско-австралийские торгово-экономические отношения в поздний период династии Цин (1861–1911)	115
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Немировская А. В.</i> Участие преподавателей и студентов кафедры Древнего Востока СПбГУ в раскопках памятников древнего государства Урарту (Армения).....	126
--	-----

CONTENTS

RUSSIA AND THE EAST

<i>Mayorov V. M., Stezhenskaya L. V. N. Ya. Bichurin and his “Drevnyaya kitayskaya istoriya” (“Ancient Chinese History”)</i>	5
--	---

LINGUISTICS

<i>Dubrovina M. E. About the stages of development of the attributive substantive structures in the language of the Ancient Turkic runic inscriptions (in comparison with the modern Turkish language)</i>	12
<i>Chu Tzuchien. The metaphorical and metonymical inner-form models of phraseological units: a case study of russian idioms and chinese chengyu</i>	22

HISTORY AND SOURCE STUDIES

<i>Dyakov N. N. Lisan ad-Din Ibn al-Khatib (1313–1374) in the History and Historiography of the Arab West</i>	30
<i>Mokrushina A. A. Copies of the Kitab as-Sadih wa l-Bagim manuscript by Ibn al-Habbariya in the collections of the FAAS Library and the State Library of Berlin</i>	43
<i>Rustemov O. D. Crimean court registers (sidjils) of the 17th–18th centuries: genre structure of hukm, a legal document</i>	55

LITERARY STUDIES

<i>Vavilina D. A. Babylonian poem about Erra, the god of disaster: the problem of dating and identifying historical background</i>	63
<i>Lyakhovich A. V. Some features of the development of the English-language literature in Nigeria (1952–1991)</i>	73
<i>Khronopulo L. Yu. Short short stories in the creative activity of contemporary Japanese writers Akagawa Jirō and Atōda Takashi</i>	81

GEOCULTURAL SPACES AND CODES OF THE CULTURES OF ASIA AND AFRICA

<i>Korovkina A. Yu. Modernization and tradition in the cultural perspective of modern Tunisia</i>	91
<i>Pelevin M. S. Everyday life of Pashtuns in the 17th — early 18th century: food, dwelling, home activities (based on <i>The Khataks Chronicle</i>) (Part I)</i>	98
<i>Sologubova M. V. The goddess Gula in the Kassite glyptic: correlations between text and image</i>	106

FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL RELATIONS OF ASIA AND AFRICA

<i>Shi Yilin</i> . Chinese-Australian trade and economic relations in the Later Qing Dynasty (1861–1911).....	115
---	-----

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Nemirovskaya A. V.</i> Participation of teachers and students of the Department of the Ancient East (St. Petersburg State University) in excavation of the monuments of ancient Urartu (Armenia)	126
---	-----

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

В. М. Майоров, Л. В. Стеженская

Н. Я. БИЧУРИН И ЕГО «ДРЕВНЯЯ КИТАЙСКАЯ ИСТОРИЯ»¹

Институт Дальнего Востока РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32

Статья посвящена известному российскому востоковеду XIX в. Н. Я. Бичурину, о. Иакинфу, который не только сделал блестящую церковную карьеру, возглавив Девятую духовную миссию в Пекине, но и завоевал научную репутацию многочисленными исследованиями Китая, Тибета, Центральной Азии. Бичурин уделял немало внимания изучению политического устройства Китая, его географического положения, но также ставил себе задачей сделать переводы классических китайских памятников. Об одном из таких переводов — неполном переводе «Шу цзина» 1822 г., — названном о. Иакинфом «Древней китайской историей», подробно рассказывается в статье. Библиогр. 26 назв.

Ключевые слова: Н. Я. Бичурин, Иакинф, «Древняя китайская история», «Шу цзин», «Канон (исторических) документов», перевод конфуцианских канонов, российское востоковедение.

N. YA. BICHURIN AND HIS "DREVNYYAYA KITAYSKAYA ISTORIYA" ("ANCIENT CHINESE HISTORY")

V. M. Mayorov, L. V. Stezhenskaya

Institute of Far Eastern Studies, 32, Nakhimovsky pr., Moscow, 117997, Russian Federation

The article is devoted to the famous Russian orientalist of the 19th century N. Ya. Bichurin, Iakinf, who not only made a brilliant clerical career, appointed the Ninth Spiritual Mission in Beijing, but also won a strong scholarly reputation for many works on China, Tibet and Central Asia. Bichurin paid much attention to studies of the political system of China, its geographical position, but also set himself the task of making the Chinese Classics' translations. One such translation, the incomplete translation of *Shu jing* made in 1822 and called *Ancient Chinese History*, is discussed in detail in the article. Refs 26.

Keywords: N. Ya. Bichurin, Iakinf, Hyacinth, *Ancient Chinese History*, *Shu jing*, *The Book of Historical Documents*, Confucian Classics' translations, Russian Chinese studies.

Хотя синологии уже многие сотни лет, весьма важное место в ее истории занимает период первой половины XIX в. В это время в Европе и в России возникает профессиональное научное востоковедение, в учебных заведениях вводится преподавание востоковедных дисциплин, создаются учебные кафедры, предпринимается ряд мер по организации востоковедного учебного и научного процессов [1, с. 96].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-31-09007.

Начинают предъявляться новые требования рационального изучения Востока, который в европейском сознании из загадочного далекого края постепенно превращается в один из весомых факторов политики и экономики. В историографии отечественного китаеведения этот период нередко именуется «бичуринским» [2, с. 89].

Благодаря масштабу личности и значительному вкладу в науку Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853) его биография лучше, чем биография кого-либо из его современников, отразила особенности и противоречия научного китаеведения в России XIX в. Сын дьякона из чувашского села, закончивший Казанскую семинарию и принявший постриг под именем Иакинф, Бичурин сделал блестящую карьеру в церковной иерархии. В 25-летнем возрасте он был возведен в сан архимандрита, а в 30 лет назначен начальником Девятой духовной миссии в Пекине.

После нескольких лет, проведенных в Пекине, миссионерское служение отошло для Бичурина на второй план, а всё свое время он посвятил изучению Китая. Эту перемену можно истолковать как проявление личного характера Бичурина, тягу к познанию нового, стремление удовлетворить свое любопытство. Учитывая интенсивность учебных и научных занятий о. Иакинфа в Пекине, в этом не приходится сомневаться. Однако в письме в Святейший Синод в ноябре 1816 г., излагая свою просьбу оставить его начальником следующей миссии, чтобы продолжить ученые занятия, он выразил также готовность прервать эти занятия, указав, что «если правительству потребны политические и географические сведения о Империи китайской в настоящем времени, то не должно оставлять меня в Пекине» [3, с. 71].

В январе 1822 г. Н. Я. Бичурин возвращается в Санкт-Петербург, где его подвергают церковному суду по обвинению в злоупотреблениях в Пекинской миссии и недостойном поведении. Следствие длится в общей сложности полтора года, и только в августе 1823 г. императором Александром I утверждается обвинительный приговор. В качестве наказания архимандрит Иакинф лишается церковного сана и отправляется на Валаам на вечное поселение. Однако в октябре 1826 г. Иакинф, оставаясь в монашеском звании и приписанный к Александро-Невской лавре на жительство, получает назначение в Азиатский департамент коллегии иностранных дел, где «он по знаниям своим в китайском и маньчжурском языках мог быть полезен» [4, с. 136; 3, с. 110].

Менее чем через год ему назначается щедрое жалованье от коллегии иностранных дел, дополнительно к тому ежегодно выделяется 300 руб. на расходы, «доколе он будет упражняться в переводах важнейших китайских книг или в других общепользных изданиях» [2, с. 99; 3, с. 112]. Так, не по своей сословной принадлежности к духовенству и не по своей должности в коллегии иностранных дел, а по сути о. Иакинф становится профессиональным научным работником. В 1828 г., после издания первых трудов, его статус был подтвержден присвоением ему звания члена-корреспондента Императорской академии наук [5, с. 128]. А 7 марта 1831 г. Бичурин был избран почетным иностранным членом Азиатского общества в Париже [3, с. 132].

Хорошо известно, что Бичурин завоевал себе научную репутацию публикацией материалов по истории народов Центральной Азии, а также подробными описаниями различных сторон жизни Цинской империи. Недавнее переиздание бичуринских переводов сочинений неоконфуцианского философа Чжоу Дуньи (1017–1073) [6, с. 85–114; 7, с. 114–155] заставляет нас обратить внимание еще на одну область научных интересов о. Иакинфа — традиционную китайскую философию. Можно было бы ожидать, что венцом этого интереса станут переводы Бичуриным конфуцианских канонов.

Еще примерно с 1813 г. в Пекине Бичурин начинает заниматься изучением китайских «отвлеченных понятий». Вернувшись в Россию, в 1822 г. архимандрит Иакинф заявляет о том, что необходимо представить читателям «образ понятий» китайской словесности, для чего он собирается «определить и утвердить значение многих слов и выражений» и «предварительно издать некоторые небольшие переводы, которые могли подать нам краткое понятие о китайской философии и учености, о их религии и правлении» [3, с. 65–66; 2, л. 107; 3, с. 1100–1101]. Во время валаамской ссылки 1823–1826 гг. Бичурин ставит перед собой другую задачу, которую он раскроет значительно позже, только в публикации 1842 г.: «Цель всех, доселе изданных мною разных переводов и сочинений в том состояла, чтобы предварительно сообщить некоторые сведения о тех странах, через которые лежат пути, ведущие во внутренность Китая» [8, с. III–IV; 5, с. 99; 3, с. 1101; 6, с. 146]. Соответственно «с 40-х годов начинается новый период научной деятельности Н. Я. Бичурина», который «подвел его к решению новой задачи — написанию труда о собственно Китае» [2, с. 115]. Эта хронология достаточно хорошо подтверждается последовательностью издания крупных работ о. Иакинфа. Однако едва ли она годится для критического исследования переводческой деятельности Н. Я. Бичурина. Даже если считать только крупные опубликованные его работы, то, например, из второго, «центральноазиатского» периода надо исключить как не отвечающее теме «Троесловие», изданное в 1829 г. «Китайскому» периоду не отвечает издание «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии», работа над которым началась еще в начале 1846 г. Повидимому, хронология научных исследований не совпадала у Бичурина с хронологией его переводческой деятельности. Интерес к истории и географии сопредельных с Китаем областей Азии у него зародился задолго до 1823 г. и отнюдь не конфликтовал в его сознании со стремлением выработать или определить русские понятия, адекватные китайским. Это подтверждается и сообщением Е. Ф. Тимковского, который, описывая деятельность Бичурина в 1820–1821 гг., отмечает и те и другие его планы [9, с. 15–17, 22–23, 49, 236]. Возвращаясь к вопросу об интересе о. Иакинфа к исследованию и переводу китайских философских сочинений, нужно отметить, что планам этим было суждено воплотиться лишь частично.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется рукопись черновика бичуринского перевода «Канона записей» («Шу цзин»), датируемая 1822 г. и названная им «Древней китайской историей»². Российские китаеведы знакомы с этой рукописью по описанию П. Е. Скачкова (1892–1964), сделанному более 50 лет назад [11, с. 198–206; 2, с. 409 (№ 8)]. Перевод неполон, текст рукописи заканчивается переводом начала главы «До фан» (у Бичурина «Многия страны»). Без перевода остались дальнейший текст этой главы и двенадцать последних глав — по числу иероглифов немногим более шестой части текста оригинала. Бичуринский текст представляет собой перевод только канонической части текста «Шан шу». Переводчик не приводит ни традиционных, ни своих собственных комментариев по содержанию текста. В ру-

² «Канон записей» в нашей литературе более известен как «Канон (исторических) документов» или «Канон преданий», а также в привычной для европейского читателя транскрипции «Шу цзин». В самой далекой древности в Китае эта книга называлась «Шу» («Записи»), а позднее — «Шан шу» («Чтимая книга»). Последнее название традиционно было и остается самым распространенным наименованием этой книги в Китае. Название «Шу цзин» приобрело популярность в Китае во второй половине XVI в. и часто использовалось в официальных изданиях Цинской империи (1644–1911). Подробнее об этом см.: [10, с. 3–4].

копии нет указания не только на использованное издание оригинала, но даже и на язык оригинала. Это представляет большой научный интерес, поскольку в 1822 г. Бичурину могли быть доступны как собственно древнекитайский оригинал, так и его маньчжурские³ и французский переводы⁴. Перевод выполнялся в непростых условиях домашнего ареста, параллельно с другой работой, в том числе подготовкой журнальных статей для «Сибирского вестника», и так и остался незаконченным. Однако Бичурин в течение продолжительного времени не оставлял работы над переводом «Шу цзина» и затем хранил этот перевод до конца своей жизни, возможно, даже продолжал или правил его. Из всего этого мы можем заключить, что хотя работа над «Древней китайской историей» велась всегда параллельно с другими научными занятиями о. Иакинфа, она сохраняла для него важность на протяжении долгих лет, однако при его жизни так и не была издана.

Этот факт заставляет задуматься о практической пользе перевода Бичуриным «Древней китайской истории». Сама форма его некомментированного перевода основного текста заставляет предполагать, что перевод делался для получения конкретных исторических сведений в помощь дальнейшей исследовательской работе. Поэтому, хотя по времени и свойствам источника этот перевод примыкал к занятиям Бичурина китайской классикой в конце его пребывания в Пекине, по форме он оказывался близок к известному направлению его научных поисков после возвращения в Россию — истории народов Центральной и Восточной Азии. Если судить по оставшимся архивным материалам, уже в 1822 г. одновременно с переводом «Шу цзина» и до отъезда в ссылку в 1823 г. Бичурин вплотную занимался историей Тибета и Монголии, исторической и современной географией Китая [2, с. 409–410, 416]. Очевидно, что цель своей деятельности он видел в «политическом сближении... с Китаем», а для этого требовалось знать «политические виды Китая», «полный состав Китайской Империи во всех политических его изгибах». Это требовало знакомства с «географическим положением» и «политическим существованием разных народов, обитающих в Китайской Империи». Точно так же в «исторической части» исследований для Бичурина «наиболее заключалась и политическая [часть]» [13, с. 51; 14, с. 1–2, 12].

В католической миссионерской синологии конца XVIII и начала XIX в. преобладало отношение к «Шу цзину» как к священной книге, своего рода Завету, возможно, даже связанному с христианским Откровением. Бичурин критиковал такой подход к китайской истории [15, с. 32–33]. Начиная с Гобиля и на протяжении практически всего XIX в. во французской литературе «Шу цзин» неизменно назывался «священной книгой» (*livre sacré*) и «священной историей» (*histoire sacré*) или «книгой *par excellence*», что так или иначе заставляло читателя ассоциировать это название с Библией. В европейской синологии историчность «Шу цзина» вышла на первое место только в протестантских английских переводах — сначала У. Медхёрста в 1846 г., а потом Дж. Легга в 1865 г. [16; 17]. Бичурин пришел к такому же выводу примерно на четверть века раньше.

В своих работах он неоднократно подчеркивал рациональность этой древнекитайской книги, приданную ей редактированием Конфуция, который «откинул все, что

³ Подробнее об этом см.: [12, с. 10–15].

⁴ Имеется в виду известный перевод французского католического миссионера, почетного иностранного члена Петербургской академии наук Антуана Гобиля (1689–1759). Перевод был издан в 1770 г. в Париже Ж. де Гинем (1721–1800). Подробнее об этом см.: [10, с. 1015–1023].

было в ней нелепого», очистил ее от многих «религиозных суеверий» [18, с. 50; 19, с. 327; 20, с. 33, 131; 15, с. 94–96; 13, с. 36–37]. Официальный характер «Древней истории» был для него достаточным основанием аутентичности составляющих ее материалов. По его мнению, это была «Дворцовая история», которая содержала в себе «события Китайского государства» и была «составлена из Дворцовых Записок, в свое время ежедневно писанных Придворными Историографами». Исторические записи древности «единственно основывались на фактах Правительства, а факты сии были писаны во время самых событий». К такому заключению Бичурин приходил, потому что и в его время в цинском Китае были историографы, «известные... при Китайском Дворе под названием Придворных Журналистов» [21, с. V; 18, с. 49, 50; 19, с. 327; 22, с. 193; 23, с. 1].

Считая неизменной традицию историописания в его время и в древности, Бичурин хорошо представлял себе смену крупных исторических эпох в Китае. Начало исторического сознания «восточного мира в Азии» он связывал с началом устных преданий, которые «не восходят далее 3000 лет до Р. Х.». История для Бичурина началась с периода дикости, из состояния которой «обитатели нынешнего Китая» стали выходить в «первобытные времена», когда создавалась китайская цивилизация [13, с. 35, 142–143; 24, с. 8; 20, с. 129; 15, с. 80]. Следующую эпоху Бичурин определял по политическому принципу как систему феодального, удельного, союзно-удельного или удельно-союзного, поместного правления [24, с. 5; 15, с. 98, 151; 13, с. 51, 52; 20, с. 296]. Удельный «образ мыслей» был, по мнению Бичурина, выражен в «Истории» («Шу цзин») и «Стихотворениях» («Ши цзин»), которые подверглись сожжению при переходе к единовластному, или монархическому, правлению, так как были «напоминаниями» древней системы. «Уничтожение древнего удельно-союзного правления и введение единовластного, — по мнению Бичурина, — имели большое влияние на перемену и нравов, и образа мыслей в китайском народе» [24, с. 5].

Предполагавшаяся Бичуриным достоверность сведений древней «Дворцовой истории» делала для него совершенно неважными вопросы ее критической текстологии. В своих работах он ограничивается минимумом сведений по истории этого памятника, и все они так или иначе восходят к тексту примечаний к «Троесловию», опубликованному в 1829 г., где дается наиболее развернутое представление «Шу цзина» [18, с. 48, 49–50]. Нет сомнений, что прототипом, хотя и весьма приблизительным, бичуринских примечаний был текст комментария Ван Сяна (王相) к «Сань цзы цзину» в издании, впервые отпечатанном в 1666 г. [25], хотя конкретный бичуринский источник в море разнообразных толкований этой популярной книги определить трудно, и этот вопрос требует более тщательного дальнейшего изучения.

Что касается самого перевода, почти нет сомнений в том, что он был сделан Бичуриным по тексту маньчжурско-китайского издания 1760 г. «[Маньчжурский] перевод “Канона преданий” в редакции Его Величества» («Юй чжи фаньи Шу цзин» «御製繙譯書經»; *маньчж.* «Han-i araha ubaliyambuha Dasan-i nomun») [12, с. 10–15]. На это указывают особенности организации текста в русском переводе, которые являются точным отражением таких же особенностей текста оригинала. Так как текст оригинала был двуязычным, то, естественно, встает вопрос, по какому тексту — маньчжурскому или китайскому — был сделан перевод Бичурина.

На наш взгляд, бичуринский перевод был мотивирован китайским текстом двуязычного «Шу цзина». Чтобы понять это, во-первых, достаточно обратить внимание на то, что в русском переводе не встречается транскрипции маньчжурских слов, ко-

торые могли быть непонятны о. Иакинфу. Напомним в связи с этим, что переводчиком рукопись для публикации не предназначалась. И, напротив, наличие в русском переводе незаконченных названий глав, китайская транскрипция некоторых названий, в том числе и ошибочная⁵, отличие этих названий от маньчжурских заглавий — все это говорит о том, что Бичурин ориентировался на китайский текст памятника. Наконец, в переводе немало пропусков. Почему же, имея перед собой весьма трудный и противоречивый древнекитайский текст и уже истолкованный и вполне понятный маньчжурский, Бичурин оставляет пустые места в своем переводе? По-видимому, только потому, что ему требовалось разобраться в китайском тексте, а маньчжурский вариант не выглядел очевидным или бесспорным. Сравнение бичуринских пропусков и маньчжурских переводов соответствующих словосочетаний и фраз — интереснейшая тема отдельного исследования по рукописи «Древней китайской истории».

Выше мы уже говорили о том, что исследование истории для Бичурина подразумевало прежде всего внимательное изучение принципов политической жизни Китая. Он весьма чутко уловил нерасчлененность и взаимопроникновение этих двух областей традиционного китайского знания. Насколько можно судить по опубликованным в 1829–1848 гг. работам [18, с. 50; 19, с. 327; 20, с. 33, 131; 15, с. 94, 96; 13, с. 36–37], в представлении Бичурина «политическая» ценность «Древней китайской истории» явно перевешивала ее историографическое значение. От однозначных определений ее образцовости то в области «чистой нравственности» (1829 г.), то «законодательства» (1838–1839 гг.) в 1840–1842 гг. он переходит к ее более сложным и содержательным определениям как основания «государственного управления и нравственности в народе», «законодательства, религии и нравственности», как «чистого нравственного учения, на котором основана истинная политика, то есть наука управлять народом». Насколько эти определения были навеяны переводом «Шу цзина», выполненным в 1822 г., насколько этот перевод определял или влиял на бичуринские формулировки понятий китайской политической культуры, предстоит выяснить в будущем. Фактом остается то, что рукопись «Древней китайской истории» сопровождала Н. Я. Бичурина почти три десятка лет его научной работы вплоть до его кончины в 1851 г.

Литература

1. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 439 с.
2. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. 503 с.
3. Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. 2-е изд., доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 334 с.
4. Мясников В. С. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина (Востоковед: 1777–1853) // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 132–138.
5. Мясников В. С. Избрание Н. Я. Бичурина в Академию наук // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 124–132.
6. Чжоу Дуньи. Изображение Первого начала, или О происхождении физических и нравственных законов (с суждениями Чжу Си). Перевод с китайского и толкования Н. Я. Бичурина // Чжоу Дуньи и ренессанс конфуцианской философии / сост. А. Е. Лукьянов. М.: 2009. С. 85–114.
7. Чжоу Дуньи. Книга о проницаемости. Перевод с китайского и изъяснения Н. Я. Бичурина // Чжоу Дуньи и ренессанс конфуцианской философии / сост. А. Е. Лукьянов. М.: 2009. С. 114–155.

⁵ Например, бичуринский «Чжунвэй» в маньчжурском переводе назван Jung hõi, см.: [26, с. 185–261].

8. Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти страницах / [Бичурин Н. Я.]: В 2 ч. Ч. I. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1842. 323 с.
9. Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах: С картою, чертежами и рисунками. Ч. 2: Пребывание в Пекине. СПб.: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824.
10. Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / подгот. древнекит. текстов и ил., пер., прим. и предисл. В. М. Майорова; послесл. В. М. Майорова и Л. В. Стеженской. М.: ИДВ РАН, 2014. 1149 с.
11. Скачков П. Е. О рукописном наследии Н. Я. Бичурина в ГПБ (Ленинград) // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. 1956. С. 198–206.
12. Майоров В. М. Маньчжурские переводы «Шу цзина» // Философия Восточно-Азиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация / отв. ред. А. Е. Лукьянов. М.: ИДВ РАН, 2014.
13. Китай в гражданском и нравственном состоянии / Н. Я. Бичурин. М.: Восточный Дом, 2002. 432 с.
14. О статистическом описании Китайской империи / Иакинф Бичурин: [Отд. оттиск] // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1842. № 5.
15. Статистическое описание Китайской империи / Бичурин Н. Я. М.: Восточный дом, 2002. 464 с.
16. Ancient China. 書經. The Shoo king, or the Historical classic: Being the most ancient authentic record of the annals of the Chinese empire: Illustrated by later commentators / tr. by W. H. Medhurst, sen. Shanghai: Printed at the Mission press, 1846.
17. The Chinese Classics: with a translation, critical and exegetical notes, prolegomena, and copious indexes: 5 vol. in 7. Hong Kong: The author; London, Trubner, 1861–1872. Vol. III: Pts. I–II: The Shoo king or The Book of historical documents, 1865.
18. Сань-цзы-цзин или Троеслово 三字經: С литографированным китайским текстом / Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб.: Типография Х. Гинца, 1829.
19. [Бичурин Н. Я. (о. Иакинф)]. Китайские военные силы: Взгляд на просвещение в Китае // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1838. № 5. С. 324–366.
20. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение / Сочинение монаха Иакинфа. СПб.: В тип. Имп. Академии Наук, 1840.
21. История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р.Х. до 1227 года по Р.Х. С картою на разные периоды сей истории / Переведена с Китайского монахом Иакинфом Бичуриным. Ч. I. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1833.
22. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Средняя Азия и французские ученые // Н. Я. Бичурин (Иакинф). Ради вечной памяти. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1991.
23. Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными / Статья О. Иакинфа // Сын отечества. СПб., 1839. Т. VII. № 1. Отд. III.
24. Описание религии ученых / сост. трудами монаха Иакинфа. 1844. Пекин: тип. Успенского монастыря, при Рус. духов. миссии, 1906.
25. San zi jing xun gu (Троеслово с лексическим комментарием) 三字經訓詁 / (宋)王应麟著; (清)王相训詁. 北京: 中国书店, 1991.
26. Yuzhi fanyi Shu jing 御製繙譯書經: 六卷 // 欽定繙譯五經四書 / (清)乾隆年間欽定. 臺北市: 臺灣商務, 1983. — (文淵閣四庫全書; 185–189; 1). Маньчжурское заглавие — Han-i araha ubaliyambuha

Dasan-i nomun (ᠳᠠᠰᠠᠨ ᠤ ᠨᠣᠮᠤᠨ).

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Майоров Владимир Михайлович — ведущий научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии; v.mayorov@mail.ru

Стеженская Лидия Владимировна — научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии; stezh@rambler.ru

Mayorov Vladimir M. — Leading Research fellow; v.mayorov@mail.ru

Stezhenskaya Lidiya V. — Research fellow; stezh@rambler.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

*М. Э. Дубровина***ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ
СУБСТАНТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (ИЗАФЕТОВ)
В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ
(В СРАВНЕНИИ С СОВРЕМЕННЫМ ТУРЕЦКИМ ЯЗЫКОМ)**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Статья посвящена рассмотрению атрибутивных притяжательных конструкций в языке ДТРП и в современном турецком языке, которые, в согласно традиционному взгляду в тюркологии, рассматриваются как генетические родственники. В тюркском языкознании эти атрибутивные конструкции называют изафетами. Существует три типа изафетов. Каждый из них передает принадлежность, т. е. отношение между двумя предметами, один из которых воспринимается как обладатель, другой как объект обладания.

Автор обращает внимание на то, что в двух языках аналогичные изафеты имеют различные функции. Кроме того, в древнем языке трудно найти закономерность употребления изафетов первого, второго и третьего типа. Зачастую для передачи схожего смысла могут быть использованы разные изафеты. А в современном турецком языке зоны употреблений всех типов изафетов очерчены очень четко.

Отправной точкой для теоретического осмысления этих фактов языка ДТРП является идея, согласно которой строй этого языка формируется под влиянием определенной детерминанты — принципа экономии служебных элементов (концепция Г. П. Мельникова). Именно под влиянием этого принципа в текстах древние тюрки предпочитали использовать безаффиксальный изафет, если же смысл был более сложным, то притяжательная связь передавалась изафетом второго типа, только для выражения притяжательной связи между уникальными предметами привлекался третий тип изафета, который был наиболее морфологизированным. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: тюркология, грамматика тюркских языков, синтаксис, атрибутивные конструкции, рунические надписи.

**ABOUT THE STAGES OF DEVELOPMENT OF THE ATTRIBUTIVE SUBSTANTIVE
STRUCTURES IN THE LANGUAGE OF THE ANCIENT TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS
(IN COMPARISON WITH THE MODERN TURKISH LANGUAGE)***M. E. Dubrovina*

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is devoted to the attributive possessive constructions in the Ancient Turkic language and in modern Turkish. In Turkic linguistics these structures are called *izafet*. There are three types of *izafet* constructions. Each of them represents possession. Possession, in the context of linguistics, is an asymmetric relationship between two constituents, the referent of one of which (the possessor) in some sense possesses (owns, has as a part, rules over, etc.) the referent of the other (the possessed).

The author draws attention to the fact that in two Turkic languages, one of which is considered to be the primogenitor of another, similar *izafets* have different functions. In addition, in the ancient language it is difficult to find the regularity of use *izafets* of first, second and third types. Often, various *izafets* can be used to convey a similar sense. The areas of usage of all types of *izafets* in the modern Turkish language, on the contrary, are outlined very clearly.

The starting point for a theoretical understanding of the facts of this language is the idea according to which the structure of this language develops under the principle of economy of affixes (G. P. Melnikov's concept). Author assumes that the ancient Turks under the influence of the Ancient Turkic principle in the texts preferred to use the first type of *izafet* — construction without any affixes, but if the meaning of the sentence was unclear, native speaker used second type of *izafet* — construction with one affix. And only in the case where a possessive relationship between two unique objects was to be expressed, the native speaker could use the third type of *izafet*. Refs 10.

Keywords: Turkology, Grammar of the Turkic languages, syntax, attributive structures, runic inscriptions.

Как известно, одной из разновидностей атрибутивных определительных отношений признаются притяжательные отношения, которые в тюркских языках способны передавать весьма широкий спектр реальных взаимоотношений между предметами, от отношений личной собственности («реальной принадлежности», т. е. притяжательные в узком смысле) до таких отношений, которые исследователи именуют «принадлежностью в широком грамматическом смысле» [1, с. 43]. В качестве языковых средств, которые выражают подобные отношения в тюркских языках, выступают определенные синтаксические конструкции — притяжательные словосочетания. В таких словосочетаниях и первый (определение), и второй (определяемое) компоненты относятся к словам или словоформам, передающим субстантивную семантику, среди которых могут быть существительные, местоимения, субстантивированные причастия, а также субстантивные формы глагола: сафы¹ и масдары. За такими определительными субстантивными конструкциями в тюркском языкознании закрепился термин «изафеты», или изафетные конструкции [2].

Изафетные конструкции в тюркских языках образуются тремя разными способами, в соответствии с которыми первый и второй компоненты оформлены по-разному: в первом случае в качестве первого и второго компонентов выступает основа имени; во втором случае первый компонент — это основа имени, второй — словоформа с личным аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч.; в третьем случае первый компонент представляет собой словоформу с аффиксом родительного падежа, второй — словоформу с личным аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч.

В предлагаемой статье проводится анализ фактов языка рунических памятников, составленных в период с VI по IX в. [3]. Автор исходит из того положения, что язык этих надписей (далее — язык ДТРП) является неким генетическим предшественником современного турецкого языка, вследствие чего автором ставится задача на материале двух языков проследить диахроническую линию как семантического, так и формально-морфологического развития изафетных притяжательных конструкций.

В связи тем, что турецкому языку в последнее время уделяется большое внимание как самими турецкими, так и иностранными, в том числе российскими исследователями, его фактический материал достаточно хорошо описан в различных грамматиках и учебных пособиях. Практически общим местом в современной тюркологии является определение того, как функционирует каждый тип изафета. В целях

¹ Саф — субстантивно-адъективные формы глагола, распространенные в тюркских языках.

удобства сравнения функций изафетных конструкций, которые обнаруживаются на заре тюркских языков — в рунических памятниках, с современными турецкими имеет смысл ввести краткое описание последних.

В современном турецком языке *первый тип изафета* (изафет I) обычно используется для соотнесения одного предмета с классом предметов, называющих вещество, исходный материал, нацию или народность, т.е. для выражения самой абстрактной притяжательной связи.

Второй тип изафета (изафет II) передает такую притяжательную связь, которая возникает между конкретным предметом и любым *классом* предметов. Такая связь в русском языке выражается словосочетанием типа 'спортивная обувь' (т.е. связь между предметом 'обувь' и классом общих понятий 'спорт'). Эта связь представляет собой притяжательную связь меньшей степени абстракции, чем первая, и может быть охарактеризована как родовая, классифицирующая.

Третий тип изафета (изафет III) употребляется в том случае, когда притяжательная связь осознается как вполне конкретная связь между обладателем и предметом обладания, типа рус. 'комната сына'. В турецком языке такая связь имплицитруется посредством конструкции, в которой слово-обладатель оформляется показателем родительного падежа, а слово — предмет обладания — аффиксом принадлежности 3 л. ед. ч.

С позиций семантики можно проследить некую зависимость между аффиксальным оформлением и степенью конкретности/абстрактности притяжательной связи: в турецком языке морфологическое оформление внутри изафета напрямую зависит от степени конкретности связи — чем она конкретнее, чем явственнее соотносится с отдельными предметами, тем чаще она выражается посредством морфологических элементов.

Таким образом, в турецком языке три разных изафета благодаря своему различному морфологическому устройству выступают синтаксическими средствами выражения разной степени абстрактности *притяжательных связей* — от максимально абстрактных (в первом случае) до максимально конкретных (в третьем случае).

В текстах рунических памятников, составленных на языке, который древнее современного турецкого языка более чем на 10 веков, также можно встретить все три способа выражения притяжательной связи, однако их употребление отличается от свойственного современному турецкому языку.

Описать и попытаться объяснить имеющиеся семантические различия между одними и теми же изафетами языков двух разных эпох и является целью настоящего исследования.

Предваряя основной анализ, можно заметить, что первое, что бросается в глаза при изучении фактического материала древних памятников, это видимое отсутствие четкой привязки семантики к формальному ее выражению. Другими словами, есть основания констатировать, что степень конкретности притяжательной связи не является единственным и неоспоримым критерием для употребления того или иного типа изафета. В тексте (в речи) могут быть употреблены как аффиксальные способы передачи достаточно конкретной с точки зрения современного человека притяжательной связи (изафет II или изафет III), так и безаффиксальный способ (изафет I).

Однако давайте рассмотрим все три типа изафетных словосочетаний более детально.

Изафет I

В большинстве современных тюркских языков употребление этого типа изафета, в котором имена существительные в позиции определения и определяемого связаны простым соположением, обычно детерминируется семантическими условиями: определение указывает на вещество или материал, из которого сделан предмет, выражаемый определяемым. Тот же семантический критерий может обусловить использование этого типа определительной конструкции и в языке ДТРП:

1. **Altyn örgin** (IB, 1) 'золотой трон' (букв. золото трон);
2. **Temir qapuy** (Ktm, 4; Tk, 45) 'железные ворота' (букв. железо трон);
3. **Taş barq** (Mh, 15) 'каменный храм' (букв. камень храм).

Но если в современном турецком языке изафет I употребляется исключительно в вышеуказанном случае, то носители языка ДТРП могли морфологически не оформлять сочетания существительных и в иных случаях — например, когда в качестве определения использовались слова — названия гор, рек и прочих географических мест (1–4), а также слова — названия года по животному циклу (5) [4, с. 218]:

1. **Şantun jazy** (Ktm, 3) 'Шаньдунская равнина';
2. **Ötükän jir** (Tk, 17) 'Отюкенская земля';
3. **Ötükän jiş** (Ktm 3–4) 'Отюкенская чернь';
4. **Ertis ügüz** (Tk, 35) 'река Иртыш';
5. **Biçin jyl** (E 53, 1) 'год обезьяны'.

Также посредством простого соположения компонентов изафета I может быть организовано словосочетание, в котором определение выражено именем существительным, обозначающим название народа, племени, рода.

Baz qayan tokuq oyuz (1) bodun (2) jayy ärmis (Ktb, 14) 'Народ (2) токуз-огузов (1) во главе с Баз-каганом был врагом'².

Факты орхоно-енисейских памятников показывают, что в речи безаффиксальный, лексический способ передачи притяжательной связи мог использоваться намного чаще и для выражения более широкого диапазона смыслов, чем в современном литературном турецком языке.

1. **Anta kisrä Jir Bajirqu (1) uluy Irkin (2) jayy bolty** (Kt, 34) 'После этого великий Иркин (2) (племени) Йир Байирку (1) стал врагом'.

В этом высказывании также можно обнаружить изафет — в качестве определения выступает словосочетание **Jir Bajirqu** (название племени), определяемым является имя собственное **Irkin**. Несмотря на то, что притяжательная связь возникает между этими вполне конкретными предметами, оформлена эта связь не так, как это принято в современном турецком языке (изафетом III), а грамматически значимым соположением.

На основании фактов памятников можно констатировать, что в редких случаях и показатель винительного падежа –(у)ү также способен выступать в качестве средства, опосредованно указывающего на то, что между предметами наличествует притяжательная связь, которая не получает эксплицитного, морфологического выражения с помощью специальных аффиксов. Это возможно в тех случаях, когда слова, связанные притяжательной связью, в высказывании наделены функцией дополнения:

...**Türk bodun (1) üläsikig (2) anta aňyü kisi anča bosyurur ärmis...** (Ktm, 7) '... тогда злобные люди так научали часть (2) Тюркского народа (1)...'

² В текстах примеров цифрой 1 обозначается определение, цифрой 2 — определяемое в изафетной конструкции.

В этом высказывании в словосочетании **Türk bodun ülāsikig** наличие аффикса простого винительного падежа является сигналом отсутствия специального показателя притяжательной связи.

Подобное явно прослеживается и в следующих высказываниях:

Äkinti Ysbara jamtar (1) boz aty (2) binip tädgi (Kt, 33) 'Во второй раз, он сел верхом на белого коня (2), (принадлежащего) Ышбара-Ямтару (1)';

Anta Tonra Jylpayuty (1) bir uyuşy (2) Tonra tigin joıynta ägärä toqydym (Mh, 31) 'Тогда я на похоронах Тонгра-текина, окружив, победил один род (2) Тонгыра Йылпагуты (1)'.

В этих примерах отношение принадлежности между объектом обладания и обладателем, как видим, не имеет эксплицитного морфологического выражения, что, как представляется, по нормам современного литературного турецкого языка почти невозможно. Такая связь в современном турецком тексте должна быть оформлена грамматическим способом третьего изафета, независимо от синтаксической роли, в которой выступает определяемый предмет (будет он подлежащим или дополнением).

В тюркологической среде при грамматическом анализе подобных высказываний современных тюркских языков «опущение» показателя родительного падежа при первом компоненте изафетного сочетания считается сознательным [5, с. 121].

С этим мнением можно согласиться, но в таком случае необходимо объяснить причины подобного «опущения». Перед исследователем естественно встает вопрос: почему в таких словосочетаниях не употреблены соответствующие аффиксы? Ведь в историческом отношении в эпоху создания рунических текстов в этом языке можно встретить изафетные сочетания иного вида (II и III типов). Как было сказано выше, все три типа изафета уже обнаруживаются в текстах. Но случаи употребления всех этих конструкций лишены четко прослеживающейся внутренней закономерности, что нередко ставит исследователя в тупик. Например, безаффиксный изафет (изафет I), вопреки утверждениям некоторых тюркологов, может быть заменен изафетом II в случаях, когда определением выступает слово-этноним:

Toquz oyuz (1) bağlari boduny (2) bu sabymyn ädgüti äsid qatyydy tynla (Ktm, 2) 'Правители и народ (2) племени Токуз Огуз (1) очень хорошо, очень внимательно выслушайте мои слова'.

Üzä türk(1) täñrisi(2) türk yduq jiri suby anca timis... (Ktb, 11) 'Вверху небо (2) тюрков (1) (божество тюрков) и священная земля и вода тюрков так сказали...'.

Интересны случаи, в которых колебания в сфере употребления разных типов изафета проявляются косвенным образом. В позиции прямого дополнения указание на имеющуюся притяжательную связь может быть выражено посредством аффикса -(y) n. Как уже упоминалось выше, традиционно считается, что если такая связь эксплицитно не выражается, то используется аффикс простого винительного падежа -(y) y:

Türk begler türk (1) atyn (2) yty Tabyaçy begler tabyaç (1) atyn (2) tutupan... (Ktb, 7) 'Тюркские правители сложили с себя свои тюркские (1) имена (2), приняв титулы (2) правителей народа Табгач (1)';

Çoıaj (1) quzyn (2) Qara (1) qumyy (2) olurur ärtimiz (Tq, 7) 'Мы обосновались (проживали) в Чогайской (1) низменности (2) и в Кара (1) кумах (2) (букв. в Черных песках)'.

В словосочетании **Çoıaj quzyn**, которое традиционно рассматривается исследователями в качестве притяжательной конструкции, определение **Çoıaj** связано

с определяемым словом показателем –(у)п. Однако следующий пример интересен тем, что словосочетание *Çoyaj jis* построено по принципу простого соположения слов:

Türk bodun üläsikin birijä Çoyaj (1) jis (2) tügül tün jazy qonajyn tisär ... (*Ktm*, 7) *Тюркский народ, когда твоя часть говорила: желаю селиться не только справа (т. е. на юге) в Чугайской (1) черни (2) ...*

Показательны и любопытны примеры, в которых близкие с синтаксической точки зрения высказывания чередуют употребление разных типов изафета для выражения притяжательной связи:

Kül tigin Ögsiz (1) aqyn (2) binip toquz ärin sančdy (*Ktb*, 48–49) *‘Кюль тегин сел на белого (коня) (2) Огсиза (1), заколол 9 воинов’;*

Kül tigin Az (1) jayuzyn (2) binip tägdi äki ärig sančdy balyqa barmady (*Ktb*, 47–48) *‘Кюль тегин, сев на гнедого (2) Азского (1) (коня), выступил (с боем), заколол двух воинов, на город не пошел’;*

Kül tigin Azman (1) aqyy (2) binip, tägdi, sančdy (*Ktb*, 46) *‘Кюль тегин, сев на белого (2) (коня) Азмана (1), вышел в бой и победил’.*

Известны случаи других тюркских языков, например кумыкского, в которых также, в отличие от распространенного в современных тюркских языках способа сочетания слова-этнони́ма с определяемым словом по типу изафета II, употребляется безаффиксальный тип: *къумукъ тил* ‘кумыкский язык’ вместо привычного в этом случае *къумукъ тил-и*.

Перед исследователем вновь возникает вопрос: почему одна и та же притяжательная связь в разных тюркских языках, и тем более в одном и том же языке, может быть выражена разными типами изафета?

Изафет II

В текстах рунических памятников встречаются высказывания, в которых для выражения притяжательности также употреблен изафет II:

Bodunyy äčüm apam (1) törüsinča (2) jaratmis bosyurmıs (*Ktb*, 13) *‘Народ он устроил и направил в соответствии с законом (2) моих предков (1)’.*

Между тем в приведенном примере в сочетании ‘закон моих предков’ **äčüm apam törüsi**, который оформлен изафетом II, первый компонент **äčüm apam** наделен личным аффиксом принадлежности ‘мой’. Если следовать формальным законам современного турецкого языка, то наличие аффикса принадлежности у слова-обладателя требует употребления у этого слова родительного падежа и тем самым общего оформления словосочетания по принципу изафета III.

Изафет III

В рунических надписях обнаруживаются варианты полного изафета, или изафета III, т. е. атрибутивных словосочетаний, в которых каждый компонент (и определение, и определяемое) имеет морфологическое оформление: первый — аффикс родительного падежа, второй — личный аффикс принадлежности 3 л. ед. ч.:

Türk bodunyn (1) ilin törüsin (2) tuta birmiř (*Kt*, 8) *‘(Тюркские каганы) поддерживали государство и законы (2) тюркского народа (1)’* (Изафет III: **bodunyn ilin törüsin** ‘букв. народа государство+его закон+его’);

Bilgä qayanyn (1) boduny (2) ... (*Oa*, 3) *‘Народ (2) мудрого кагана (1)...’* (Изафет III: **qayanyn boduny** ‘букв. кагана народ+его’);

Ol qanym älimiñ (1) bänüsi (2) ... (Е 24, 2) *‘Это — вечный памятник (2) моего хана и моего государства (1)’* (Изафет III: **älimiñ bänüsi** ‘букв. моего государства вечный памятник+его’).

Личные местоимения в форме родительного падежа также способны репрезентировать субъект обладания в притяжательных конструкциях:

Türgiſ qayan ança temiſ beniñ (1) bodunym (2) anta ärür (Tk, 21) *‘Тюркешский каган так молвил: «Мой (1) народ (2) там будет»’;*

Meniñ (1) süm (2) uç... (Мч, 33) *‘Мои (1) войска (2) три...’*

В текстах можно встретить необычные для тюркских языков случаи. В таких непривычных словосочетаниях слово-определение стоит в форме родительного падежа, а определяемое не присоединяет ожидаемый личный показатель принадлежности:

...üçinç Jayyn Silig bägiñ (1) kädimliḡ torıy at (2) binip täḡdi (Kt, 33) *‘В третий раз он сел на оседланного гнедого коня (2) Йагын силиг бека (1)...’*

Подобные же примеры можно встретить тогда, когда обладатель выражен личным местоимением с показателем родительного падежа, определяемое же слово в силу каких-то причин остается без морфологического оформления:

Biziñ (1) sü (2) aty turuq azuqy joq ärti (Ktb, 39) *‘Кони нашего войска тощие, корма у них не было’;*

Siziñ (1) är at (2)... (Е 26) *‘Ваше героическое имя’;*

Biziñ (1) sü aty (2)... (Ktb, 39) *‘Кони нашего войска’.*

В последнем примере у определяемого слова присутствует аффикс принадлежности, но не 1 л. мн. ч., как необходимо, а 3 л. ед. ч.

В ходе исследования текстов рунических памятников удастся выделить следующие моменты.

1. Несмотря на то, что в текстах обнаруживаются все три типа изафета, бесспорно, в качестве доминирующего способа выражения притяжательных отношений выступает лексический (первый тип), который способен заменять как второй, так и третий тип изафета.

2. В качестве особенности этого древнего языка можно признать стремление привлекать неаффиксальный способ выражения притяжательности — способ простого соположения слов.

3. Налицо также колебания в сфере употребления изафета II и изафета III, возможность использовать изафет II вместо изафета III и общая неустойчивая норма использования этих конструкций для передачи притяжательных отношений.

4. В рунических текстах встречается притяжательная конструкция, которая, очевидно, в ходе исторического развития так и не стала нормативной и употребительной, по крайней мере в литературном турецком языке. Это конструкция, в которой слово-обладатель имеет морфологический показатель, а слово, передающее объект обладания, такого оформления не получает.

Несомненно все эти факты ставят исследователя перед необходимостью найти некое объяснение указанных явлений. На мой взгляд, перспективным направлением лингвистического исследования можно признать поиск связи между функционированием конкретных форм и строем языка в целом.

При планомерном изучении отдельных языковых фактов растет убежденность одновременно в том, что многие особенности обусловлены морфологическим типом

изучаемого языка, и в том, что морфологическая классификация языков должна не столько опираться на способ выражения служебной информации посредством разного типа морфем, сколько пытаться найти причину употребления именно тех морфем, которые выделяются в качестве ведущих в каждом типе языков.

Другими словами, перед типологом в первую очередь должен стоять вопрос: почему в агглютинативных языках употребляются морфемы, которые с легкостью отделяются друг от друга? Или — отчего во флективных языках словоформа представляет собой практически неделимое единство? Таким образом, установление разновидности морфемы, а шире — типа способа передачи служебной информации, должно быть лишь первой ступенью в поиске глубинного критерия, формирующего языковой тип.

На мой взгляд, агглютинативный язык тюркского типа определяется не тем, что в нем в качестве доминирующего способа передачи служебной информации используются однозначные аффиксы, границы между которыми в большинстве случаев легко обнаруживаются, а тем внутренним законом, который диктует языку создавать именно такие морфемы. Этот закон, бесспорно, является причиной всех особенностей, выделяемых исследователями в тюркских языках как на уровне морфологии, так и на уровне синтаксиса [6].

Благодаря исследованиям ряда ученых [7; 8] удастся сформулировать закон устройства тюркских языков, который заключается в том, что носитель языка имеет постоянную возможность в *речи* экономно использовать морфологические показатели и имеет *право выбора*: может употреблять аффиксы в речи лишь тогда, когда в них имеется необходимость. На основании этого закона в тюркских языках формируется *тенденция к экономной аффиксации*, которая наделяет аффикс необычной для морфемы самостоятельностью, нередко сравниваемой со значимостью самостоятельного слова индоевропейских языков.

Вслед за многими специалистами по алтайским языкам, можно поддержать мнение о том, что первоначально общая структура всех алтайских языков характеризовалась значительной неопределенностью и отношения между элементами действительности в высказывании определялись на основании порядка слов, означающих эти элементы [9, с. 338]. То есть именно стремление к *неупотреблению* грамматических показателей тогда, когда информация ясно передается контекстом, было причиной того, что для тюркского языка первобытного (дорунического) периода могут быть характерны высказывания, в которых любая служебная информация передается *имплицитно*, без участия морфологических показателей, а только лишь посредством линейного соположения слов.

Следовательно, и для передачи притяжательной связи вначале, вероятно, мог использоваться способ соположения, как единственно возможный в «корневом» («аморфном») языке для построения атрибутивной конструкции, типа **Qayan at** ‘хан конь’ в смысле ‘ханский конь’ и даже ‘конь хана’.

А. М. Щербак приводит встречающиеся в диалектах современных тюркских языков примеры безаффиксного сочетания имен, семантические отношения между которыми являются притяжательными [10, с. 82]. При этом А. М. Щербак заключает, «что возможность выражения принадлежности посредством сочетания имен по способу примыкания вполне реальна» [10, с. 82]. Таким образом, *соположение* можно признать первой ступенью в развитии изафетных конструкций в плане диахронии.

Этим можно объяснить наличие в орхоно-енисейских текстах в качестве рефлексов такого явления большого количества случаев передачи притяжательности безаффиксальным путем.

Усложнение языковой ситуации, вероятно, побуждает язык искать новые пути и для передачи соответствующих смыслов. Если соположение уже не устраивает в качестве удобного и понятного способа выражения принадлежности, то эту связь необходимо подкрепить каким-то служебным элементом, т. е. появляется необходимость введения в высказывание неких «уточнителей», значение которых сводилось бы к более точному указанию на существующее отношение (поначалу очень общее) между элементами. Многие исследователи называют такое первое, начальное употребление аффиксов — употреблением «в целях защиты смысла». Таким образом, начинается поиск более удобного способа преобразовать исходное безаффиксальное высказывание. Поиск, очевидно, мог идти двумя путями — «уточнитель» мог употребляться либо у первого компонента, либо у второго: в словосочетании **Qayan at** «уточнителем» могло оформиться либо слово **Qayan**, либо слово **at**. Этим можно было бы объяснить обнаруживаемый в руническом тексте пример, в котором у определения есть аффикс родительного падежа, а у определяемого слова никакого аффикса нет. Видимо, тюркские языки могли пережить этап, в течение которого происходил отбор наиболее приемлемого способа, что порождало колебания в речевых употреблениях.

Как известно, в тюркских языках прижился тот вариант, в котором показатель добавляется к определяемому слову, т. е. та конструкция, которая в современном тюркском языкознании получила название «изафет II». Этот тип передачи притяжательной связи представляет собой вторую ступень в развитии изафетных конструкций. В пользу предположения о том, что типы притяжательных конструкций развивались последовательно, а не одновременно, свидетельствует якутский язык.

В якутском языке так и не возникло коммуникативной потребности в развитии третьего типа изафета, вследствие чего неразвитой оказалась форма родительного падежа. Притяжательная конструкция типа ‘мой дом’ строится с помощью основной формы личного местоимения, сочетающейся со словом с соответствующим личным компонентом принадлежности [11, с. 47]:

Мин дьиэм ‘мой дом’	(досл. я дом+мой)
Эн дьиэн ‘твой дом’	(досл. ты дом+твой)
Кини дьиэтэ ‘его дом’	(досл. он дом+его)

Очевидно, именно вариант этого языка можно признать промежуточной формой в развитии притяжательных конструкций от простого соположения компонентов до приобретения каждым из компонентов морфологического оформителя. Отделившись от основной массы тюркских языков еще в дорунический период, якутский язык, очевидно, в «законсервированном» виде сохранил ту конструкцию притяжательного соотнесения двух предметов, в которой уточняющий эту связь знак появляется только у второго компонента, т. е. у определяемого. Этот факт дает возможность предположить, что в III в., т. е. в момент отпочкования якутского языка, в существующих в то время тюркских языках этот способ выражения отношения принадлежности вполне мог быть распространенным. В языке рунических текстов

этот тип конструкции предстает уже в качестве общеупотребительного и регулярно используемого.

Кроме того, можно смело утверждать, что в синхронии языка рунического периода происходит формирование и отработка полного варианта притяжательной конструкции, т. е. происходит процесс, во-первых, «узуализации» формы родительного падежа, а во-вторых — разделения сфер употребления синтаксических конструкций с родительным падежом и без него.

В качестве конечного результат развития изафетных конструкций в тюркских языках может быть принят вариант современного турецкого языка.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Колебания в сфере употребления изафетных конструкций в текстах рунических памятников обусловлены 1) самим строем языка и его основным стремлением к энонии аффиксов в речи; 2) тем, что в синхронии языка еще не закончен процесс разделения и обособления грамматических значений трех типов изафетных конструкций.

В современном турецком языке (который воспринимается в качестве исторического потомка языка ДТРП) эти процессы уже получили свое завершение, вследствие чего в нормативной речи (как письменной, так и устной) случаи колебаний, т. е. отсутствия необходимого морфологического оформления или замены одного изафета другим, сведены к минимуму.

Литература

1. Севортян Э. В. Категория принадлежности // Историческая сравнительная грамматика тюркских языков. Ч. II: Морфология. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. С. 38–40.
2. Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 187 с.
3. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980. 255 с.
4. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 472 с.
5. Серебренников Б. А. Об устойчивости агглютинативного строя // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.: Наука, 1965. С. 7–26.
6. Мельников Г. П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003. 395 с.
7. Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. III. Ч. I. СПб., 2007. С. 109–117.
8. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 371 с.
9. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. 191 с.
10. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I: Простое предложение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 304 с.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Дубровина Маргарита Эмильевна — кандидат филологических наук, доцент;
maggydu@rambler.ru

Dubrovina Margarita E. — PhD, Associate professor; maggydu@rambler.ru

*Чу Цзы-Чен (Чу Цзычэн)***МЕТАФОРИЧЕСКИЕ И МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ:
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ИДИОМ И КИТАЙСКИХ ЧЭНЬЮЕВ**

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

В статье выделены и рассмотрены разновидности метафорических и метонимических моделей внутренней формы фразеологических единиц на материале русских идиом и китайских чэньюев. Возможность выделения у фразеологизмов русского и китайского языков общих метафорических и метонимических моделей внутренней формы доказывает, что фразеологические единицы типологически очень далеких языков (в данном случае русского и китайского) могут иметь и нередко имеют аналогичный способ образной мотивации актуального значения. В целом сопоставление фразеологических единиц разных языков по данному направлению не только дает возможность рассматривать их как целые объекты исследования (без всякого формального и смыслового разложения), но и представляет собой актуальный подход для выяснения их сходства в когнитивном аспекте. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: фразеология, русские идиомы, китайские чэньюи, внутренняя форма, модели внутренней формы.

**THE METAPHORICAL AND METONYMICAL INNER-FORM MODELS OF
PHRASEOLOGICAL UNITS — A CASE STUDY OF RUSSIAN IDIOMS AND
CHINESE CHENGYU***Chu Tzuchien*

V. V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
18/2, ul. Volkhonka, Moscow, 119019, Russian Federation

In this article author introduces several variants of the metaphorical and metonymical inner-form models of phraseological units on the material of Russian idioms and Chinese Chengyu. Phraseological units of two typologically very different languages such as Russian and Chinese despite their morphological and syntactic dissimilarity often share the same motivating methods of actual meaning which can be generally distinguished as metaphor or metonymy. In conclusion, a comparative analysis and classification of idioms in different languages according to certain inner-form models of phraseological units allows us not only to study these phrases as complete objects (without any formal and semantic division) but also to find their similarities in cognitive aspects. Refs 15.

Keywords: phraseology, russian idioms, chinese chengyu, inner form, inner-form models.

Фразеология представляет собой актуальное направление исследований русского и китайского языков и культурных традиций. При этом стоит уделить внимание тому, что в типологическом плане идиомы разных языков (в данном случае русского и китайского) существенно отличаются друг от друга. Здесь речь идет не только о безэквивалентных вариантах, но и о фразеологических разрядах, которые не имеют аналогов во фразеологической системе другого языка. Формальные и структурные различия фразеологических единиц разных языков, как правило, существенно затрудняют их сопоставительный анализ. Для преодоления этих трудностей в данной статье выделены и рассмотрены две основные группы моделей внутренней формы фразеологической единицы (далее — ВФ ФЕ) — метафора и метонимия — на материале русских идиом и китайских чэньюев (четыреиероглифических фразеологиз-

мов) и гуанъюнюев (привычных фразеологических выражений, характеризующихся преимущественно трехиероглифическим строением).

Идея внутренней формы (ВФ) отражается как в языке в целом, так и в языковых единицах разных уровней (прежде всего на уровнях слова и словосочетания). Называя язык «внешним проявлением духа народов», немецкий философ В. Гумбольдт описывает внутреннюю форму языка как способ употребления звуковых форм для обозначения предметов и связей мысли, демонстрирующий общие законы языка [1, с. 107]. Исходя из идеи Гумбольдта, российский философ Г. Г. Шпет уточняет, что внутренняя словесно-логическая форма (ВФ слова) — это прием, метод, способ формообразования слов-понятий [2, с. 117]. Дальше в психолингвистическом направлении исследования российский языковед А. А. Потебня связывает термин «внутренняя форма слова» с отношением содержания мысли к сознанию, т. е. со способом представления человеку его собственной мысли [3, с. 98]. В. Г. Так дал принципиально сходное определение, считая, что ВФ слова — это контрастный признак, указывающий на источник названия [4, с. 46]. В. В. Виноградов расширяет это понятие, определяя ВФ слова как образ, обусловленный идеологически, культурно-исторически и социально [5, с. 17–18]. Современные лингвисты предлагают лингвистическое понимание ВФ слова. Например, Л. Л. Крысин пишет, что ВФ слова представляет собой связь его звучания и словообразования со смыслом [6, с. 723].

Обобщая идеи разных ученых, можно определить ВФ слова как связь мысли человека и содержания слова, т. е. связь образа в сознании человека и прямого значения слова. Образ (или образ мира) — это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии [7, с. 265]. Основой создания образа в сознании человека выступает опыт, полученный индивидом при взаимодействии с объективной реальностью [8, с. 284]. Образ как представление об ассоциированной с конкретными языковыми знаками ситуации в процессе общения остается в сознании партнеров по коммуникации и недоступен для прямого наблюдения [9]. Таким образом, в составе ВФ слова образ выступает как представление в сознании человека о ситуации, передаваемой составными элементами слова.

В разных языках ВФ слова может определяться разными способами. Например, в связи с тем, что русский язык — язык синтетического типа со сложной системой флексий, ВФ русского слова определяется составляющими их морфемами (префиксы, суффиксы, корни) и их лексико-грамматическими значениями. Когда слово прозрачно по (словообразовательной) структуре, его ВФ проста: *бумажный* ('сделанный из бумаги'), *отсрочить* ('передвинуть на другой, более далекий срок') [6, с. 723]. ВФ китайских слов определяются двумя способами — либо иероглифами, либо составными частями иероглифов (部首 *bùshǒu* «иероглифические ключи»). В первом случае, если рассматриваются китайские двусложные и многосложные слова, ВФ слова объясняется иероглифами. Например, двусложное слово 工作 *gōngzuò* 'работать; работа' состоит из иероглифов 工 *gōng* 'рабочий' и 作 *zuò* 'делать; заниматься чем-либо', за счет которых в сознании человека появляется образ (представление 'рабочий занимается чем-либо'). Двусложное слово 武器 *wǔqì* 'оружие' составляют иероглифы 武 *wǔ* 'военный' и 器 *qì* 'изделие; прибор, аппарат', которые, соответственно, дают представление 'военное изделие'. Трехсложное слово 三輪車 *sānlúnchē* 'трехколесный велосипед' имеет в своем составе три иероглифа 三 *sān* 'три; третий', 輪 *lún*

‘колесо’ и 車 chē ‘телега; повозка; тачка; автомашина; вагон’ (представление о ‘телеге с тремя колесами’). Во втором случае, если обсуждаются китайские слова, состоящие только из одного иероглифа, внутренняя форма слова отражается в их частях (бушоу). Например, слово 清 qīng ‘чистый; прозрачный’ составляют две части 氵 (水) shuǐ ‘вода’ и 青 qīng ‘зеленый’. Значение ‘прозрачный’ связывается с представлением прозрачной воды со светло-зеленым оттенком. Иероглиф 信 xìn ‘достоверный’ состоит из двух элементов 人 rén ‘человек’ и 言 yán ‘речь’, т.е. значение ‘достоверный’ исходит из представления о ‘человеческой речи’.

По отношению к ВФ ФЕ А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский предлагают гипотезу о семантической реальности внутренней формы ФЕ, в которой ФЕ рассматривается не только как языковой феномен, но и как когнитивный [10, с. 21]. По мнению этих двух ученых, ВФ ФЕ, грубо говоря, — это «осознаваемая носителем языка образная мотивация значения его составляющими словами», в которой выделяются две стороны: образ (образная часть, образная составляющая) и способ указания на актуальное значение [11]. Образ ВФ ФЕ выступает, в соответствии с понятием ВФ слова, как представление о ситуации или о ее отдельных компонентах, сформированных буквальными значениями составляющих слов ФЕ [10, с. 100], выполняя функцию источника семантического преобразования. Способ указания на актуальное значение — это схема семантического преобразования, в результате реализации которой возникает актуальное значение ФЕ в целом. Точнее, способ указания — это «движение мысли (или схема движения мысли), которое фиксируется и так или иначе проявляет себя в актуальном значении соответствующей языковой формы — будь то фразеологизм или служебное слово» [12]. Для описания этой схемы А. Н. Баранов использует также термин «модель внутренней формы» [13].

Весь процесс образования ВФ ФЕ можно описать так: в мире сначала возникает некая прототипная ситуация, передаваемая буквальным значением фразеологизма (представление о которой — образ). Затем буквальное значение фразеологизма (или ситуация) переосмысливается, и формируется актуальное значение фразеологизма [14, с. 84]. Например, для русской идиомы *бездонная бочка* характерна метафорическая модель ВФ, в составе которой образ — представление о бочке без дна, в результате преобразования которого возникает актуальное значение ‘о чем-либо требующем неоднократных и неопкупающихся затрат’. Можно рассмотреть китайский чэньюй 人仰馬翻 rényǎngmǎfān букв. «вверх ногами кони, а люди кувырком». В составе ВФ этого чэньюя образ — представление ‘вверх тормашками, вверх ногами, с ног на голову’, а актуальное значение — ‘полная неразбериха’.

Метафора понимается как перенос названия одного предмета на другой на основе сходства, аналогии и т.п. по тем либо иным признакам или по выполняемой функции [15, с. 231]. Применительно к ВФ ФЕ речь идет о метафорическом способе мотивации актуального значения. По форме можно выделить два подтипа метафоры — эксплицитная и имплицитная.

Модели **эксплицитной метафоры** присуще употребление союза «как»: *гол как сокол* (о неимущем человеке); *как на каменную гору надеяться* (вполне полагаться на кого/чего-либо); *как об стену горох* (ничего не действует на кого-либо); *как белка в колесе (вертеться)*; *как бельмо на глазу*; *печь как блины*; *пить как бочка*. Соответствующие китайские примеры обычно содержат такие служебные слова, как 如 rú ‘подобно; наподобие; как’; 若 ruò ‘как будто; вроде’; 似 shì ‘словно; подобно; (такой)

как': 如虎添翼 rúhǔtiānyì букв. «как если бы тигру еще и крылья придать» (преисполниться новых сил); 門庭若市 méntíng ruòshì 'перед домом [людно и шумно] как на рынке' (большой съезд гостей; хлебосольный дом, гостеприимная семья; жить на широкую ногу); 如花似玉 rúhuā sìyù букв. «как цветок или яшма» (прекрасный, прелестный, изумительный, очаровательный (эпитет для красавицы)); 似是而非 sìshì èr fēi букв. «похоже, да не совсем» (кажущаяся правдоподобность).

К модели **имплицитной метафоры** можно отнести русские идиомы, в составе которых нет союза «как»: *бездонная бочка*; *капля в море*; *карточный домик*; *последняя карта*. В китайском языке к данному типу относятся чэньюи, в состав которых не входят указанные выше служебные слова: 狼吞虎嚥 lángtūnhǔyàn букв. «глотать, как волк, пожирать, как тигр» (жадно пожирать; иметь волчий аппетит); 狐群狗黨 húqúngǒudǎng букв. «лисья стая, собачья свора» (банда негодных людей; разношерстный сброд); 雞鳴狗盜 jīmínggǒudào букв. «[как] петух поет [и как] собака крадет» (о незначительных способностях или поведении у кого-либо); 騎驢找馬 qílúzhǎomǎ букв. «сидя на осле, высматривать лошадей» (сохраняя за собою старое место, искать лучшего); 牆頭草 qiángtóucǎo букв. «трава на гребне стены» (о человеке без твердых убеждений); 萬金油 wànjīnyóu букв. «китайская ментоловая мазь от головной боли, головокружения, ожогов» (о всезнайке-дилетанте).

По типу объектов, понятия которых подвергаются метафорическому переносу в семантике ФЕ, можно различать три разновидности метафорических моделей ВФ.

К первой группе относятся русские идиомы и китайские чэньюи, включающие в свой состав **перенос названий предметов**. Например, русские идиомы: *первый блин комом* (о неудачном начале какого-либо дела, о неуспешном первом опыте); *больное место* ('наиболее уязвимая сторона, свойство кого/чего-либо'); *богатырский сон* ('очень крепкий сон'). Ср. китайские чэньюи: 草木皆兵 cǎomùjiēbīng букв. «и трава и деревья кажутся [вражескими] солдатами» (пуганая ворона и куста боится); 滄海一粟 cānghǎiyīsù букв. «зернышко проса в безбрежном море» (ничтожная величина, капля в море); 天涯海角 tiānyáhǎijǐǎo букв. «даже на краю небес и в [дальнем] уголке моря» (край света, медвежий угол; далеко, на краю света, за тридевять земель); 水深火熱 shuǐshēnhuǒrè букв. «в глубокой воде и жарком огне» (невыносимые страдания; критическое положение; ад крошечный; многострадальный). Гуанъюньюи: 一盤棋 yīpánqí букв. «вся шахматная партия» (подход к частному с учетом интересов общего); 絆腳石 bànjiǎoshí букв. «камень преткновения» (обуза; помеха).

Ко второму типу можно отнести **перенос названий существ (лиц или животных)**: *базарная баба* (крикливая, вздорная женщина); *белая ворона* (о человеке, резко выделяющемся среди других, непохожем на окружающих); *сиамские близнецы* (о духовной близости, дружбе, привязанности друг к другу двух человек); *гусиная кожа* (кожа, покрытая мелкими пупырышками, появляющимися у человека от холода или нервного возбуждения); *канцелярская крыса* (мелкий служащий, чиновник). В качестве китайских примеров можно привести следующие чэньюи и гуанъюньюи: 一馬當先 yīmǎdāngxiān букв. «словно конь, ведущий весь табун» (быть впереди, служить примером); 害群之馬 hàiqúnzhīmǎ букв. «как лошадь, которая весь табун портит» (ср. рус. паршивая овца все стадо портит); 鵬程萬里 péngchéngwànlǐ букв. «как пэн (вид птицы), полет которого — 10 тыс. ли (китайская единица меры)» (широкие перспективы, великие достижения в будущем); 老狐狸 lǎohúli букв. «старая лиса» (о хи-

тром человеку); 千里馬 qiānlǐmǎ букв. «превосходный конь, скакун» (о талантливом человеке).

ФЕ третьего типа содержат метафорический **перенос названий явлений или действий**. В составе соответствующих русских идиом обычно присутствуют глаголы, а также управляемые ими существительные (в беспредложных или предложных падежах): *бирюком смотреть* (иметь утрюмый, замкнутый вид); *бить в цель* (достигать требуемого, желаемого результата); *играть в бирюльки* (заниматься пустяками); *идти/подниматься в гору* (достигать благополучия, приобретать вес, значение, получать повышение по службе и т. п.); *стоять горой* (всеми силами заступаться за кого-, что-либо, защищать кого-, что-либо); *довести кого-либо до белого каления* (крайне раздражить, вывести из себя); *обещать золотые горы* (обещать слишком много); *смешать карты* (расстроить чьи-либо планы, расчеты); *тянуть канитель* (канителиться); *вбить клин* (разъединить, разобщить, поссорить кого-либо); *показать когти* (проявить, обнаружить злые намерения, готовность к нападению, к отпору и т. п.); *колоть глаза* (вызывать досаду, раздражение, быть неприятным кому-либо). Китайские чэньюи: 海枯石爛 hǎikūshílàн букв. «[пока] море [не] высохнет и камни [не] сгниют» ((обычно в клятвах) навсегда, на веки вечные); 閉月羞花 bìyuèxiūhuā букв. «затмить луну и посрамить цветы» (о красавице); 石沉大海 shíchéndàhǎi букв. «как в море кануть» (исчезнуть бесследно); 大海撈針 dàhǎilāozhēn букв. «доставать иглу из моря» (ср. рус. «искать иголку в стоге сена»); 拈花惹草 niānhuārěcǎo букв. «хвататься за цветы и дергать траву» (заводить любовные шашни, обольщать женщин); 沉魚落雁 chényúluòyàn букв. «заставить рыбу утонуть и гуся сесть» (о необыкновенной красоте женщины). Гуаньюнюи: 放冷箭 fànglěngjiàn букв. «нанести удар в спину [из-за угла]» (интриговать); 碰釘子 pèngdīngzi букв. «попасти на гвозди» (получить отказ; потерпеть фиаско); 走鋼絲 zǒugāngsī букв. «хождение по канату» (рисковать); 扣帽子 kòumàozi букв. «надеть на кого-либо шапку» (навесить [прилепить] кому-либо ярлык).

Здесь даются только самые общие метафорические модели ВФ русских и китайских ФЕ. Дальнейшая подробная классификация метафорических моделей ВФ ФЕ еще ожидает разработки. Например, такие фразеологизмы, относящиеся к модели **переноса внешних признаков или характеристик**: *бабушка надвое сказала*, 兩面三刀 liǎngmiànsāndāo букв. «два лица, три ножа» (двуличный, лицемерный).

Метонимией называется перенос значения на основании ассоциации по близости в пространстве или времени, по логической смежности и по причинно-следственной связи [15, с. 234]. Анализируя ФЕ, относящиеся к метонимическим моделям, можно наблюдать метонимические отношения между образом и актуальным значением. Внутри метонимической модели можно вычленить еще два подтипа: модели полной и неполной метонимии.

К **полной метонимии** относятся ФЕ русского и китайского языков, в которых зафиксированы метонимические отношения между образом и актуальным значением в целом. Иными словами, все составляющие компоненты ФЕ употребляются в метонимическом значении. Например, по отношению «форма — содержание» можно привести такие русские глагольные идиомы, как *чесать затылок* (в затылке) (о жесте, выражающем раздумье, недоумение, размышление); *в глазах зеленеет* (о состоянии дурноты от слабости, усталости); *поднять знамя* (став во главе, начать борьбу за что-либо, во имя чего-либо); *забросать камнями* (подвергнуть осужде-

нию); *сложить оружие* (признавать себя побежденным, сдаваться); *видать в гробу в белых тапочках* (быть равнодушным к кому-либо, чему-либо); *бить себя в грудь* (клясться, доказывать свою правоту, убеждать кого-либо в чем-либо); *гранить мостовую* (бродить без дела; шататься); *поднять бокал* (выпить за чье-либо здоровье); *держат под каблуком* (держат в полном подчинении (обычно мужа)). Можно привести еще ряд фразеологизмов с главным словом — существительным: *толстый карман* (о наличии у кого-либо больших денег); *комбинация из трех пальцев* (фига, кукиш). К этому же типу относятся такие китайские чэньюи и гуанъюнюи: 拋戈棄甲 pāogēqìjiǎ букв. «волочить за собой копье и бросать латы» (потерпеть поражение); 腦滿腸肥 nǎomǎnchángféi букв. «полная голова и толстые кишки» (разъевшийся (разжиревший) обыватель; тунеядец); 登高一呼 dēnggāoyīhū букв. «совершать восхождение, подниматься на гору и делать один крик» (о каком-то влиятельном человеке, выступающем с призывом); 坐吃山空 zuòchīshānkōng букв. «[Если просто] сидим и кушаем, не станет даже целой горы» (предаваться праздности [и расточительству, обжорству] до полного разорения); 抱佛脚 bàofójiǎo букв. «припадать к ногам Будды [когда беда уже нагрянула]» (поздно спохватиться); 交白卷 jiāobáijuǎn букв. «сдать чистый лист» (не выполнить задание).

К **неполной метонимии** относятся идиомы, в лексическом составе которых один элемент употребляется в метонимическом значении, а остальные — в прямом. Иными словами, в метонимическом переосмыслении участвует только часть лексического состава ФЕ. В качестве примера можно привести русскую идиому *не сегодня — завтра*. Компоненты *сегодня* и *завтра* употребляются в переносном значении 'ближайшее будущее', 'скоро' или 'ныне', а *не* — в прямом, отрицательном значении. К данному типу можно отнести ряд идиом с существительными в предложном падеже: *с колыбели* (с самого раннего детства); *в кавычках* (так называемый); *до гроба* ('до смерти'). Кроме того, можно привести такую глагольную идиому, как *заработать на кусок хлеба* (компонент *кусок хлеба* семантически связывается с идеей 'определенный допустимый уровень жизнь'). В китайском языке можно назвать такие чэньюи, как: 眼高手低 yǎngāoshǒudī букв. «глаза выше, чем руки» (хочется, да не может; одного хотения мало); 為虎作倀 wèihǔzuòchāng букв. «служить тигру в качестве призрака съеденного им человека» (о человеке, который сдался врагу и помогает ему совершать злодеяния); 如虎添翼 rúhǔtiānyì букв. «придавать тигру крылья» (способствовать усилению злодея, помогать злодею творить зло). Можно рассматривать и такие гуанъюнюи, как: 丟飯碗 diūfǎnwǎn букв. «потерять чашку с рисом» (потерять работу); 開綠燈 kāilǜdēng букв. «дать зеленый свет» (дать разрешение); 黑名單 hēimíngdān букв. «черный список» (тайно составляемые списки лиц чем-либо опороченных, неугодных власти, администрации и т. п.); 單相思 dānxiāngsī букв. «односторонняя тоска по кому-либо» (односторонняя (неразделенная) любовь).

Выделяется еще один способ метонимического переноса — **синекдоха**. Синекдоха — это особый тип переноса лексических значений, который основывается на связи между общим и частным, т. е. между целым предметом и его частью. К образованным этим способом можно отнести такие идиомы, как *второе дыхание*; *вторая молодость*. Этими двумя идиомами описывают возобновление энергии и бодрости. К данному типу относятся также идиомы, указывающие на человека с помощью указания на часть тела: *горячая голова* (человек поступающий опрометчиво, излишне поспешно); *попасть под горячую руку* (в минуту гнева, раздражения кого-либо). Ме-

тонимические отношения «целое — часть» в китайском языке наблюдаются во ВФ следующих чэньюев: 舉手投足 jǔshǒutóuzú букв. «поднимать (занести) руку и выбрасывать (выставлять) вперед ногу» (о том, как ведет себя человек в целом); 一心一意 yīxīnyīyì букв. «единая мысль» (всеми помыслами души; всей душой; всем сердцем); 臉上無光 liǎnshàngwúguāng букв. «без света на лице» (опозориться); гуанъюнью 烏紗帽 wūshāmào букв. «черная шляпа (форменный головной убор чиновников китайской цинской династии)» (чиновничья должность).

Стоит отметить, что данный подход к выделению и сопоставлению ФЕ русско-го и китайского языков носит экспериментальный характер и имеет определенные ограничения.

Во-первых, к конкретным моделям ФЕ можно отнести только идиоматичные ФЕ с семантически членимой внутренней формой. За пределами рассмотрения оказываются неидиоматичные ФЕ, у которых актуальное значение фактически является дословным. Например, такие русские идиомы, как: *придерживаться буквы закона; до беспамятства; за бесценок; для пуццей важности*, а также китайские чэньюи: 奉公守法 fènggōngshǒufǎ 'следовать служебному долгу и строго соблюдать законы; быть законопослушным'; 渾然忘我 hùnránwàngwǒ 'совершенно самозабвенный; самоотверженный'; 一文不值 yīwénbùzhí 'ломаного гроша не стоит'; ср. также гуанъюнью 守財奴 shǒucáinú 'скряга, скупец'.

Во-вторых, данная классификация не подходит для конкретных высокоидиоматичных ФЕ, связь между формой и содержанием которых не может быть определена. В русском языке можно привести следующие идиомы: *бить баклуши* (бездельничать); *ничтоже сумняшеся* (ни в чем не сомневаться); *темна вода во облацех* (нечто непонятное); *глас вопиющего в пустыне* (напрасные уговоры, призывы, которым никто не внимлет). В китайском языке можно привести гуанъюнью: 王八蛋 wángbādàn букв. «черепашее яйцо» (ублюдок); 二百五 èrbǎiwú букв. «число 250» (недотепа, дурень).

В-третьих, стоит уделить внимание таким безэквивалентным ФЕ, способ мотивации актуального значения которых опирается в большей степени на дополнительные фоновые знания об их этимологии (исторические события или явления, передаваемые их дословным значением): *Варфоломеевская ночь* (имя нарицательное для жестокой внезапной расправы); *было дело под Полтавой* (некое важное, особое событие); *избиение младенцев* (о чрезмерных строгостях, о суровых требованиях, предъявляемых к людям молодым, неопытным); *коломенская верста* (об очень высоком человеке); *колосс на глиняных ногах* (о чем-либо внешне величественном, но по существу слабом); *потемкинские деревни* (показуха, очковитительство, ложный блеск, который призван скрыть неблагоприятное положение дел); 洛陽紙貴 luòyángzhǐguì букв. «в Лояне даже бумага вздорожала» (о великольном литературном произведении)¹; гуанъюнью 鴻門宴 hóngményàn букв. «хунмэньское празднество» (ловушка; ситуация ложной радости, за которой скрыто предательство); 中山狼 zhōngshānláng букв. «чжуншаньский волк» (о неблагодарном человеке, нападающем на своего благодетеля). Такие безэквивалентные ФЕ должны рассматриваться отдельно.

¹ Этот чэньюй ссылается на исторический факт: в Лояне, столице древнекитайской династии Цзинь, когда бумага ушла на печатание выдающегося литературного произведения, возник бумажный дефицит.

С учетом множества различий в структуре и образовании русских и китайских ФЕ, их было бы сложно сопоставлять по внешней форме без компонентного и семантического разложения. Кроме того, сопоставления ФЕ двух языков по выражаемой семантике недостаточно для того, чтобы отразить их внешние, формальные особенности. Выделение и сопоставление ФЕ двух языков по метафорическим и метонимическим моделям ВФ ФЕ представляется оптимальным решением, которое позволяет нам не только сопоставить ФЕ двух языков в целом, но и выяснить их общность в когнитивном плане. Данный подход исследования ФЕ разных языков релевантен для описания большинства самых распространенных ФЕ. Однако для объяснения ВФ многих безэквивалентных ФЕ необходимо провести отдельное междисциплинарное исследование, включающее лингвокультурный и лингвострановедческий аспекты.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.
2. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта, 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. 216 с.
3. Потебня А. А. Мысль и язык. 4-е изд. Одесса, 1992. 188 с.
4. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
6. Крысин Л. Л. Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
8. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. 592 с.
9. Чернышова Е. Б. Понятие образа мира в теоретическом аппарате отечественной психолингвистики // Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 206–209.
10. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
11. Баранов А. Н. Внутренняя форма в значении и толковании идиом: тавтология или часть семантики? // Известия РАН. Сер. Литературы и языка, 2010. Т. 69, № 3. С. 3–15.
12. Баранов А. Н. Лингвистика намека // Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М., 2007. С. 443–461.
13. Баранов А. Н. Против «разложения смысла»: узнавание в семантике идиом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По материалам международной конференции Диалог 2008. М., 2008. С. 39–44.
14. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 183 с.
15. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Чу Цзы-Чен (Чу Цзычэн) — аспирант; evgenychu@mail.ru

Chu Tzuchien — PhD student; evgenychu@mail.ru

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

Н. Н. Дьяков

ЛИСАН АД-ДИН ИБН АЛ-ХАТИБ (1313–1374) В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ЗАПАДА (АЛ-АНДАЛУС И МАГРИБ)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Выдающийся ученый и литератор, историк и дипломат Лисан ад-Дин Ибн ал-Хатиб занимает важное место в средневековой культуре мусульманской Испании. В своем творчестве он объединил многие отрасли науки, литературы и политологии, за что арабские современники почтительно называли его *‘аллама*, «ученнейший», а испанцы — *el Poligrafo*: «ученый-универсал», энциклопедист.

Перу Ибн ал-Хатиба принадлежит около 60 научных трудов. Особое место в этом собрании занимают сочинения по истории, которые составили наиболее полную историческую летопись мусульманской Испании. В своих сочинениях автор сумел создать панораму религиозно-политической жизни средневекового арабского Запада — Ал-Андалуса и Магриба, уделив главное внимание истории Гранадского эмирата Насридов — его родины, ставшей последним оплотом исламского владычества на земле Испании. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: Ал-Андалус, мусульманская Испания, культура, история, историография.

LISAN AD-DIN IBN AL-KHATIB (1313–1374) IN THE HISTORY AND HISTORIOGRAPHY OF THE ARAB WEST

N. N. Dyakov

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

An outstanding man of science and literature, diplomat and politician, historian and physician, Lisan ad-Din Ibn al-Khatib (1313–1374) played an important role in the cultural and political life of the medieval Muslim Spain. In his impressive scientific and literary legacy he managed for present to the generations to come about 60 books and treatises on medicine and science, philosophy and poetry, political and social studies, that is why his Muslim contemporaries called him *“al-Allama”* (“the greatest scientist”), and the Spaniards gave him an honorary title of *“el Poligrafo”* — “the Encyclopaedist”. The history and historiography of the medieval Muslim West — Al-Andalus and al-Maghreb — attracted a special attention of Ibn al-Khatib, who succeeded in creating a unique panorama of religious, social and political life of his motherland — the land of Granada, which under the Nasrid dynasty (of the 13th–15th CC.) became the last stronghold of the realm of Islam within the Iberian Peninsula. Refs 15.

Keywords: Al-Andalus, the Muslim Spain, culture, history, historiography.

Арабы и арабистика в Испании

Роль арабо-мусульманской культуры в истории народов Иберийского полуострова трудно переоценить. Во многом именно благодаря ей на протяжении почти восьми столетий (VIII–XV вв.) Испания развивалась (и сегодня продолжает развиваться) как уникальный перекресток межкультурного взаимодействия народов Средиземноморья. Эта особенность исторического развития Испании как центра трех так называемых *авраамитических* культурных традиций — христианства, ислама и иудаизма — с начала новой эпохи и по сей день составляет основной вектор духовной жизни испанцев.

Самобытность нравов обитателей юго-западной и северо-восточной оконечностей континента не случайно исторически сформировала у большей части европейцев представление об «азиатскости» русских или о том, что «Европа кончается за Пиренеями», т. е. в Испании [1, с. 94].

Как по общему массиву накопленного исторического и историографического материала, так и по числу соответствующих научных центров и изданий Испания, безусловно, является сегодня одной из ведущих арабистических и исламоведческих держав мира, сравнимых разве что с Россией.

Большое внимание изучению мусульманской Испании уделял крупнейший отечественный арабист XX в. И. Ю. Крачковский (1883–1951), вошедший в историю востоковедения не только как исследователь Корана, классической и новой арабской литературы, но и как видный исследователь культуры Ал-Андалуса, истории испанской арабистики.

Примечательно, что в разгар Великой Отечественной войны, блокадной весной 1942 г., И. Ю. Крачковский обнаружил и исследовал в собрании ЛГУ биографию автора знаменитой антологии «Веяние аромата от свежей ветви Андалусии...» (*Нафх ат-тиб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб...*) Ахмада аль-Маккари (ум. ок. 1631), посвященной гранадскому ученому, дипломату, политику и поэту Лисан ад-Дину Ибн ал-Хатибу¹. Выдающийся российский ученый «живо представил себе» тогда, с какой радостью его испанские коллеги-арабисты, редакторы академического журнала «al-Andalus», увидели бы статью об этом сочинении на страницах своего издания [2, с. 114–115].

Восемь столетий яркой истории Ал-Андалуса дали миру ислама (и не только) имена выдающихся ученых, работавших в разных сферах естественных наук и медицины, в философии, теологии, и даже в социологии и политологии [3, с. 114–116].

¹ *Нафх ат-тиб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб уа зикр уазири-ха Лисан ад-Дин Ибн ал-Хатиб...* аль-Маккари — наиболее полная компилятивная биография андалусского ученого-корифея. Первая часть этого труда представляет собой обширный обзор источников, сегодня в основном утраченных, по истории и литературе Ал-Андалуса. Вторая часть посвящена жизни и творчеству самого Ибн ал-Хатиба и содержит его биографию, рассказ о его учителях и учениках, материалы его переписки с выдающимися современниками, дипломатические письма, в том числе в Фес, поэтические и прозаические сочинения и пр.

Средневековая арабская историография в Испании

Средневековая арабская историография в Испании, по мнению большинства исследователей, включает четыре основные группы источников: 1) географические сочинения, 2) книги путешествий/странствий (*рихла*), 3) сочинения биографические и агиографические (*сират*) и, наконец, 4) труды по истории (*тарих*).

Географическая литература. Если ранняя арабская география развивалась под влиянием греческих авторов и прежде всего птолемеевой традиции, то начиная с эпохи аббасидского халифа ал-Мамуна (813–833) в ней все больше проявляется влияние Ирана и даже Индии. Первые географические труды андалусских авторов относятся к X–XI вв., причем чаще всего это были географические разделы в работах по истории².

Вершиной географического наследия Ал-Андалуса стала «Книга путей...» (*Китаб ал-масалик...*) Абу Убайда ал-Бакри (ум. 1094), содержащая описание мира, известного арабам в XI в., в том числе и самого Ал-Андалуса. Поскольку ал-Бакри никогда не покидал пределов Иберийского полуострова, работа его была основана на разных источниках, а его страсть к географии придала ей преимущественно географический характер с соответствующим названием.

Историографическая традиция в андалусской географической литературе прерывается на знаменитой работе Мухаммада ал-Хаммуди, больше известного как ал-Идриси (ум. ок. 1165), — *Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак* («Усила страждущего в покорении горизонтов»). Выходец из Сеуты, ал-Идриси посетил Ал-Андалус, а также владения христианских королей Испании, Франции, страны Северной Африки, Малую Азию и Сицилию, где он в конце концов обосновался при дворе в Палермо под патронажем короля Рожера II³.

Книги странствий (рихла). Ислам — единственная религия, которая в числе основных своих столпов веры содержит предписание путешествия — паломничества (*ал-хаджж*) к святыням Аравии. Неудивительно, что книги путешествий (*рихла*) получили такое широкое распространение в мусульманском мире⁴. Подобные сочинения можно назвать путевыми записями андалусийцев — купцов, моряков, паломников и пр. Они интересны своими точными описаниями — правда, в основном довольно известных мест: Мекки и Медины, Багдада, Басры и Куфы, Дамаска, Каира или городов Магриба.

Одной из самых важных работ в этом жанре была книга *Тухфат ал-ахбав уа муд'жат ал-а'джаб* («Дар друзьям и собрание чудес») Абу Хамида ал-Гарнати (1080–

² Географический раздел имелся, например, в историческом трактате Ахмада ар-Рази (ум. 945). «Книга путей и царств» («*Китаб ал-масалик уа-л-мамалик*») Мухаммада б. Йусуфа ал-Уаррака (904–973) из Гвадалахары, написанная для эмира ал-Хакама II, также содержала наряду с историческими и географические сведения [4].

³ Ал-Идриси делил весь мир на 6 климатов (природных зон), составив карту полушарий с указанием соответствующих климатов, континентов, океанов, морей, озер, рек, гор, городов и дорог, с описанием местных растений, животных и минералов. Есть сведения, что ал-Идриси написал и другой географический трактат («*Рауд ал-'унс*»), но, к сожалению, никаких фрагментов от него не сохранилось.

⁴ Первый труд такого рода в литературе Ал-Андалуса принадлежал, очевидно, купцу-еврею Ибрагиму б. Йакубу ал-Исраили ат-Туртуши (вторая половина X в.). Ценность этой работы — в обширной географии путешествий ат-Туртуши (354 г. х. / 965), прежде всего по Европе. К сожалению, до нас дошла лишь небольшая часть этого труда.

1169). Тридцатилетний Ал-Гарнати проехал по северу Африки, затем по востоку — до Ирана (где останавливался), оттуда перебрался через Каспий и добрался до Нижней Волги. Вероятно, эта поездка состоялась между 1114 и 1136 гг. Вторая серия путешествий ал-Гарнати, предположительно относится к 1146–1160 гг.

Несколько иной тип путевых заметок, собственно *кутуб ар-рихла*, — это «книги странствий», написанные высокоучеными людьми, часто в стихах или рифмованной прозе [4, с. 74]. К этому жанру принадлежит и *рихла* Ибн Джубайра (1145–1217) — образованного валенсийца, знатока арабской словесности и богословия. Ибн Джубайр совершил три путешествия на восток: в 1182–1184, в 1189–1191 и в 1217 гг. Его труды, отличающиеся изысканным стилем, нередко переходящим в рифмованную прозу — *садж'*, ценны описанием достопримечательностей, быта местных жителей, а также сведениями политического характера — о крестовых походах, средиземноморских пиратах, победах христиан в Сирии и Сицилии, религиозной жизни и пр. [3, с. 112–113].

За исключением знаменитой книги современника Ибн ал-Хатиба — танжерца Ибн Баттуты (1304–1377), отредактированной аристократом-насридом Абу Инаном, путевые заметки XIII–XIV вв. в целом имели незначительную географическую ценность. Это относится и к сочинению другого современника Ибн ал-Хатиба — кади Джалада ал-Балауи, совершившего свое путешествие между 1335 и 1338 г. и оставившего географические и исторические записки, в которых, в частности, автор отметил общий упадок исламской мысли в данный период.

Сам Ибн ал-Хатиб в своей книге впечатлений о посещении Марокко в 1359 и 1362 гг. (*Нуфадат ал-джираб фи улулат ал-игтираб...*) детально описывает маршруты странствий, политические события и местных сановников. Ибн ал-Хатиб проехал по Среднему Атласу, добравшись до г. Сале.

Биографии, биографические словари — один из главных источников по истории средневекового мусульманского Запада. Список подобных работ в Ал-Андалусе открывается в X в. сочинением *Тарих кудат Куртуба* («История кордовских судей») Мухаммада ал-Харита ал-Хушани, составленным по указу халифа ал-Хакама II и охватывающим более двух столетий ранней андалусской истории вплоть до 968 г.

Своего рода продолжением этой работы стала *Тарих 'улама' ал-Андалус* («История улемов Ал-Андалуса») Ибн Фаради (962–1012), содержащая сведения о социальной структуре знати, о других социальных группах страны.

Другая известная работа этого жанра — книга захиридского факиха Абу Абдаллаха ал-Хумайди (1029–1095) *Джадуат ал-муктабис* («Обретенный дар») с биографиями выдающихся лиц, доходящими до 1088 г. В начале XII в. был написан биографический словарь ад-Дабби *Бугйат ал-мултамис фи тарих риджал ал-Андалус* («Страсть обращенного к истории мужей ал-Андалуса»). Еще через несколько лет известный кади 'Ийад закончил свой биографический словарь, посвященный маликитским факихам.

В целом биографические сочинения такого рода фактически являются продолжением упомянутого труда ал-Фаради. К ним же относится *Ас-Сила...* («Продолжение...») Ибн Башкуаля Кордовского (1102–1182), включившая жизнеописания представителей андалусской элиты XI–XII вв., ценные наблюдения общественной жизни, а также *Такмила...* («Дополнение...») Абу Абдаллаха Ибн ал-Аббара (1198–1260), содержащая биографии вплоть до середины XIII в.

С биографиями насридских факихов, кади и улемов Гранады знакомит нас книга современника Ибн ал-Хатиба, судьи-кади из Малаги Ибн ал-Хасана ан-Нубахи *Китаб ал-маркаба ал-'уля*... («Книга наблюдения свыше...»), написанная уже в конце XIV в. [4, с. 75–76].

Книги по общей истории. В целом в историографии мусульманской Испании принято выделять три этапа: 1) VIII–XI вв. — от эмирата Омейядов до завоевания Испании Альморавидами Магриба; 2) XI–XIII вв. — период правления африканских мавров (исп. *«лос морос»*) вплоть до падения державы Альмохадов; 3) с середины XIII в. до падения мусульманского владычества в Испании в конце XV в. [4; 5].

По мнению признанного авторитета по историографии арабской Испании Франсиско Понс Бойгеса, веками, отметившими каждый из этих этапов, стало творчество наиболее ярких ученых Ал-Андалуса. Так, первый период завершается трудами знаменитого Ибн Хазма (ум. 1063); второй — творчеством Ибн ал-Аббара (ум. 1260), наконец, третий завершился с капитуляцией Насридской Гранады в 1492 г. [5].

Ранние сочинения арабских авторов Испании отличаются довольно высоким уровнем изложения и исторической объективности. Большого внимания заслуживают сочинения рубежа VIII–IX вв., как правило, анонимные и содержащие следы испано-вестготской христианской традиции, элементы сирийских преданий про-омейядского толка и даже египетских легенд о «царях Александрии» или чудесных преданий о завоевании мусульманами Иберийского полуострова⁵.

Такие предания не исключают присутствия в них исторических фактов, что характерно для двух наиболее ранних сочинений, посвященных Ал-Андалусу: труду египтянина Абд ал-Хакама (ум. 871) и гранадского факиха Ибн Хабиба из Эльвиры (ум. 852). Как «Завоевание Египта...» (*Футух Миср*) первого, так и «История...» второго, рассказывают о легкости, с которой был завоеван Иберийский полуостров, и содержат при этом немало ценных данных, в том числе социального характера.

Ранняя историография Ал-Андалуса представлена в первую очередь сочинениями знаменитой семьи Бану Рази. Мухаммад б. Мухаммад ар-Рази — купец из иранского Рея, обосновавшийся в стране Ал-Андалус в начале X в. Его сын Ахмад б. Мухаммад ар-Рази (ум. 945) жил при Абд ар-Рахмане III и написал историю Ал-Андалуса, которую продолжил его сын Иса б. Ахмад ар-Рази. Почти все эти труды, к сожалению, утеряны, за исключением общего описания Иберийского полуострова, которое открывало «Историю» Ахмада ар-Рази, известную как «*Crónica del moro Rasis*», а также отрывков, вошедших в *Муктабис*... Ибн Хайяна. Эти отрывки из ар-Рази, приведенные Ибн Хайяном, отличаются конкретностью и объективностью, насколько это было возможно в ту эпоху.

Тарих ифтитах Ал-Андалус («История завоевания Ал-Андалуса») Ибн ал-Кутыйи (ум. 977) содержит интересные свидетельства социальных реалий. Сын готки Сары (Sara la Goda), правнук готского короля Витицы, Ибн ал-Кутыйя осмелился требовать у самого халифа Кордовы, чтобы тот обязал его дядю вернуть ему его имущество. Ибн ал-Кутыйя широко использовал данные более ранних сочинений. Между тем от потомка готов, по словам М.Крус-Эрнандеса, можно было ждать более достоверного описания эпохи завоевания [4, р. 77]. Так или иначе, эта работа

⁵ Сюда же следует отнести проблему идентификации легендарной страны атлантов, или предполагаемого изображения Дона Родриго (висиготского короля Родерика) вместе с императорами Византии и Персии, или, например, легенду о найденном арабами в Толедо «столе Соломона» [3, р. 76].

содержит ценные наблюдения повседневной жизни в Кордове того времени — как придворной, так и общественной.

Крупнейшая фигура в средневековой историографии Ал-Андалуса — Абу Маруан Хаййан б. Халаф, больше известный как Ибн Хаййан (987–1076). Сын камер-секретаря знаменитого ал-Мансура (Алманзора), Ибн Хаййан был глубоко потрясен социальной бурей, вызванной вторым мятежом (*фитна*) в 1031 г. Его перу принадлежат две крупные работы: *Китаб ал-матин...* («Основательная книга...»), в которой он изложил историю XI в. и которая дошла до нас только в виде отдельных фрагментов, позже включенных им в другую свою работу — знаменитый *Ал-Муктабис фи риджал ал-Андалус...* («Избранная история ал-Андалуса...»), также они вошли в сочинения Ибн ал-Бассамы.

Знаменитый Ибн Хазм (994–1063) в своем трактате *Джамхарат ансаб ал-'араб...* («Свод генеалогий арабов...»), посвященном родам арабов и берберов, а также знатым семьям исламизированных испанцев (*муваллидун*), широко использовал материалы халифской библиотеки в Кордове. Наконец, последняя заметная фигура этого периода смут и «удельных правителей» (*мулук ат-таваиф*) — Мухаммад б. Музаййан из Сильвы (XI в.), очевидно, использовавший утраченную работу Мухаммада ар-Рази «Книга знамен...» для написания истории завоевания арабами разных областей Иберийского полуострова. К сожалению, сама книга Ибн Музаййана также дошла до наших дней не в полном виде.

Альморавидский период истории Ал-Андалуса богат видными учеными, многие труды которых, к сожалению, утрачены. Это, например, общая история Ибн Гаиба, жившего в Гранаде во второй половине XI в., от которой остались небольшие фрагменты в более поздних антологиях. Лишь один фрагмент сохранился и от *Алманн би-л-имама...* («Дарование власти имама...») Ибн Сахиба ас-Салата из Беджи (Буджайи), жившего во второй половине XII в. и служившего камер-секретарем альмохадского наместника Йусуфа б. Абд ал-Мумина, благодаря которому этот автор получил некоторые редкие документы.

Два крупных историка эпохи Альмохадов — современники, к тому же с одинаковой нисбой *ал-Марракуши* — «Марракешец», это Абд ал-Вахид ал-Марракуши (конец XII — начало XIII вв.) и Ибн Изари ал-Марракуши (вторая половина XII — первая четверть XIII в.).

Первый из них работал, в основном, на востоке, в Багдаде, где написал *Китаб му'джиб фи талхис ахбар ал-Магриб...* («Удивительная книга с кратким изложением вестей о Магрибе...»), с привлечением ряда источников о событиях, свидетелем которых сам он не был. Эта работа ал-Марракуши содержит сведения об элите Альмохадов, о факихах и улемах Ал-Андалуса.

Второй, более известный ал-Марракуши, Ибн Изари (диалектн. Ибн Адари, ум. ок. 1224), прославился как автор крупного трактата *Ал-Байан ал-мугриб фи их-тисар* *мулук ал-Андалус уа-л-Магриб...* («Удивительное представление (кратких) вестей о правителях Ал-Андалуса и Магриба...»). Работа состоит из трех частей: истории Ифрикии до 1205 г., истории Ал-Андалуса до 1086 г. и, наконец, общей истории Магриба и Ал-Андалуса — от начала династии Альморавидов до первых лет царствования Хафсидов Туниса и Насридов Гранады. Ибн Изари также привлек немало ранних источников, которые сегодня утеряны. Наиболее достоверная часть его труда посвящена Альморавидам и Альмохадам [4, р. 78–79].

Исторический контекст творчества Ибн ал-Хатиба

Эпоха Ибн ал-Хатиба — время углубляющегося кризиса арабского Запада. На смену великим империям, объединившим в XI–XIII вв. Магриб и Ал-Андалус под властью Альморавидов и Альмохадов, пришел этап раскола и упадка, сопровождавшийся победами Реконкисты на западе Средиземноморья. Но, как известно, именно такие этапы «предзаката» нередко давали высокие образцы и достижения в области искусств и наук.

Закат «мусульманского Ренессанса» в XIII–XIV вв. и наметившийся одновременно расцвет Ренессанса европейского были отмечены появлением на западе исламского мира, в Ал-Андалусе и Магрибе, блестящей плеяды ученых. В их числе марокканский путешественник и географ Ибн Баттута (1304–1377), основоположник исторической социологии и философии истории Ибн Халдун (1332–1406) и, наконец, поэт и врач, историк и политолог, в известной степени наставник некоторое время также обитавшего при гранадском дворе Ибн Халдуна Лисан ад-Дин Ибн ал-Хатиб (1313–1374).

В целом эпоха Насридов оставила большое историческое наследие. Прежде всего, это труды разных авторов по истории отдельных областей Ал-Андалуса: Ибн Хатима и кади Абу-л-Бараката ал-Хайя ал-Балафаки — по истории города-порта Альмерия, Ибн Аскара — о Малаге, Абу Бакра б. Хамиса — об Альхесирасе и др.

Истории династии Насридов посвятил свое сочинение *Нузхат ал-баса'ир уа-абсар...* («Услада взоров и взглядов...»), щедро одобренное панегириками и лестью, современник Ибн ал-Хатиба, главный кади Малаги Ибн ал-Хасан ан-Нубахи (XIV в.). Несмотря на сугубо официозный характер своего творения, ан-Нубахи приводит ценные конкретные данные, которые интересно сопоставить с трудами других известных историков того времени, прежде всего самого Ибн ал-Хатиба.

Выдающийся мыслитель, дипломат, историограф и естествоиспытатель Лисан ад-Дин Ибн ал-Хатиб занял особое место в культуре мусульманской Испании. В своем творчестве он объединил многие отрасли науки, литературы и политологии, за что уже его арабские современники почтительно называли его 'аллама, «ученнейший», а испанцы — el-Poligrafo: «ученый-универсал», энциклопедист. Как в арабской, так и в европейской науке этому «последнему гиганту андалусской литературы и историографии эпохи насридского эмирата Гранады посвящены бесчисленные труды», пишет испанский исследователь творчества Ибн ал-Хатиба Э. Молина Лопес [6, р. 9–18].

Немало причин и поводов, в том числе недавнее 700-летие ученого, позволили вновь обратиться к этой фигуре. С одной стороны, бурная, полная опасностей жизнь дала ему власть и богатство, погрузив при этом в лабиринт роковых обстоятельств и, в конце концов, приведя к трагической гибели. С другой — яркая политическая карьера, литературное и научное творчество, давшее миру десятки биографических и географических сочинений, трактатов по географии, медицине, ветеринарии, по религии и мистике, дипломатике и поэтике, наконец, по истории, принесли ему славу великого «летописца Гранады».

Последняя треть XIII в. открыла этап консолидации Гранадского эмирата, политика которого, направленная на укрепление позиций на полуострове, все больше характеризовалась его «кастилизацией». В то же время высадка африканских войск

маринидского султана Абу Йусуфа на побережье Испании в 1275 г. прямо сказалась на судьбе Гранады и ее «берберизации», сопровождавшейся углублением династического кризиса, особенно начиная с правления эмира Насра и вплоть до Йусуфа I (1333–1354).

На юге соседний Магриб был разделен между Хафсидами Туниса (1229–1574), Маринидами Феса (1269–1465) и Абд ал-Вадидами Тлемсена (1239–1554?), причем политика последних в основном состояла в сопротивлении внешним атакам как с востока, так и с запада. Насридская Гранада при этом была вынуждена лавировать между политическими интересами христианской Кастилии и мусульманскими правителями Магриба [6, р. 19].

Главной общерегиональной стратегической задачей оставался контроль над Проливом, развитие морской торговли, прежде всего с итальянскими республиками. Генуя выступала важным партнером Гранады наряду с Арагоном, Кастилией и Фесом. В то же время Альхесирас, Тарифа, Гибралтар и Сеута стали к середине XIV в. объектом соперничества Кастилии и Гранады.

‘Абдаллах Мухаммед ибн Са‘ид Лисан ад-Дин Ибн ал-Хатиб ас-Салмани появился на свет при 23-летнем гранадском эмире Насре (1308–1314), которого он описывал впоследствии в своем «Лунном блеске...» как «стройного юношу с прекрасными глазами, мягким незлобивым нравом и глубокими знаниями в области искусств и астрономии. Он составлял календари и астрологические таблицы и своими руками делал замечательные приборы...» [6, р. 20–21].

Между тем внутренние распри и интриги в Гранаде, сопровождавшиеся появлением и распадом партий и союзов, привели на престол Насридов Абу-л-Валида Исмаила I (1314–1325) — по словам деликатного царедворца Ибн ал-Хатиба, «красивого фигурой и лицом, серьезного, добросердечного мужа, благонравного и богобоязненного, почтительного к своим предкам и решительного в своих поступках».

Несмотря на продолжавшийся кризис власти новый эмир Исмаил при поддержке Маринидов Феса смог сдержать натиск кастильцев на подходах к своей столице после знаменитой битвы при Веге в 1319 г.

Исмаил I передал власть старшему из четырех сыновей, Мухаммеду IV (1325–1333), о котором Ибн ал-Хатиб не менее учтиво писал: «Он славился среди выдающихся правителей своей отвагой и силой, мудростью и красотой, мягким нравом и великим умом, добродушием и щедростью, искусной верховой ездой... и знанием словесности и поэзии... Когда скончался его отец, в июле 1325(725/6 г. х.), он был еще почти ребенком... Но клинок его заставлял трепетать, а смелость его не знала границ...» [6, р. 23–24].

Биографы утверждают, что Лисан ад-Дин Ибн ал-Хатиб (لسان الدين بن الخطيب) родился в 1313 г. в андалусском городе Лоха в арабской семье йеменитского происхождения, которое, кстати, изначально предполагало занятие им почетного места в пестрой социальной структуре, а главное — во властной иерархии Ал-Андалуса. Как и его отец, он был вхож в высшие политические круги Гранады, поступив на службу при дворе гранадского эмира-насида Йусуфа I (1349–1354) и продолжив ее при его сыне — эмире Мухаммаде V ал-Гани (1354–1359 и 1362–1391).

Как известно, особо влиятельной фигурой в политической жизни Ал-Андалуса был *хаджиб* — дворецкий, мажордом, управляющий делами. Должность хаджиба

при дворе Насридов Гранады появляется в XIV в. при Мухаммаде IV и его сановнике Ридване, имевшем немалую власть в «королевстве»-эмирате и получившем командование войсками при Йусуфе I и Мухаммаде V.

Фактически вторым знатным лицом при дворе Насридов, в сане вазира, и был в течение ряда лет Ибн ал-Хатиб [4, p. 315]. За годы этой службы Ибн ал-Хатиб снижал славу не только блистательного ученого-энциклопедиста, непревзойденного летописца-историографа, но и влиятельного министра, функции которого доставались ему дважды, за что он получил еще одно звучное прозвище *Зу-л-визаратайн*, т. е. «Дважды министр».

По известной арабской пословице, политика, как и женщина, подобна розе: она не только прекрасна и благоуханна, но и коварна своими шипами. Такие шипы в своей министерской карьере испытал и Ибн ал-Хатиб. Дважды интриги и наветы его недругов вынуждали его искать убежище в Магрибе, при дворе марокканских Маринидов — не только африканских соседей и «единоверных братьев», но и политических оппонентов насридской Гранады.

Восторженные отзывы Ибн ал-Хатиба о Дальнем Магрибе и его городах, особенно о Сале и Фесе, несмотря на не оставлявшую его ни на миг ностальгию по родной Испании, вызывали новые подозрения властителей Гранады в его предательстве в пользу марокканских Маринидов. В 1372 г. он был прямо обвинен в отступничестве и отстранен от всех занимаемых должностей. Место Ибн ал-Хатиба при насридском дворе занял его младший товарищ и ученик Ибн Замрак⁶ — также известный поэт, чьи стихи украсили стены перестраивавшейся в ту пору (кстати, по проекту Ибн ал-Хатиба) Альгамбры — столичной резиденции Насридов.

Официальная следственная комиссия «по делу Ибн ал-Хатиба» представила суду доказательства его государственной измены и вероотступничества, предлагая заключить его в тюрьму с уничтожением — сожжением всех его сочинений. Пытавшийся укрыться в Марокко Ибн ал-Хатиб был арестован там как еретик и по приказу эмира Мухаммада ал-Гани тайно задушен в фесской тюрьме наемными убийцами в 1374 г. По обычаю его тело, как и останки любого местного преступника, было сожжено, а прах захоронен в безымянной могиле за старыми городскими воротами Феса, видимо, с неслучайным названием *Баб ал-махрук* («Врата сожженного»).

Примечательно, что со временем как мусульманские, так и западные ученые, изучавшие биографию Ибн ал-Хатиба, все чаще склонялись к иной версии причин гонений на него, допуская возможные махинации и злоупотребления с земельной собственностью и необычайную привлекательность его поместий для многих его власть имущих современников и соратников.

Так или иначе, не раз посещая Фес, автор этих строк мог убедиться, что память о средневековом ученом, поэте и жертве «высоких интриг» и сегодня хранят мусульмане Магриба. Указывая на разбросанные по холмам Феса могильные камни старинного кладбища Баб ал-махрук, местные гиды не забывают упомянуть имя знаменитого «андалуса Лисан ад-Дина».

⁶ Ибн Замрак (1333–1393) — «утонченный эстет и изощренный в интригах политик», как и его старший современник и наставник Ибн ал-Хатиб — «поэт и политический деятель... видный врач, философ и историк», составляли подлинную политическую и интеллектуальную элиту Гранады в середине — второй половине XIV в. [7, с. 58].

Труды Ибн ал-Хатиба

Науке известно около 60 трудов Ибн ал-Хатиба. Большинство из них, как полагают биографы ученого, были написаны бессонными ночами, очевидно вызванными колоссальной загруженностью и напряженностью повседневной жизни автора.

В числе первых сочинений Ибн ал-Хатиба, вошедших в сокровищницу мировой науки, — работы, посвященные описанию чумы и средствам борьбы с ней. В разгар знаменитой эпидемии «черной смерти», охватившей многие страны Европы, включая Испанию, в 1348 г., Ибн ал-Хатиб приступает к исследованию условий и путей заражения чумой и одним из первых дает характеристику феномена эпидемии, массового заражения.

Как представитель классической мусульманской культуры, Ибн ал-Хатиб большое внимание уделял исламским наукам. Немалую славу ему принесло сочинение о мистической любви к Всевышнему — *Раудат ат-та'ариф би-л-хубб аш-шариф...* («Сад познания священной любви...»). Правда, и здесь происки его врагов, в том числе маликитских муфтиев, окружили его имя намеками и подчас прямыми обвинениями в ереси (*зандака*), в приверженности суфизму и даже столь ненавистному для местных улемов шиизму.

Особое место в обширном авторском собрании Ибн ал-Хатиба занимают сочинения по истории. В целом они составляют наиболее полную историческую летопись мусульманской Испании. Ибн ал-Хатиб смог создать в своих трудах панораму религиозно-политической жизни средневекового арабского Запада, Ал-Андалуса и Магриба, уделяя особое внимание истории Гранадского эмирата Насридов — последнего оплота исламской государственности на земле Испании.

Шесть главных исторических сочинений Лисан ад-Дина б. ал-Хатиба:

- 1) *Ал-Ихата фи таарих Гарната* («Общая история Гранады») [8];
- 2) *Ламхат ал-бадриййа фи даулат ан-насриййа* («Лунный блеск [в освещении] державы Насридов») [9];
- 3) *Ракм ал-хубал фи назм ад-дувал...* («Число нитей в сплетении держав...») [10];
- 4) *Райханат ал-куттаб...* («Цвет литераторов...») [11];
- 5) *Нуфазат ал-джираб фи 'улулат ал-игтираб...* («Преодоление пустынь через немощь отдаления ...») [12];
- 6) *А'мал ал-а'лам фи ман буй'иа кабла-л-ихтилам мин мулук ал-ислам уа ма йаджурру залика мин шуйун ал-калам...* («Деяния знатных, из принявших присягу царей ислама...») [13; 14].

Ихата... (1359–1369/761–771 гг. х.) — общая история Гранады от ее основания до года окончания этого труда. В нее же вошла написанная в основном в 1369 г. наиболее полная автобиография самого Ибн ал-Хатиба.

Ламха ал-бадриййа... — история собственно династии Насридов с биографическими данными ее правителей. Источниками для обоих сочинений послужили в первую очередь личные наблюдения автора, официальные документы насридской канцелярии, а также труды классиков арабо-испанской историографии — обоих Рази (X в.), Ибн ал-Кутыйи (X в.), Ибн Хайяна (XI в.), Ибн Изари (XI в.), *Рауд ал-киртас* Ибн Аби Зари ал-Фаси, биографические сочинения Ибн Башкуаля б. ал-Аббара, Ибн Зубайра и ал-Фатха б. Йакана. Приведенные в названных трудах Ибн ал-Хатиба данные об эпохе Насридов Гранады уникальны, учитывая, что сам автор

имел широкий доступ к документам как министр-вазир. Личные его оценки нередко отражают промаринидские, «магрибофильские» настроения автора, его личный жизненный опыт.

Столь же высоких оценок заслуживает и трактат *Райхана...*, в котором Ибн ал-Хатиб привел переписку насридских эмиров Йусуфа I и Мухаммада V, ряд их писем к правителям Магриба, особенно к маринидским султанам, с описанием тяжелой ситуации в Ал-Андалусе и с настоятельными призывами о помощи, чтобы сдержат натиск христианских королей с севера.

Ракм..., написанный в 1364/765 г. х., фактически сводится к простому перечислению мусульманских династий и политических событий.

Нуфада..., состоявшая из трех частей, первая из которых практически полностью утеряна, посвящена жизни средневекового Марокко. Проехав по Среднему Атласу, Ибн ал-Хатиб добрался до г. Сале. Говоря о впечатлениях от посещения Дальнего Магриба в 1359/760 г. х. и 1362/763 г. х. (впервые в 1360–1362 гг. и затем в 1371–1374 гг.), в частности таких городов, как Сеута, Тлемсен, Фес, Сале и т. д., и не скрывая своего андалусийского патриотизма, автор детально описывал маршруты поездок, памятники, главные политические события эпохи, местных сановников и пр.

По словам Эмилио Гарсии Гомеса (Emilio García Gómez, 1905–1995), эта работа, написанная в годы строительства главной части Альгамбры (района Львиного двора и Альберка, Арраеса) и рассказывающая о сооружении отдельных фрагментов дворца, а также о царских праздниках, которые там устраивались, содержит авторские наблюдения, причем более красноречивые, чем его рассказ о политике Насридских эмиров.

А‘мал... — очевидно, хронологически последнее сочинение Ибн ал-Хатиба, написанное в изгнании, причем явно в угоду маринидскому правителю Магриба Мухаммаду IV (1372–1374). Работа включает три части: 1) краткую историю мусульманского Востока; 2) историю Ал-Андалуса до середины XIV в.; 3) историю Магриба до эпохи Альмохадов. Автору не удалось дописать раздел, посвященный династии Маринидов. Глава об Ал-Андалусе во многом опирается на хроники Ибн ас-Сайрафа и Ибн Изари (Ибн Адари), но, начиная с рассказа об Альморавидах и Альмохадах, автор приводит много редких данных, в том числе основанных на «Истории» Альфонсо X («*Historia General ...*»), с которой он был знаком со слов кастильского посла при дворе Насридов — врача-еврея Йусуфа б. Варрака из Толедо. Фактологический массив этой работы чрезвычайно богат, хотя она и не содержит развернутых аналитических выводов о сложной общественной ситуации в государстве Насридов, о желательности, даже необходимости поддержки из Северной Африки с целью сдерживания реконкисты, наступавшей из христианской Кастилии.

Приведенная в этой работе история Гранады в годы правления Мухаммада IV (1325–1333), Мухаммада V (1354–1359 и 1362–1391)⁷, Исмаила II (1359–1360) и Му-

⁷ Мухаммад V остался в истории как один из наиболее выдающихся правителей мусульманской Гранады. Остальные насридские эмиры «так или иначе способствовали подрыву мощи эмирата изнутри, погрязнув в соперничестве и сведении личных счетов»: «Из 22 эмиров 8 свергались и возвращались к власти по 3–4 раза, многие были убиты, изгнаны, брошены в заключение своими же близкими...» [7, с. 59].

хаммада VI (1360–1362) представляет собой крупнейший историографический памятник мусульманской Испании.

Следует также упомянуть здесь труды Ибн ал-Хатиба, ставшие известными уже после его смерти — *Ал-Хулал ал-маушийя...* («Расшитые наряды...») и *Китаб ал-джуман фи ахбар аз-заман...* («Книга драгоценностей в известиях времени...»). Первую из них нередко приписывают Мухаммаду б. Саммаку, придворному секретарю Насридов в период правления Мухаммада V и службы вазиром Ибн ал-Хатиба. Второй труд принадлежит ас-Сутайби, который включил в него выдержки из работы марокканца Шихаб ад-Дина Ахмада ал-Фаси. Это сочинение также состоит из трех частей — общей истории до пророка Мухаммада, жизнеописания самого пророка и истории мусульманских династий до 845 г. х. /1441 г. Тем не менее этот труд содержит некоторые новые ценные и точные данные.

Личность Ибн ал-Хатиба давно привлекала внимание как арабских, так и европейских ученых. Среди арабских авторов, вероятно, особое место занимает египетский исследователь Ибн ал-Хатиба профессор М. А. Инан — знаток политической и культурной истории Гранады и Магриба в Средние века. Заметный вклад в «Хатибиану» внес другой египетский ученый — Ахмад Мухтар ал-Аббади, издавший ряд трудов по политической и социально-экономической ситуации в Гранаде в эпоху Ибн ал-Хатиба. Его «Королевство Гранада в эпоху Мухаммеда V» — одно из наиболее полных исследований истории Насридского эмирата в XIV в. Большого внимания заслуживает также его исследование, посвященное «экономическим мотивам» творчества Ибн ал-Хатиба, напечатанное в 1955 г. в журнале «Ал-Андалус». Ал-Аббади раскрыл новые, непривычные стороны сложной натуры Ибн ал-Хатиба: материальные мотивы, оказывавшие влияние на его поведение и как простого человека, и как политического деятеля — представителя власти⁸ [6, p. 13–14].

При том, что Ибн ал-Хатиб, выдающийся ученый и литератор своего времени, был уже всесторонне изучен, его личные качества — бескомпромиссность, амбициозность и резкость суждений, граничащая с дерзостью, — всегда вызывали противоречивые отзывы и оценки⁹.

Переписка гранадского ученого с его другом из Малаги, кади ал-Нубахи (или ал-Буннахи), о которой упоминал ал-Маккари, лишней раз свидетельствует о многочисленных упреках в его адрес и, наконец, об обвинении Ибн ал-Хатиба в вероотступничестве [6, p. 18].

Э. де Сантьяго, в частности, отмечает растущую популярность суфизма в Гранаде с начала правления там Насридов [15], а также роль, которую мистицизм играл

⁸ В числе европейских исследователей творчества Ибн ал-Хатиба: Casiri, Gayangos, Simonet, R. Dozy, Mueller, F. Codera, F. Pons Boigues, G. Remiro, M. M. Antuña, E. Lévi-Provençal, E. Garcia Gomez, а также Jacinto Bosch Vila, M. J. Viguera, E. de Santiago и многие другие. Опираясь на первые работы Simonet, M. Antuna, Muller, R. Arié, более поздние авторы, в том числе испанские и арабские — J. M. Casciaro, M. J. Viguera, J. M. Contente, F. De la Granja, C. Vazquez de Benito, F. Velázquez, M. C. Jiménez Mata, E. Santiago, M. Benaboud, M. al-Titwani, Chabbana, Salami, Abd Allah al-Targi, Y. Al-Haschchach, Abd al-Mayid Turki, — детально исследовали литературное, историческое, географическое, правовое и медицинское наследие, а также биографию самого Ибн ал-Хатиба.

⁹ «В данном случае требуется особое снисхождение в оценках, — писал Э. Гарсия Гомес, — ...с учетом особенностей личности эпохи Возрождения, места и характера ее творческой деятельности...» [6, p. 14].

в судьбе Ибн ал-Хатиба, отошедшего от суннитского правоверия, что, возможно, существенно повлияло на его карьеру и также вело его к трагической гибели.

XIV столетие в истории мусульманской Испании — не столько эпоха Насридов, гранадских эмиров Йусуфа I и Мухаммеда V, при которых жил и творил Ибн ал-Хатиб, сколько век самого Ибн ал-Хатиба. Все наследие Ал-Андалуса определило характер и масштабы творчества ученого, в свою очередь оказавшего огромное влияние на социально-политическое и культурное развитие арабского Запада. Его труды — уникальное летописное свидетельство о фактах и лицах эпохи.

Литература

1. Дьяков Н. Н. Арабская культура и арабистика в Испании: страницы истории и современность // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2006. Вып. 3. С. 94–98.
2. Крачковский И. Ю. Аль-Андалус и Ленинград // Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 107–115.
3. Дьяков Н. Н. Россия и Испания: культура ислама у восточных и западных рубежей Европы // Восток-Oriens. Москва, 2011. № 6. С. 110–116.
4. Cruz Hernandez M. El Islam de al-Andalus: historia y estructura de su realidad social. Madrid: Agencia Española de Cooperación Internacional, 1996. 650 p.
5. Pons Boigues F. Ensayo bio-bibliografico sobre los historiadores y geógrafos árabe-españoles. Obra premiada por la Biblioteca Nacional en el concurso publico de 1893. Madrid: Establecimiento tipografico de San Francisco de Sales, 1898. Reedit.: Madrid, 1993.
6. Molina Lopez E. Ibn Al-Jatib. Granada: Biografías granadinas, 2001. 212 p.
7. Ланда Р. Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005. 320 с.
8. Al-Ihata fi ta'rikh Garnata / ed. M. A. 'Inan. 4 vols. 2nd ed. Cairo, 1392/1973, 1394/1976, 1398/1978.
9. Al-Lamhat al-badriya fi-l-dawlat al-nasriya / ed. A. Asi. Beirut, 1398/1978.
10. Raqm al-hubal fi nazm ad-duwal. Tunis, 1316/1898.
11. Rayhanat al-kuttab wa-nuj'at al-muntab / ed., trad. de M. Gaspar Remiro // Revista del Centro de Estudios Historicos de Granada y su Reino (RCEHGR). Granada, 1911–1916.
12. Nufadat al-khirab fi 'ululat al-ightirab / Ed. A. M. al-'Abbadi. El Cairo, 1386/1966.
13. Kitab A'mal al-a'lam (fi man) buyi'a qabl al-ihtilam min muluk al-Islam / ed. E. Levi-Provençal. 2nd ed. Beirut, 1376/1956.
14. El Africa del Norte en el "A'mal al-a'lam de Ibn al-Jatib" / trad. R. Castrillo. Madrid, 1958. 183 p.
15. Santiago E. de. El poligrafo Ibn al-Jatib y el sufismo. Granada: Diputación Provincial de Granada, 1983. 137 p.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Дьяков Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор; nick-d@mail.ru

Dyakov Nikolay N. — Doctor of History, Professor; nick-d@mail.ru

А. А. Мокрушина

СПИСКИ РУКОПИСИ

«КИТАБ АŞ-ŞĀDIḤ WA-L-BĀĠIM» ИБН АЛ-ХАББĀРИЙИ В СОБРАНИЯХ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА БИБЛИОТЕКИ ИМ. ГОРЬКОГО И В ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ БЕРЛИНА¹

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье рассмотрены два списка одного сочинения *Kitāb aṣ-ṣādiḥ wa-l-bāḡim* (Книга певчего, обладателя мелодичного голоса), хранящиеся в Восточном отделе библиотеки им. Горького, а также трех списков этой же рукописи, которые находятся в рукописном отделе государственной библиотеки Берлина. Сочинение *Kitāb aṣ-ṣādiḥ wa-l-bāḡim* представляет собой поэтический сборник, напоминающий своей формой известное произведение Ибн ал-Муқаффа '«Калила и Димна», в котором главными героями выступают животные.

В статье проведен анализ содержания изученного сочинения, выделены лингвистические и стилистические особенности текста. Кроме того, подробно описаны характеристики всех рассмотренных списков данной рукописи. Библиогр. 7 назв. Ил. 16.

Ключевые слова: рукопись, рукописный фонд, письменная традиция, арабский язык, средневековая поэзия, комментарий.

COPIES OF THE KITĀB AŞ-ŞĀDIḤ WA-L-BĀĠIM MANUSCRIPT BY IBN AL-HABBARIYA IN THE COLLECTIONS OF THE FAAS LIBRARY AND THE STATE LIBRARY OF BERLIN

A. A. Mokrushina

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In the article we have examined two copies of one composition *Kitāb aṣ-ṣādiḥ wa-l-bāḡim* (Book of singer, melodious voice owner) from the FAAS Library, as well as three lists of the same manuscript, from the Manuscript Department of the Berlin State Library. The work *Kitāb aṣ-ṣādiḥ wa-l-bāḡim* is a collection of poetry, which simulates in its form the well-known work of Ibn al-Muqaffa "Kalila and Dimna", in which the main characters are the animals. The article analyzes the content of the composition, also linguistic and stylistic features of the text are studied. In addition, we have examined characteristics of all the lists of this manuscript. Refs 7. Figs 16.

Keywords: Manuscript, handwritten fund, written tradition, the Arabic language, medieval poetry, annotations.

Сочинение *Kitāb aṣ-ṣādiḥ wa-l-bāḡim* (Книга певчего, обладателя мелодичного голоса (или «сладкоголового»)) представляет собой поэтический сборник, состоящий из нескольких глав и включающий отдельные стихотворения, басни и притчи.

Автор сочинения — Ибн ал-Хаббāрийя родился в Багдаде в 414 г. по хиджре (1023), а умер в Кермане (одна из областей Хорасана) в 509 (по некоторым источникам — в 504 г.) по хиджре (1115). Ибн ал-Хаббāрийя по праву считается выдающимся поэтом Аббасидского периода. Он служил визирем и придворным поэтом при Низām ал-Мулке (1018–1092), а также при дворе султана Алб Арслāна (Алп-Арслана) (1029–1072).

Kitāb aṣ-ṣādiḥ wa-l-bāḡim представляет собой поэтический сборник, напоминающий своей формой известное произведение Ибн ал-Муқаффа '«Калила и Димна», в котором главными героями выступают животные. Об этом говорится и в самом тексте произведения Ибн ал-Хаббāрийи.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 2.37.175.2014.

تصنيفنا كليله ودمنة	تقضي لنا بحكمة وفطنة
كم فيه من موعظة و علم	وحكمة تُعجب أهل الفهم

Наше сочинение (подобное) «Калиле и Димне» дарит (присуждает) нам мудрость и проницательность.

Сколько в нем (в сочинении) поучения, науки и мудрости, которые понравятся ученым людям!

В арабских произведениях того времени не принято было вести повествование от лица автора [1, p. 23], поэтому сочинение Ибн ал-Хаббāрийи, подобно произведению Ибн ал-Муқаффа, написано от лица животных и носит назидательный характер.

فَقَالَتِ الْحَمَامَةُ	مَنْ لَكَ بِالسَّلَامَةِ
وَالدَّهْرُ دَاءٌ كُلُّهُ	مَا قِىَ فَمَا قِىَ أَهْلُهُ
نَعَمْ الرَّفِيقُ الرَّفِيقُ	يَسْمَنُ الْقَرِينُ الْحَرْقُ

Сказала голубка: «Здоровья тебе! Вся жизнь — недуг, а люди очень неразумны. Хвала товарищу за его доброту, позор товарищу за его глупость».

В иносказательной форме автор обличает и критикует человеческие пороки, такие как алчность, тщеславие, жадность и т. п.

الْعُجْبُ بِمَنْ الْخَلَّةُ	الْكِبْرُ أَرَادَى خَلَّةُ
الْبُحْلُ عَيْبٌ فَاضِحٌ	الْجُودُ سِتْرٌ صَالِحٌ

Тщеславие — плохое качество, высокомерие — худшее одеяние. Скупость — позорный грех, а щедрость — хорошая защита.

Kitāb aṣ-ṣādiḥ wa-l-bāḡim состоит из нескольких глав. Построение текста имеет свои особенности: большая часть сочинения представлена в виде своеобразного диалога — задаваемых автором вопросов, и ответов на них, что позволяет читателю погрузиться в текст сочинения и лучше воспринять его назидательный аспект.

Стихи, некоторые бейты которых впоследствии стали пословицами, группируются по грамматическим признакам. Например, бейты с запрещающей частицей *lā*:

حَكَمَ مَعَ لَا النَّاهِيَةِ	لَا تُحَدِّثَنَّ سِنَّةً
لَا تَقْبَلِ الدَّيْنَةَ	لَا تَقْبَلِ الْمَيِّتَةَ
لَا تَطْلُمِ الْإِخْوَانَ	لَا تَقْخَشِ الْمَقَالَ

Не нужно быть обязанным кому-либо, не злословь (не будь резок),
Не соглашайся с низостью, не бойся смерти,
Не предавай братьев, не говори дурного.

Бейты с сочетанием *ли-кулл*:

حَكَمَ مَعَ لِكُلِّ	لِكُلِّ خِيٍّ مُضَرِّعٍ
لِكُلِّ شَيْءٍ غَايَةٍ	لِكُلِّ غَايَةٍ رَايَةٍ

Каждому боку — свое ложе, всему живому придет погибель.
У всего есть цель, у каждого воина есть знамя.

Бейты со словом *ман*:

حكم مع من الشرطية	لم يتربك المراقبة
من خاف سوء العاقبة	لم يتربك المراقبة
من خشي الملاها	لم يتربك المراما

Кто боится плохого результата, не прекращает контролировать.

Кто боится упреков, не приблизится к цели.

Бейты с частицей *мā*:

حكم مع ما التعجبية	ما أنفع العناية
ما أطيب الكفاية	لا تطلبن الغاية
ما أحسن الرعاية	لا تطلبن الغاية

Как хороша умеренность! Как полезна забота!

Как хороша опека! Не проси (за это) ничего взамен!

Все произведение насчитывает две тысячи бейтов. Автор писал свое сочинение около десяти лет — указание на это присутствует в конце самого произведения. Некоторые арабские исследователи утверждали, что работа Ибн ал-Хаббāрийи получила распространение в Индии, Египте и Бейруте. При этом все без исключения исследователи отмечали безусловный талант поэта.

Нами были рассмотрены два списка *Kitāb aṣ-ṣādiḫ wa-l-bāḡim*, хранящиеся в Восточном отделе библиотеки им. Горького, а также трех списков этой же рукописи, которые находятся в рукописном отделе государственной библиотеки Берлина [2, S. 595–596].

Список № 899 из Восточного отдела библиотеки им. Горького происходит из коллекции Антона Осиповича Мухлинского. В 1879 г. он был приобретен у его потомков. Список начинается с *басмала*, после чего следует рифмованный бейт: *rabḥī yāḥsir yā karīm* (мой Бог, облегчи, о Щедрый!).

Рис. 1. Фрагмент списка рукописи № 899.

Список № 899 включает 76 листов. Однако текст *Kitāb aṣ-ṣādiḫ wa-l-bāḡim* приведен в нем не полностью — с 55-го листа начинается другое сочинение. Размеры рукописи 20 × 12 см. Обложка списка твердая. Бумага находится в плохом состоянии

и не содержит водяных знаков. Это указывает на то, что она была произведена на Востоке. Об этом же свидетельствует размер бумаги — произведенная на Востоке бумага редко превышала по размерам 45 × 65 см, а обычным размером считался 35 × 55 см [3, р. 53]. На каждой странице располагается по 17 строк. Текст написан почерком *насух*. Название сочинения, названия глав, а также знаки пунктуации, встречающиеся в тексте, выделены красными чернилами, что характерно для подобного рода сочинений [3, р. 116]. Текст не везде читаем. На полях сочинения присутствуют комментарии на арабском языке (рис. 1, 2).

Рис. 2. Фрагменты списка рукописи № 899.

В сочинении присутствуют кустоды. На листе 76 указано имя переписчика — Мухаммад б. Йўнус. Также указана дата написания списка, однако из-за повреждений бумаги разобрать ее невозможно. Ориентировочный год написания списка — 1787. Данный список упоминается в инвентарной книге библиотеки за 1879 г., также в «Указателе» Залемана и Розена (1888) и, наконец, в «Кратком каталоге» Фроловой и Дерягиной (1996) [4, с. 116].

Список № 729 происходит из коллекции шейха ат-Тантавй. Данный список также предваряет *басмала*, далее следует фраза: *ва бихи сикатй ва 'алайхи таваккулй* («доверяю ему и полагаюсь на него») (рис. 3–5).

Бумага списка № 729 более плотная, в достаточно хорошем состоянии. На бумаге присутствуют водяные знаки, это указывает на то, что она была произведена в Европе [3, р. 57]. Обложка твердая. Список содержит 105 листов; размеры рукописи — 20 × 15,5 см. Весь текст сочинения написан черными чернилами, выделения чернилами других цветов отсутствуют. Текст написан почерком *та'лиқ*. Названия глав выделены. В тексте присутствуют кустоды. Большая часть страниц содержит

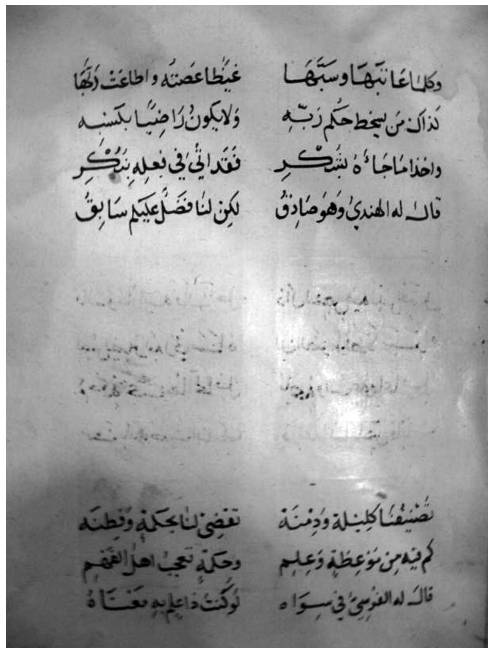

Рис. 3. Фрагмент списка рукописи № 729.

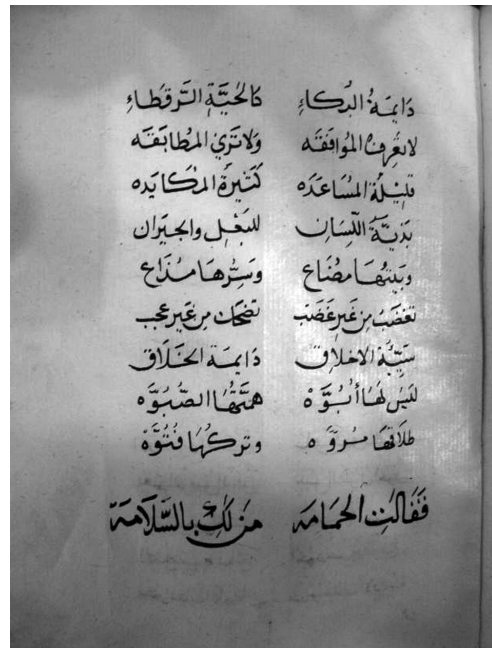

Рис. 4. Фрагмент списка рукописи № 729.

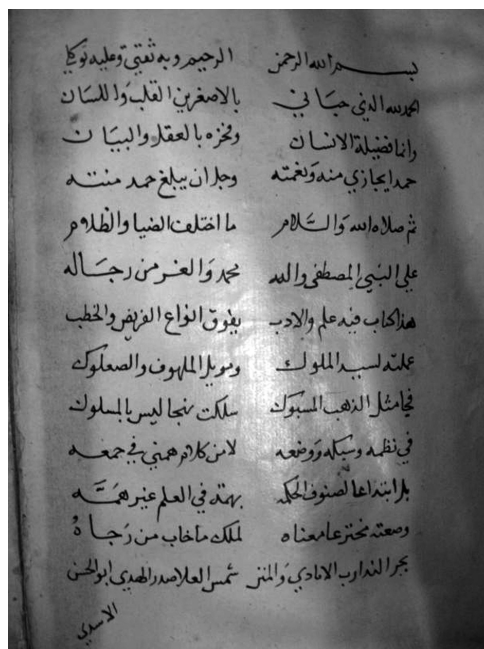

Рис. 5. Фрагмент списка рукописи № 729.

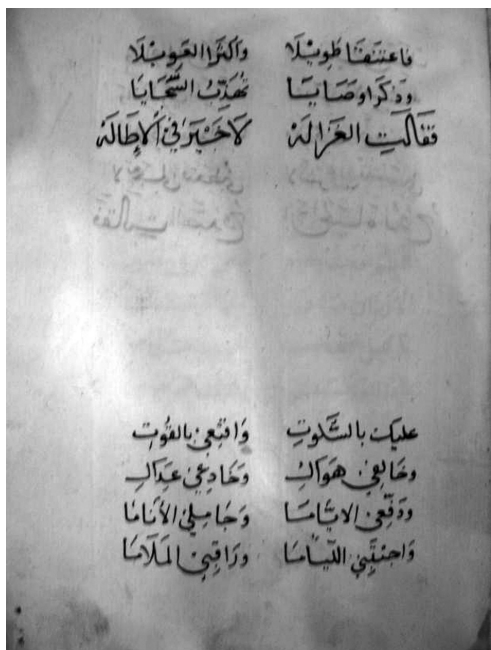

Рис. 6. Фрагмент списка рукописи № 729.

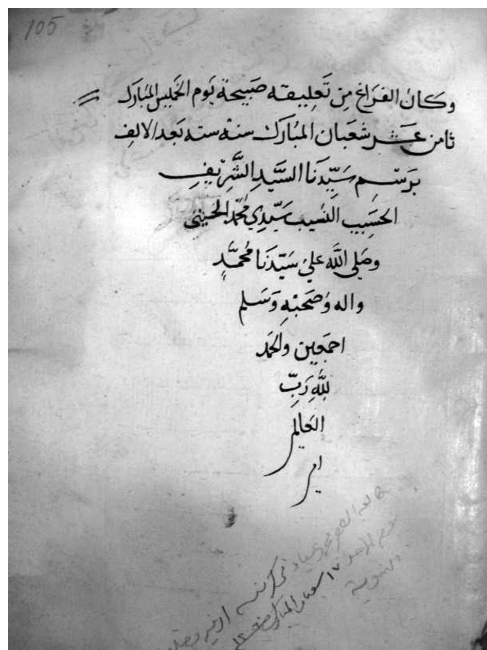

Рис. 7. Фрагмент списка рукописи № 729.

по 13 строк текста, однако есть около двадцати страниц, на которых размещено от четырех до девяти строк (рис. 6).

На последнем листе указаны имена тех, кто читал данную рукопись. В частности, есть указание, что в 1206 г. по хиджре ее читал шейх ат-Тантави.

В колофоне, оформленном в виде треугольника, указано, что список был дописан в 1006 г. по хиджре (рис. 7). В тексте списка на последнем листе присутствует следующий стих:

فيهِ شَأْنُ الْفُطُنْ	هذا كتاب حسنٌ
عَشْرَ سِنِينَ عِدَّةٌ	قَضَيْتُ فِيهِ مِلَّةً
جَمِيعُهَا مَعَانٍ	بَيُوتُهُ الْغَانِ

Это хорошая книга. От нее недоумевает разум (даже дух захватывает).

Я провел (за работой) десять лет.

В ней две тысячи бейтов, наполненных смыслом.

Список рукописи № 7630 Peterm. (Pet.) 82 (л. 51–122), хранящийся в государственной библиотеке Берлина, находится в конволюте с сочинением *Kitāb al-atbāk az-zaḥab*. На странице располагается 15 строк. Обложка рукописи твердая, кожаная, оформлена в восточном стиле. Размеры рукописи 14 × 11,5 см. Бумага сочинения находится в нормальном состоянии и не содержит водяных знаков (рис. 8).

Текст сочинения написан почерком *nasḫ*, красными и черными чернилами.

Красными чернилами выделены название сочинения, названия глав, бейты с двух сторон, отдельные слова в тексте, а также некоторые буквы обведены красными чернилами. В списке сочинения присутствуют отдельные комментарии на араб-

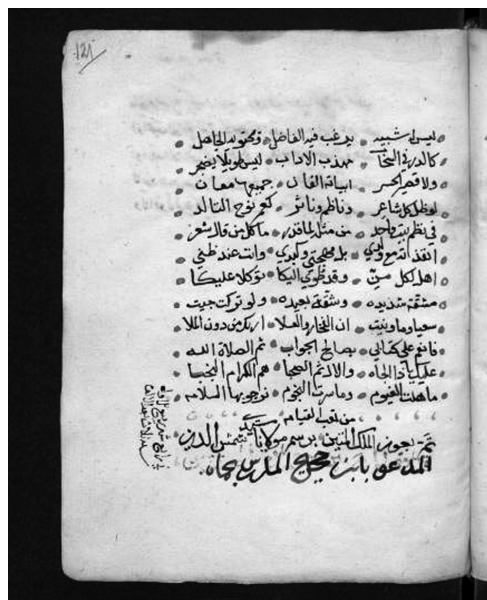
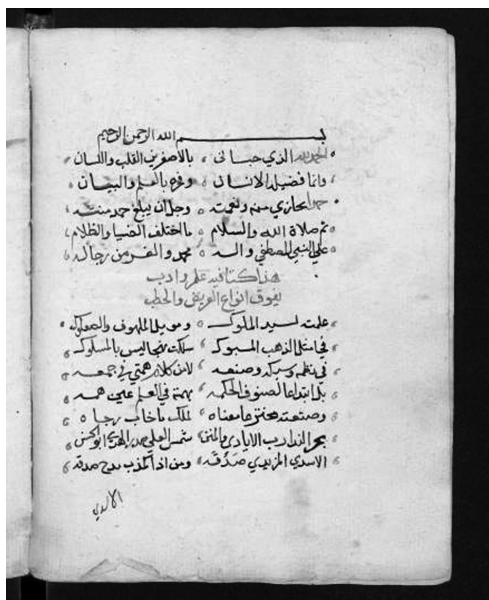

Рис. 8. Фрагменты списка рукописи Pet. 82.

ском языке. На срезе книги указано название сочинений, объединенных в конволю- те, и имя одного из владельцев — Ахмад б. Мухаммад б. 'Али Хўнӣ.

На первом листе списка указано название сочинения, а также имя автора со- чинения — Ыалих б. Хамза ал-'Аббасӣ. Далее следуют стихи известного поэта ал- Бағдадӣ (рис. 9).

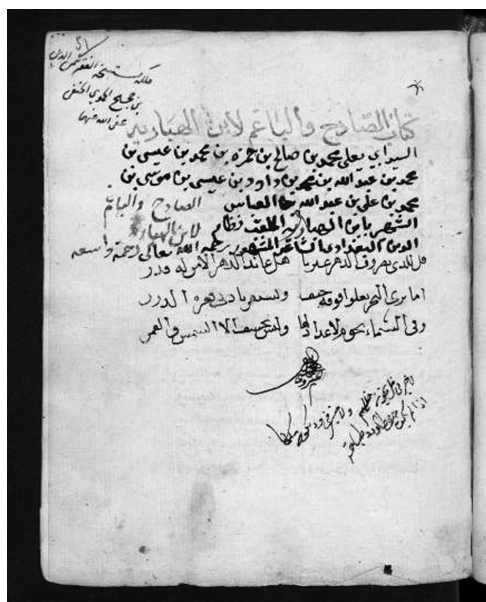

Рис. 9. Первый лист рукописи Pet. 82.

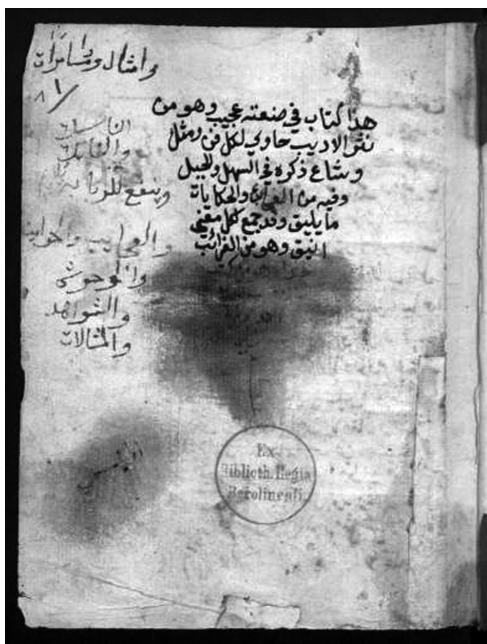

Рис. 10. Первый лист списка рукописи Lpg. 360.

Рис. 11. Фрагмент списка рукописи Lpg. 360.

На листе 51 присутствует имя — Мулк Шамс ад-Дин б. Наджāх ал-Хамавī. Внизу стоит личная подпись, которая, вероятно, принадлежит владельцу списка. Год написания списка не указан, а имя переписчика написано неразборчиво.

Список Lpg. 360 содержит 84 листа (рис. 10–11).

Размеры рукописи 16,5 × 12,5 см. На странице расположено 15 строк. Бумага без филиграней, в плохом состоянии. Красными чернилами выделены названия глав и пунктуационные знаки. Текст написан почерком *ta'liq*. На последнем листе указана дата написания списка — 823 г., 12 число месяца шаввāль. На первом листе написано:

هذا كتاب في صنعتي عجيب وهو من نثر الأديب حاوي لكل فن ومثل وشاع ذكره في السهل والجبل وفيه من العجائب والحكايات ما يليق وقد جمع لكل معنى أنيق وهو من الغرائب

Эта книга удивительна по своей форме. А он [ее автор] — образованный человек. Она [книга] содержит искусство и пример, и она получила известность в долинах и в горах (езде). В ней множество удивительных историй. В ней собрано все изящество значений. Она одна из удивительных книг.

Как можно видеть на этом примере, в тексте часто происходит выпадение хамзы. Особенностью данного текста также следует считать частое отсутствие точек у букв. В тексте присутствуют комментарии на арабском языке.

Еще один список из государственной библиотеки Берлина, под номером We. 197, содержит 76 листов (рис. 12–14).

Рис. 12. Первый лист списка рукописи We. 197.

Рис. 13. Фрагмент списка рукописи We. 197.

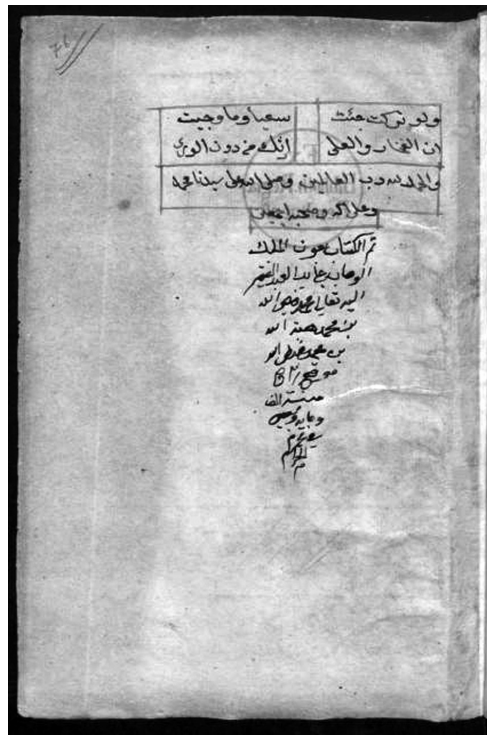

Рис. 14. Последний лист списка рукописи We. 197.

Название сочинения указано как *Kitāb adab wa ḥikāya al-fātik wa-n-nāsik*, однако известно, что это одно из названий сочинения *Kitāb aṣ-ṣādiḥ wa-l-bāḡim*. Размеры рукописи 20 × 14 см. Обложка сочинения твердая, кожаная. Бумага не содержит водяных знаков и находится в плохом состоянии. На каждой странице расположено по 17 строк. В тексте присутствуют кустоды. Весь текст, за исключением колофона на последнем листе, вписан в рамку, сделанную красными чернилами.

На обороте первого листа верхняя часть над текстом художественно оформлена. Красными чернилами выделены названия глав и отдельные слова. На первом листе указано название сочинения, ниже стоит печать, также указано имя владельца списка — Мухаммад ал-Қуватлий — и год. Текст сочинения предваряет *басмала*. Текст начинается словами:

الحمد لله الذي خياني	بالأصغرين القلب واللسان
وأعانا فضيلة الإنسان	وأنجزه بالعقل والبيان

Слава тому, кто одарил меня двумя вещами — сердцем и языком. Воистину самое лучшее человеческое качество и гордость — ум и рассуждение.

В тексте присутствуют исправления, сделанные, по всей видимости, самим переписчиком. Некоторые из них вписаны в отдельную рамку. На последнем листе неразборчиво указано имя переписчика и год написания списка. На срезе списка указано название сочинения — *Kitāb adab wa ḥikāya al-fātik wa-n-nāsik*.

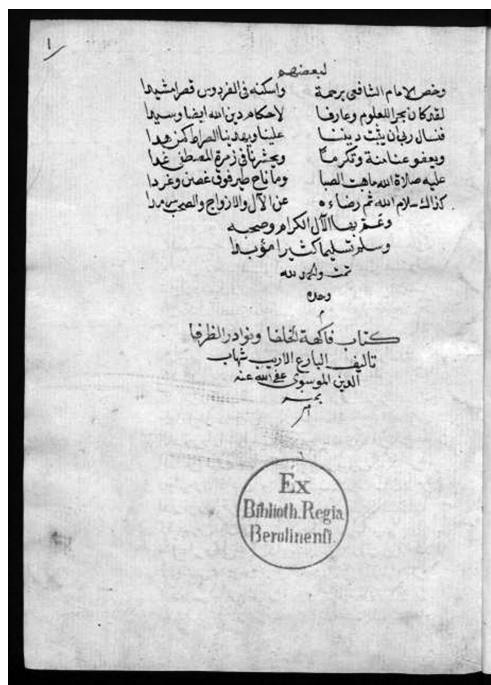

Рис. 15. Первый лист списка рукописи
Spg. 2003.

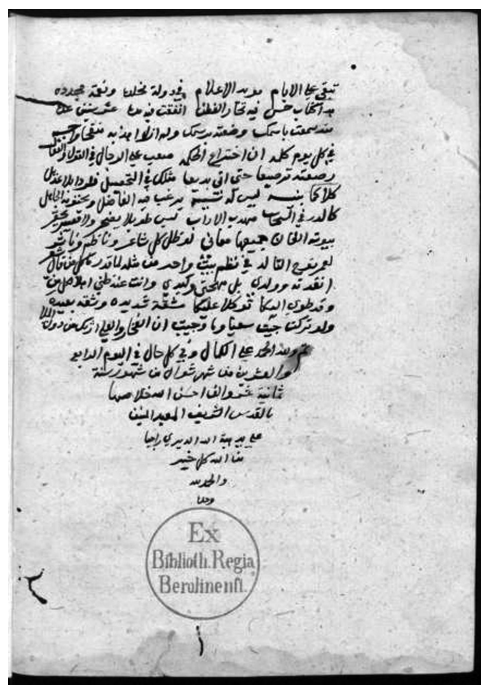

Рис. 16. Последний лист списка рукописи
Spg. 2003.

Список из берлинской библиотеки № Spr. 2003 сделан с другого сочинения под названием *Kitāb fākihāt al-хулафā' wa nawādir аз-зурафā' ли-шихāб ад-дйн ал-мусавй*, однако данное произведение предваряют и заканчивают стихи Ибн ал-Хаббāрийи из сочинения *Kitāb ас-сāдих ва-л-бāғим* (рис. 15, 16).

Аналогичная ситуация со списком Petermann II 272, где представлен только отрывок из сочинения Ибн ал-Хаббāрийи.

Текст рассмотренных нами списков незначительно отличается, в основном это касается названий глав, отдельных слов и количества стихов.

В заключение следует отметить, что списки этого сочинения, согласно каталогам, также находятся в Национальной библиотеке в Париже (BNF) (№ 3495; 3496; 3497; 3498) [5, р. 607] и в библиотеке Принстонского университета (№ 725, 248 В) [6, р. 240]. В открытом доступе в Интернете также можно познакомиться с тремя отсканированными вариантами списка данной рукописи (№ 323262; № 323262; № 102) из библиотеки ал-Азхара в Каире [7].

В каталоге указано, что список № 3495 из парижской Национальной библиотеки содержит 90 листов, на странице размещено по 13 строк, размеры рукописи 20 × 13 см, год написания — 1596. Интересно отметить, что, согласно каталогу, полное название списка — *كتاب الصادح والباغم والحازم والعازم* (*Kitāb ас-сāдих ва-л-бāғим ва-л-хāзим ва-л-āзим*). Список № 3496 имеет аналогичное название, состоит из 85 листов, его размеры 21 × 15 см, год написания — 1597. Список рукописи № 3497 носит такое же название, содержит 54 листа, размер — 21 × 15 см, на странице находится по 17 строк, год написания — 1426. Список № 3498 носит название *Kitāb ас-сāдих ва-л-бāғим*, состоит из 67 листов, его размеры 21 × 15 см, на странице по 26–27 строк, год написания списка — 1598.

Список № 725, 248 В, хранящийся в библиотеке Принстонского университета, датируется, согласно каталогу, 1283 годом. Он содержит 115 листов, размеры списка — 18,3 × 12,6 см, на странице расположено по 11 строк. Бумага списка восточная, текст написан почерком *насх*, в тексте есть выделения красными чернилами, а также кустоды. В каталоге указано, что в списке присутствуют комментарии на полях. На первом листе имеется приписка, сделанная позднее, в которой говорится, что автор этого сочинения умер в Кермане, а также что он работал над своим произведением десять лет и посвятил его Сайф ад-Даула Садақа б. Дубайсу.

Список под номером 323262, хранящийся в рукописном отделе библиотеки ал-Азхара, включает 59 листов. В данном списке также указано полное название сочинения — *Kitāb ас-сāдих ва-л-бāғим ва-л-хāзим ва-л-āзим*.

Литература

1. Pedersen J. The Arabic book. Pringston, New Jersey: Pringston University, 1984. 175 p.
2. Ahlwardt W. Die Handschriften-Verzeichnisse der koniglichen Bibliothek zu Berlin. Berlin. Asher & Co, 1894. Vol. 6. 628 S.
3. Deroche F. Islamic Codicology. An Introdaction to the Study of Manuscripts in Arabic Script. London: Al-Furqan Islamic Heritage Foundation, 2005. 395 p.
4. Фролова О.Б., Дерягина Т.П. Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 268 с.

5. *M. Le Baron de Slane*. Catalogue des Manuscrits arabes. Paris: Imprimerie Nationale, 1883–1895. 819 p.

6. *Ph. K. Hitti, nabih Amin Faris, Butrus 'Abd-al-Malik*. Descriptive catalog of the Garriet Collection of Arabic Manuscripts in the Princeton University Library. Princeton. Princeton University Press, 1938. 668 p.

7. <http://www.al-mostafa.info/data/arabic/depot/gap.php?file=m012927.pdf> (дата обращения: 20.06.2013).

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Мокрушина Амалия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент; kodzik@inbox.ru

Mokrushina Amalia A. — PhD, Associate professor; kodzik@inbox.ru

О. Д. Рустемов

ОБРАЗЦЫ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ (ХУКМ) ИЗ СУДЕЙСКИХ СБОРНИКОВ КРЫМСКОГО ХАНСТВА: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СТИЛЯ

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Российская Федерация, Крым, 95015, Симферополь, Учебный пер., 8

В статье подробно рассматриваются содержание и типологические особенности одного из наиболее распространенных жанров официально-делового стиля Крымского ханства — хукма как разновидности сиджией. Работа содержит также обзорную информацию относительно некоторых других видов юридических документов, содержащихся в кадиаскерских сиджиях бахчисарайского кадылыка. Аргументация и методы предпринятого авторского исследования базируются на текстах, взятых непосредственно из крымских судебных реестров XVII–XVIII вв. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: Крымское ханство, судебные реестры, дава, хукм, илам, сиджил, сурет, Собрание суда Шариата, преамбула документа, кысмет-и меварис, яфта.

CRIMEAN COURT REGISTERS (SIDJILS) OF THE 17th–18th CENTURIES: GENRE STRUCTURE OF HUKM, A LEGAL DOCUMENT

O. D. Rustemov

Crimean Engineering and Pedagogical University,
8, Uchebny per., Simferopol, 95015, Crimea, Russian Federation

The article discusses in detail the content and typological features of the one most common genres of official style of the Crimean Khanate — hukm, as a kind of sidjils. Crimean court books — sidjils, in spite of their great historical value, have not yet been systematically studied. A history and the main works on the study of Bakhchesaray court books are presented. The article attempts to analyze the structure of various types of judicial verdicts — hukm — and highlights their main stylistic and linguistic features. There are at first presented translations of individual samples of legal texts era of the Crimean Khanate, some of which have not only a philological, but also historical value. The paper also contains an overview about some other kinds of legal documents which are contained in kadiasker's sidjils of Bakhchesaray kadilyk. Reasoning and methods undertaken by the author's research is based on texts taken directly from the Crimean court registries of the 17th–18th centuries. Refs 12.

Keywords: Crimean Khanate, court registries, dava, hukm, ilam, sidjil, suret, Sharia Court session, the preamble of the document, kismet-i mevaris, yafat.

Понятие «хукм» (из араб. hükm — حكم — решение судьи по рассмотренному иску, приговор, суждение, указ [1, с. 389]) интерпретируется в контексте нашей статьи как судебное решение или приговор. Однако прежде в качестве термина для номинации отдельного вида юридических, деловых бумаг оно не выделялось. Турецкие исследователи определяют тексты подобного типа термином «илам» (из осм. i'lam — اعلام — сообщать, оповещать, разъяснять) — официальное письменное извещение о решении суда [2, с. 8–9; 1, с. 429]. Это определение, на наш взгляд, может быть отнесено к довольно широкому спектру документов, в то время как под понятие «хукм» подпадают дела уголовного или гражданско-процессуального характера, в особенности те, что относятся к порядку рассмотрения исковых заявлений. В данном случае речь идет об исках, называемых «дава»¹.

¹ Дава (араб. دعوا — da'vâ) — иск, тяжёлое дело.

Выражение «хукм» в сочетании *хукм олунду* (*hükmt olundu* — «решение было принято») — одно из наиболее часто употребляемых в юридических материалах Крымского Ханства. Указанные документы содержатся в специальных реестрах судебных решений, известных как «сиджили»² [3]. Малоизученные пока сиджили представляют собой богатейший источник сведений о хозяйственной, социальной, политической жизни данного тюркского государства на рубеже XVII–XVIII вв. Структурная завершенность и жанровое своеобразие содержащихся в них документов позволяют рассматривать их также как неоценимый материал для изучения исторической стилистики крымскотатарского языка в классический период его развития.

Сиджили собраны в особую книгу — *Сакк*³ и представляют собой регистрационные записи разнообразных судебных дел и решений, идущих друг за другом зачастую просто в хронологическом порядке по мере записывания, без распределения их по типу или по тематике. Иногда записи многоэтапного дела, где повторяются фигуранты процесса — «дава», разделены между собой записями о других процессах, никак не связанных с предыдущими (см. напр.: [3, т. 1, с. 85–86]).

Хронология регистрации сиджилей линейна. Она состоит в последовательной записи фабул и решений процесса в той очередности, в какой они рассматривались на Собрании Суда Шариата. При этом иногда дата ставилась лишь на первом документе, записанном в день присутствия; на остальных документах можно увидеть надпись *Fi't-tarih'il-mezbur* — «Дня означенного» [3, т. 1, с. 3-а, текст № 4], что воспринимается как ссылка на дату вышеприведенного документа.

Целью настоящей работы является выявление и описание типологических черт структурного построения и лексикологических особенностей одного из наиболее распространенных видов документов упомянутых судебных реестров — *хукм*.

Актуальность статьи определяется отсутствием изучения, описания и систематизации сиджилей Крымского ханства как особого стилистического феномена. До настоящего времени внимание исследователей было сосредоточено исключительно на экзотическом или историческом содержании данных документов [4–9], повествующих о различных фактах экономической, исторической или юридической жизни государства крымских татар. Тексты эти не переводились (исключение составляет работа М. Биарсланова [10]), но иногда комментировались. В упомянутых в ссылке трудах турецких авторов и в работе М. Биарсланова присутствуют определения жанров некоторых видов сиджилей, совпадающие, впрочем, с османско-анатолийской традицией. Небольшая часть этих документов перечисляется в ярлыке Джанибека Гирея, на что впервые обратил внимание Халиль Инальчик в своей статье, где речь идет об обнаружении кадиаскерских дефтеров в Санкт-Петербурге и их копий в Симферополе [5, с. 313–314]. Халиль Инальчик опубликовал ярлык печатным арабографичным алфавитом, добавив к нему некоторые комментарии относительно его содержания. Ввиду отсутствия транскрипции на латиницу и точного перевода нам представляется уместным опубликовать этот любопытный с точки зрения исторической стилистики и истории правосудия Крымского ханства документ в транскрибированном виде и с переводом.

² Сиджилъ (осм. изараб. sicil — سجل) — книга юридических актов, реестр, запись. Sicil kesmek — вынести приговор [1, с. 877].

³ Сакк (осм. из араб. saqq: suquq-sıraq-esraq) — книга, свод; свидетельство, удостоверение.

Canibek Girey Han sözü

1. Qıdvetü'l-qudat ve l-hükkam, umdetü'l-vülâtü'l-İslam bi'l-fil Gözlev efendisi ve Qarasu efendisi, ve Ferrah Kerman qadısı ve Qırım

2. efendisi, ve sair qudat'a bi'smihim(?) i'lam-ı yarlığ-ı şerif-i oldur ki, qazalarunuzda kendünüz olmayub sicil ve hüccet'de ve resm-i qısmet

3. hadd-i mahdud'dan ziyade teadi üzere hareket idenleri istihdam ve naib eyledüklerünüz mesmu' şerifimiz olub buyurdum ki, min ba'd

4. nefs-i qazanuzda bi-z-zat kendünüz musalih müslimin'e muqayyid olub kendünüz olmadıqça ehl-i âlem ve sahib-i halim ve kitab-ı sicilât ve qısmet-i

5. hususların'a rüsuх üzere olanları istihdam idesüz ve ziyade tenbih idub **sicile** sekkiz aqçe, ve **suretine** otuz ikki aqçe,

6. ve **qısmet-i mevariste** qırqdan bir aqçe ziyade almayub **muhziriye** dahi hesab olanı bundan **yafıa** aqçesi deyü almayalar, ve

7. **i'taqname**'ye bir quruşdan ziyade almayalar. Vech-i meşruh üzere naiblerünüze muhkim tenbih ve ta'kid idesüz ve kendiniz dahi

8. taht-ı qazanuzda olan fuqara ile minval-i meşruh üzere muamele idesüz ve rüsum avaid'de teqqadi eylemeyesiz. Şöyle ki,

9. zikr olanından ziyade fevqalâde rüsumdan ve avaiden tama' hame'ye düşüb teadi olunan sebeб azañızbilüb

10. aña köreicra-yı Şer'a Şerifi'de mücidd ve sai olasıз, naibiniz itdikleri mahza kendinüzе aid olub kendinüz muahiz

11. olursuz. Naib bihane olmaq ihtimalı yoqdur. Minval mezburdan naibiñ teadisi dahi mu-cib azeldir şöyle, böylesiz

12. maqule kimisneleri istihdam itmeyesiz. Qazanuz'a kendinüz muqayyid olasıз ve mersumat'dan hakem olanından mutlaqa resm deyü

13. almayasız. Ve naiblerünüze tenbih idub bihüre aldirmayasız. Heman sicil aqçesi, suret olursa, suret sicille otuz ikkidir. Bundan

14. ziyade alınmıyу ve vasiyet, ve vaqfı ve bedel aqçelerinden dahi resm-u sicil deyü bir hiba almayusuz ve aldirmayusuz. Ve naibünüz bihüre sebeб-i azl

15. biliysiz . Aña köre muqayyed olasıз, şöyle bilesiz deyü yarlığ-ı şerif virildi. Tahriren fi... Sefer... sene 1021 [3, t. 1, c. 73-a (22) (1-ый текст справа на развороте)].

... Первейшим из кадиев и судей, оплоту и защите Ислама, непосредственно господину Гёзлева, и господину Карасу, и кадию Феррах Кермана, и господину (Старого) Крыма, а также остальным судьям! Сим прямым Высочайшим Ярлыком доводится, что в отсутствие вас в судилищах заместителями и наибами⁴ вашими по делам сиджилей и худжетов и в делах по наследству сверх всякой меры совершается злосключений. Посему услышанным нашим Высочайшим Ярлыком повелеваю: отныне по всем тяжбам во вверенных вам судах самим вам быть регистраторами дел добронравных мусульман, а по отсутствию вашему назначать на исполнение заместителей из числа мирян воспитанных, доброго нрава, искушенных в ведении книг и в назначении доли по наследству. И сделав им полное разьяснение, определить им степень пошлины: за запись в **сиджилъ** — восемь акче, а за выписку по решению суда (**сурет**) тридцать две акче, а за раздел имущества по наследству (**кыысмет-и меварис**) не более одной сороковой части от цены оногo. А за печать на общественном прошении к султану (**мухзирие**), говоря, что деньги на **яфту**, пошлину не брать, и за вольную (**итак-наме**) больше одного гуруша (= 125 акче) не брать. Согласно сим повелениям сделайте разьяснение вашим наибам, кои так же, как и вы сами, будут обходительны с бедняком, стоящим перед судом, и не станут взыскивать сверху назначенной меры. И, таким образом, сумев преодолеть причины враждебности и недовольства, проистекающие из упомянутых

⁴ Наиб — представитель, доверенное лицо, адвокат. Заместитель судьи на Суде Шариата.

чрезвычайных поборов, коренящихся в несправедности и алчности, соблюдайте исполнение Суда Шариата честно и добродетельно. Того же, что должно было вам делать, а делали наивысшие, впредь лишь вы исполнителями будете. В том же, что наивысший добродетелен и чист, не должно быть сомнений. А когда нарушения за ним замечены, немедленно с должности снять. По ходатайству всякого помощника не брать. По отсутствию такового самим суд править и запись вносить, и за то сверх назначенной пошлины не брать. Отныне стоимость за сиджиле такая (есть), а если с сиджиля выписку давать, то за все тридцать две (акче) брать. И наивысшего строго воспретить брать больше положенного. И за регистрацию завещания (**васиет**) в пользу **вакуфа** (религиозные учреждения), и за **бедел** (компенсация вместо воинской службы), говоря, что это казенные бумаги, никаких подношений не искать и не склонять к этому. А наивысшего, уличенного в том, что ищет корысти, можете увольнять. И согласно сказанному вести книгу будете. А сей Высокий Ярлык дан вам на то извещением.

Месяца Сефер, года 1031 (1629).

Итак, в тексте ярлыка перечисляются следующие виды документов: *сурет* — выписка из решения дела, *къысмет-и меварис* — в дословном переводе: «доля наследников», т. е. документ, где детально разбирались права и доли всех наследников умершего согласно уложениям Шариата. Фактический раздел всего описанного наследства с указанием стоимости каждой вещи впоследствии фиксировался в *яфте*. *Яфта* — полизначный термин. Например, это могло быть объявление с ценами на определенный вид товара, или таблица с рыночными ценами, приуроченными к какому-либо празднику; в таком случае яфта составлялась на основе фирмана или ханского ярлыка. Яфта могла представлять собой также лист с перечнем ввозимых товаров. Одним словом, яфту можно воспринимать как сопроводительный лист, лист с объявлением, накладную или фактуру и т. п.

Итак-наме — документ, дающий свободу невольнику. В нем, как правило, фиксировалось имя его прежнего хозяина и указывалось, на основании чего невольник получал свободу. Это могли быть откупные деньги, или выполнение какого-либо условия, например, *тедбир-и мутлакъ* («обязательно исполнить») — последняя воля умирающего, или иные условия (*шарт*). К ним нередко относилось и требование наряду с выкупом принять ислам и найти себе жену. При выполнении данного условия бывший невольник получал специальный документ *сукъукъ-и муслимин* — «свидетельство мусульманина», которое уравнивало его в правах с остальными мусульманами Крыма.

Перечисленные выше типы юридических и административных документов представляют собой лишь часть разнообразной и строго регламентированной письменной канцелярии Судов Шариата в Крымском ханстве. Краткое описание многих типов данных документов, их транскрипция, указание сферы употребления довольно полно представлены в османистике. Однако в турецком языкознании редко можно встретить работы по описанию стилистических особенностей того или иного функционального стиля в целом либо анализ определенного типа средневекового документа⁵. Исходя из этого можно заключить, что работа по изучению стилистики сиджиблей еще только предстоит.

⁵ В работах таких авторов, как Akdes Kurat [11] и Melek Özyetgin [12], вполне подробно описаны структуры ханских ярлыков Крымского ханства, выделены различные их части, способы презентации, в том числе самопрезентации, сановных особ. Во многом эти ученые идут вслед за европейской, в частности русской и немецкой, традицией в сфере исторической стилистики тюркских текстов.

Хукм, или собственно *сиджилъ*, выделяется из перечня приведенных выше типов документов. В сборниках кадиаскерских решений это самые распространенные письменные юридические свидетельства. Как уже отмечалось ранее, хукмом мы называем документ, в котором присутствуют фабула уголовного или гражданского дела и претензия истца к ответчику. Задача суда шариата в данном случае — рассудить возникшую спорную ситуацию. Как правило, для решения спора и определения виновного, а также степени его вины привлекались свидетели, которые обязательно должны были быть мусульманами.

Начало хукма вполне традиционно и исключительно формализовано. Варианты преамбулы могут отличаться, что объясняется, на наш взгляд, фантазией или степенью литературной образованности чиновника, регистрировавшего иск. В отдельных случаях особую пышность слога можно отнести на счет содержания самого *сиджиля*. Например, оно могло быть таким многословным и витиеватым: *Sebeb-i tahrir-i kitab-ı Şer'i ve mücib-i tastir-i hitab-ı mer'i oldur ki...* [3, т. 1, с. 6-b (слева) текст № 1] — «Поводом для написания сего документа (Суда) Шариата и необходимости обращения к уложениям Закона явилось то, что...». Но могло быть и более сдержанным и лаконичным: *Vacibü't-tahrir-i kitab-ı Şer'i oldur ki...* — «Понуждением для записи в книге Суда Шариата явилось то, что...». Однако подавляющее большинство *сиджилей* начинается со слов *Oldur ki...* — «Явилось то, что...». Данное начало как бы подразумевает преамбулу, которую мы встречаем в предыдущих примерах, но поскольку число рассматриваемых дел было велико, секретари считали вполне возможным ее опустить.

Встречаются *сиджили* и без вступления, как, например, приведенные ниже два текста одного и того же дела, где ответчиком являлся сначала бывший невольник Осман, который благодаря показаниям свидетелей был оправдан, в результате чего новым ответчиком стал его бывший хозяин, Али мирза.

1. Qasaba Qarasu'da debbağlar mahalesinde sakin Cafer bin Abdullah meclis-i şer'a bir müfesser Mehmed Baş nam sekbanın abd-i mezun
 2. ve memluki Osman bin Abdullahu ihzar idub işbu Osman'a bir miqdar sahtiyan bey' itmişdim semeninden zimmetini
 3. yigirmi flori qalmış idub malikiye veli Ali mırzazimmeti bey'ü şıra üzre idub verilüb iken
 4. mezun ve qavm-i Osmanı mezbur Ali mırza bey' itmiş, taleb iderün. Sual olunduqta Ali mırzaniñ
 5. abd-u mezun idim işbu Cafer ile alış veriş ediline sahtiyan semeninden zimmetimde 20 flori olduğı
 6. vakidur. Beni Ali mırza bey' idub elimdeolan suquq-umuslimini zabt itmişdir.... deyüb
 7. mezuni merkumunbil tatavvu (?) iqrar mersum-i sebat olundu.Tahriren fi yevmil-ışrın,şehr-i Şevval,
 8. sene ısıttın ve ısrın ve elf
- [3, т. 1, с. 94-b, текст № 2]

Житель махали Деббаğлар (дубильщиков кожи) в городе Карасу, Джафер бин Абдулах, в собрании Суда Шариата привлек к судебному разбирательству бывшего слугу и вольноотпущенника секбана Мехмеда Баши некоего Османа бин Абдуллаха, объясняя следую-

В любом случае, труды указанных авторов не связаны с изучением *сиджилей*, но посвящены больше ярлыкам и письмам дипломатического характера.

щее: я продал этому самому Осману некоторое количество сахтияна (выдубленной кожи), от стоимости коего остался за ним долг: двадцать флюри. Оного отпущенника и клиента моего продал благодетельный властитель Али мирза. Будучи спрошенным, тот ответил: я был отпущенником Али мирзы и совершил покупку сахтияна у этого самого Джафера, и остался долг 20 флюри. Меня же самого Али мирза продал, забрав бывшее у меня на руках свидетельство мусульманина (*сукъукъ-и муслимин*). Записано 20 Шеввала, 1026 года.

1. Mezbur Osmanın maliki veli ve bayi' olan Ali mirza ibn Sefer Gazi atalıq ihzar olunub mezbur

2. Cafer meblağmesfur yigirmi floriyi davayı itdüginde mezbur Osman kendüniñ abd-i mezun iken bey' idub

3. semeni elli floriyle qabzitdügine mezbur Ali mirza yigirmi flori Osmanın deyn merqumun

4. münkerolduqda Mehmed Başı bin Abdullah ve Ahmed bin Halil şahadet idubmeblağ mezbur yigirmi flori

5. mezbur Ali mirzanın mezbur Cafere hükm olundu. Tahriren fi-l sani-l ve işrinşehr-i Şevval Ali halfa ibn Qaytas.

Владелец и продавец упомянутого Османа Али мирза сын Сефера Гази был привлеченным упомянутым Джафером к судебному разбирательству по делу злополучных двадцати флюри. Долг остался после покупки, совершенной Османом, будучи невольником Али мирзы, который отпустил его за пятьдесят флюри, кои он и получил на руки. Али мирза не признал при этом долга упомянутого Османа в двадцать флюри. При свидетельских показаниях Мехмеда Паши сына Абдуллаха и Ахмеда сына Халиля, упомянутого Османа от долга освободить, с тем, чтобы двадцать флюри в пользу упомянутого Джафера оплатить по приговору должен упомянутый Али мирза.

[3, т. 1, с. 94-б, текст № 3]

Приведенные тексты, будучи яркими примерами стилистики обычных сиджи-лей, свидетельствуют также и о достаточно демократичных основах крымского правосудия. Как известно, идеологической базой юриспруденции Крымского ханства являлся Коран, который уравнивал права всех мусульман, вне зависимости от их статуса.

Из структурных и стилистических особенностей хукма следует выделить отсутствие заголовка, какие предваряют некоторые другие типы документов, и непосредственное начало сразу с изложения сути дела. Синтаксис данного документа представляет собой одну нескончаемую фразу, завершение которой, по сути, является и концом самого документа. Далее приводится дата составления сиджиля и названы свидетели, присутствовавшие при составлении документа. Глаголы тюркского происхождения, в основном вспомогательного свойства, обычно находятся в деепричастной форме, за исключением последнего, в категорично-прошедшем времени на *-ды/-ты*, что знаменует собой принятие решения.

Структурно данный тип документа выглядит следующим образом: формализованная преамбула, призванная свидетельствовать о том, что дело будет рассматриваться в Суде Шариата. Если она отсутствует, то в начале фабульной части текста все равно появится фраза: *Meclis-i Şer'a* — «Собрание Суда Шариата», куда обратился истец (имя истца, иногда с указанием места проживания и даже с приметами — в случае, если истцом является невольник) с претензией или с показаниями (*takrir-i kelâm idub*) на ответчика и обязательно в его же присутствии. Далее следует

содержание иска, которое высказывает истец, заканчивающееся фразой типа: *Şer-i Şerif muktezasınca taleb iderün* — «Истребуйте, согласно уложениям Высочайшего Шариата». После чего следует обращение к ответчику, которое в сиджиле фиксируется фразой *sual olunduğa* или *sual olunub* — «будучи спрошенным». Затем следуют пояснения ответчика. Они могут быть двоякими: либо ответчик признает справедливость высказанных в его адрес обвинений, и тогда он соглашается удовлетворить претензии истца, либо высказывает свою точку зрения по сути предмета тяжбы, что делает необходимым участие свидетелей. В первом случае хукм, т.е. решение суда, может не потребоваться. Ответчик предлагает свой вариант компенсации истцу по заявленному им ущербу, и его слова сопровождаются замечанием судьи *ikrar ile cevab verüb...* — «отвечая с признанием...». Достигнутая договоренность в данном случае фиксировалась фразой *...dediği mahüvel'l-vaki qutub olundu* — «со слов... записано верно». Если же было решение судьи, то сиджил заканчивался, например, так, как в вышеприведенном тексте, или словами *...hüküm olunub ketb olundu* — «записано согласно принятому решению». После этих слов следует дата записи документа и перечисление свидетелей.

Отличительными чертами синтаксических конструкций данного типа документов было также стремление к экономии средств, в особенности если участники процесса были люди незнатные, а тяжб в день присутствия рассматривалось много. Иллюстрацией к данному утверждению может служить следующий сиджил, в котором, к тому же, нет решения — хукма, несмотря на заявленный иск:

1. Oldur ki, Meclis-i Şer'a Küntovmuş bin Takatmış Şah Hüseyin bin Kasım ihzar ve muhzurında
2. takrir-i davaidub dedi ki, işbu Şah Hüseyin Toqtamış Girey sultan ile Koval (Kovel?) seferine giderken
3. Özü (Dnepr) yanında gayıb olan bir güruh atlarımızı rast gelüb, alub sefere gidüb ben dahi
4. seferde nice atıma rast gelüb aldım. Bir atım kaldı. Halâ taleb iderün dedikte, mezbur Şah
5. Hüseyin dahi sual olunduğa: gerçek küffar (*kâfirler* — R. O.) içinde bir güruh at'a bir beyaband'arast
6. gelüb birkaç kimsa aldıq. Ama bazısın sahibi beyyine ile aldı. Bir at bilâ-qayd u tecavüz yolda
7. öldü cevap virecek. Bilâ tecavüz öldüğüne Qanbirdi bin İbrahimve Qurman
8. Ali bin Cahizli-ecl'il-şahadet haziran olub bilâ-qayd öldü dedikleri kayd olundu.
9. Fi't-tarih'il-mezbur.
10. Şuhud'ul-hal:
11. 1) 2) Sefer Ali. 3)

[3, Т. 1, 3-а, текст № 4].

...Пред Собранием Суда Шариата предстал Куньтовмуш сын Такатмыша, который в присутствии Шах Хусейна сына Касыма, давая показания по открытому им делу, сказал: Этот самый Шах Хусейн, идя совместно с Тохтамыш Гиреем в Ковельский поход, наткнулся вблизи реки Днепр на утерянный прежде табун войсковых лошадей, его взял. И я в походе немало коней, встретив, взял. Остался у меня только один конь. Истребуйте же у него теперь. Упомянутый Хусейн, будучи спрошенным, отвечал: истинно, что в степи в стороне неверных наткнулись мы на табун лошадей и взяли для себя сколько-то. Часть их по приметам очевидным взяли хозяева оных. Другая часть в пути без умысла погибла. В доказательство того, что часть коней погибла в пути без умысла, выказали готовность свиде-

тельствовать Канбирды сын Ибрагима и Курман Али сын Джахиза. Слова их: «Умерли без убийства» были записаны.

Года и дня вышеозначенного.

Свидетели присутствия: 1) 2) СеферАли. 3)

Записи по гражданским и уголовным искам — хукмы занимают особое место среди остальных документов, приобщенных к саку бахчисарайского кадылыка. Их многочисленность и многообразие говорит о развитой системе правосудия в Крымском ханстве, имевшей, вероятно, прецеденты всех возможных нарушений и преступлений и разработавшей четкие формы их документальной фиксации. Изучение всех типов юридических документов Крымского ханства, их перевод и комментарии позволят создать предпосылки для формирования исторической стилистики крымскотатарского языка и возрождения в нем официально-делового стиля.

Литература

1. Osmanlıca — Türkçe Ansiklopedik Büyük Lugat [Encyclopedic Dictionary of the Ottoman language]. Hazırlayan Heyet: A. Yeğin, A. Badılı, İ. Hekimoğlu, İ. Çalım. İstanbul: Türdav, 1995. 1070 с.
2. Öznuur K. Bozkurt. Kütahya Şer'iye Sicilleri 8 Numaralı Defterinin Transkripsyonu ve Değerlendirilmesi (Yüksek Lisans Tezi). Dumlupınar Üniversitesi. Kütahya, 2006.
3. Репринтные копии рукописей бахчисарайских сиджией, хранящиеся в библиотеке им. Гапринского в Симферополе. Т. 1: Сиджили за 1017–1022 г. по Хиджре / 1608–1613.
4. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК) № 22; 24–26. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 1895–1898.
5. Галіл Іналджик. Знахідка кадійських сиджілів (судових книг) Кримського Ханату // «Мара Мунді». Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк: Видавництво М. П. Коць, 1996. С. 308–329.
6. Туран Ахмет Незихи. Судебные реестры Крымского Ханства (после их обнаружения) // Культура народов Причерноморья. № 30. 2002. С. 90–93.
7. Туран Ахмет Незихи. Релігійні суди періоду Кримського Каганату // Україна — Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє. Київ, 2004. С. 118–121.
8. Ahmet Cihan. Fehmi Yılmaz. Kırım Kadı Sicilleri // İslam Araştırmaları dergisi. Sayı 11. Üsküdar. 2004. S. 131–176.
9. Özdem Zeynep. Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. Yüzyıl sonlardan 18. Yüzyıl ortalarına kadar). Ankara, 2010. 197 s.
10. Биярсланов М. Выписи изъ кадіаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1613 г. хр. лет.), хранящегося в архіве Таврического Губернского Правления // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). № 8–10. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 1889–1891.
11. Kurat Akdes N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul: 1940. 212 s.
12. Özyetgin Melek. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına Ait Yarlık Ve Bitiklerin Dil Üslup İncelemesi (inceleme-metin-tercüme-notlar-dizin-tıpkı-basım). Ankara, Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 1996. 297 s.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Рустемов Олег Диляверович — кандидат филологических наук, доцент; biblos@ukr.net

Rustemov Oleg D. — Candidate of philology, Associate professor; biblos@ukr.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 94(354)

*Д. А. Вавилина***БАВИЛОНСКАЯ ПОЭМА О БОГЕ ЧУМЫ ЭРРЕ:
ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ
И УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА¹**

Отдел Зарубежной информации (Ближний Восток и Африка)
Информационного телеграфного агентства России «ИТАР ТАСС»;
Российская Федерация, 125993, Москва, Тверской бульвар, 10-12

Анализ текста поэмы об Эрре в сочетании с современными данными по истории Вавилонии позволяют найти дополнительные подтверждения концепции У.Ламберта: время создания текста — 1-я пол. IX в. до н.э.; историческая подоплека — набеги сугиев (племен, родственных арамеям) в XI в. до н.э. Анализ царских надписей этого периода показал, что фрагмент посвященной надписи Симбар-Шипака (1025–1008 гг. до н.э.) близок к поэме и по содержанию, и по фразеологии. Содержащееся в ней сообщение о разрушительных набегах сугиев при Адад-апла-иддине (1069–1048 гг. до н.э.) подтверждает гипотезу У.Ламберта относительно событий, нашедших отражение в поэме. Библиогр. 30 назв.

Ключевые слова: Эпос об Эрре, У.Ламберт, сугии, арамеи, Южная Месопотамия, Вавилон, Симбар-Шипак, Адад-апла-иддина.

**BABYLONIAN POEM ABOUT ERRA, THE GOD OF DISASTER:
THE PROBLEM OF DATING AND IDENTIFYING HISTORICAL BACKGROUND***D. A. Vavilina*

Department of Foreign Information (Middle East and Africa) in ITAR-TASS,
10-12, Tverskoy bulvar, Moscow, 125993, Russian Federation

The dating of the Erra Epic and its historical background are still variously interpreted in Assyriology. Analysis of the text as well as further details about history of Babylon can provide some additional support for W. Lambert's hypothesis, namely: that the poem was written in the first half of the 9th century BC while its historical background could be the raids of Suteans (Semitic-speaking tribes related to Aramaeans) in the 11th century BC. A fragment of Simbar-Shipak's dedicatory inscription (1025–1008) has much in common with both the poem's content and its phraseology. This fragment of the royal inscription tells about devastating raids of Suteans and refers to the time of Adad-apla-iddina's reign (1069–1048). This is another support for the W. Lambert's hypothesis. The dating of the poem is a key

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н.э.)» (СПбГУ: Тем. М2, ИАС 2.38.525.2013).

to the text's comprehension. It gives an opportunity to consider the piece of literature as a source of information and to estimate the historical value of the text by correlating certain historical events that are directly or indirectly reflected in it. Refs 30.

Keywords: Erra Epic, W.G. Lambert, Suteans, Aramaeans, Southern Mesopotamia, Babylon, Simbar-Shipak, Adad-apla-iddina.

Общая характеристика произведения

Произведение, условно называемое «Эпосом об Эрре»² (далее: ЭЭ), по своему содержанию, размеру и степени сохранности является одним из крупнейших литературных памятников на аккадском языке наряду со Сказанием об Атрахасисе, Эпосом о Гильгамеше и поэмой «Когда наверху» (*Enūma eliš*).

Поэма сохранилась в виде нескольких десятков фрагментов³, датированных VIII–VII вв. до н.э. и найденных на территории многих древнемесопотамских городов (Ниневия, Ашшур, Вавилон, Ур, Харран), что свидетельствует о ее популярности на древнем Ближнем Востоке. Во многих литературных текстах Месопотамии, в частности, в тех, что были найдены в царской библиотеке в Ниневии, встречаются цитаты и перефразированные фрагменты из ЭЭ [1, p. 5].

Текст ЭЭ использовался, вероятно, и в качестве оберега. Об этом можно судить по особенностям отдельной группы копий, записанных на табличках круглой формы. Как предположил Б.Хрушка, они использовались в качестве домашних амулетов: по-видимому, Ишуму, советнику Эрры, полагалось отваживать патрона от защищенных ими домов. В таких экземплярах для экономии места опускался колофон⁴ и использовалось большое количество идеограмм, либо включались только те части ЭЭ, которые помимо разрушительной силы Эрры демонстрировали его великодушие (в основном Таблица V). Лишь одна копия из этой группы является исключением и содержит текст ЭЭ без сокращений. Особый интерес представляют приписанные в конце этого текста диагональные штрихи, возможно, имевшие некое магическое значение [2, S. 355–356].

ЭЭ состоит из пяти таблиц и занимает около 800 строк. В тексте произведения указан автор-составитель — некий Кабти-илани-Мардук, сын Дабиби. В строках 42–44 Таблицы V он утверждает, что дословно воспроизвел божественное откровение, данное ему Ишумом, советником Эрры. Поскольку имя составителя указано в заключительной части произведения, а не в акростихе — как, например, в тексте «Вавилонской теодицеи» — сложно судить, был ли Кабти-илани-Мардук подлинным составителем: указание на его имя в акростихе точно свидетельствовало бы о том, что перед нами не позднейшая приписка. Тем не менее ЭЭ, наряду с «Вавилонской теодицеей», принято считать подписанным произведением [3, p. 107; 4, p. 76].

² В древности именовался по первой строке: *šar gimir dadmē* — акк. «(О) царь всех обитаемых мест!». В противоположность классическому эпическому канону у Эрры нет антагониста в лице героя-единоборца. Напротив, сам Эрра выступает не один, а с помощниками, главному из которых, советнику Ишуму, и удастся в конце концов утихомирить воинственного бога.

³ Почти полностью сохранились Таблицы I, IV и V. В Таблицах II и III много лакун.

⁴ Следующее за основным текстом и отделенное от него чертой дополнение с указанием имени составителя/копииста и даты написания текста; в случае литературных текстов — содержит название произведения, а также первую строку следующей части, если произведение занимает не одну табличку.

С художественной точки зрения произведение построено на выразительной игре контрастов (большое внимание уделяется описаниям, с одной стороны, бедствий войны и чумы (Таблица IV), с другой — радости мирной жизни и благополучия (Таблица V)). По мнению У. Ламберта, автор ЭЭ достиг вершины мастерства, на которое едва ли может претендовать составитель поэмы «*Enūma eliš*» [5, p. 399–400]. ЭЭ, как и любое поэтическое произведение древней Месопотамии, построено на семантико-синтаксическом параллелизме частей, цезуру между которыми писцы зачастую отмечали, оставляя промежуток в строке. Ни полустигии одной строки, ни парные строки двустигий формально (аллитерацией или рифмой) никак не связаны, связь осуществляется лишь на смысловом уровне [6, с. 257–258].

Повествование в ЭЭ организовано в форме диалога. И хотя у читателя перед глазами разворачивается динамичное действие, описание происходящего вложено в уста героев, ведущих между собой разговор. Как полагают, произведение должно было разыгрываться небольшой группой актеров без сценических декораций [5, p. 395].

Содержание ЭЭ

Утомившись от долгого пребывания в праздности у себя в жилище, Эрра⁵ захотел разгуляться, однако терзался сомнениями: «Встать ли мне, лежать ли?». Однако вняв подстреканиям своих воинственных помощников-Сибитти⁶, он приказал своему советнику Ишуму⁷ сопровождать его в походе. Ишум, испытывая сострадание к людям, попытался отговорить патрона, но тот возразил, что люди не заслужили пощады, поскольку будто бы, вышли из подчинения не только его, но и самого Мардука.

Однако Эрра не может действовать, пока Мардук, царь богов, сидит на своем престоле в Вавилоне. Эрра уговорил Мардука спуститься в подводное царство мудрого бога Эа, чтобы получить там ремесленников и драгоценные материалы, необходимые для приведения в порядок одеяний Мардука, вместо которого Эрра пообещал временно править миром. Так Эрра получил возможность нарушить привычный ход мироздания.

Призвав Ишума в свой храм Эмеслам⁸, Эрра рассказал ему о том, что собирается погубить страну, разрушить все города, истребить людей и животных. Он нарисовал

⁵ В отечественной науке Эрру принято именовать богом чумы, хотя, как видно из того же ЭЭ, в его арсенале содержится все, что приводит к массовой гибели живого (война, эпидемии, голод, разруха). В III тыс. до н.э. имя Эрры засвидетельствовано в Месопотамии в составе семитских имен собственных, причем сопровождается детерминативом *diġir* «бог» лишь изредка, возможно, как имя чужеземного божества. Со II тыс. до н.э. Эрра стал полностью отождествляться с богом подземного мира Нергалом, особенно в городе Кута (совр. Телль-Ибрагим). Эрра фигурирует в еще одном литературном произведении: в старовавилонском сказании о царе Нарам-Сине, в котором по сути заместил Нергала, особо почитавшегося Нарам-Сином [7, p. 217].

⁶ Акк. *sibitti* «Семерка» — считается, что это 7 злых демонов (ассоциировались с созвездием Плеяд), которые насылали болезни, истребляли людей и животных [1, p. 18]; об этих воинственных божествах см. [8, p. 67, note 11].

⁷ Представлялся в образе ночного дозорного, освещающего людям путь в темноте; относительно этимологии имени Э. Джордж пишет: «The etymology of *Išum* as 'fire' (the common noun is feminine, *išātum*) is doubted by some, but even so Išum's connection with fire is accepted as well established» [8, p. 67, note 9].

⁸ Общий храм Эрры и бога подземного мира Нергала в г. Кута [9, S. 67].

страшные картины грядущего хаоса и разрушения. Ишум, услышав речи Эрры, испугался за людей, пожалел их и вновь попытался отговорить грозного бога от задуманного, прибегнув к лести и превознося его грозную силу. О разрушениях, которые бог тем не менее учинил в городах, мы узнаем из рассказа Ишума.

Эрра разжег мятеж в Вавилоне, заставляя жителей города, неискушенных в сражениях, взяться за оружие, поджигать святилища, убивать невинных людей. Он разрушил укрепления Сиппара, нарушил культ Иштар в Уруке, разрушил храм Эугаль в Дур-Куригальзу, опустошил Дер. Мудрому советнику удалось утихомирить бога хвалебными речами, убедив не истреблять всех до единого. Эрра пожелал, чтобы все оказались жертвами самоуничтожения, за исключением жителей Вавилонии, которые должны были, по его словам, возвыситься. Бог приказал своему советнику отправиться к горе Шаршар, сравнять ее с землей и уничтожить все окрестные города.

После этого Эрра успокоился, вернулся к себе и предстал перед богами с покаянной речью. В заключительном монологе Эрра дает доброе предзнаменование: благословляет людей, оставшихся в живых, обещает восстановить разрушенное и вернуть прежний миропорядок, сулит благополучие и процветание тем, кто будет его почитать и прославлять.

Исторические реалии, нашедшие отражение в ЭЭ

Основным материалом для историков служит Таблица IV. Большая ее часть посвящена описаниям разрушений городов, храмов, уничтожению населения. Эта часть ЭЭ насыщена топонимами. Разрушен Вавилон (святилища, стена Имгур-Эн-лиль) (строки 1–49), Сиппар (стена, зубцы) (строки 50–51), Урук (строки 52–62), в городе Дакса разрушен храм Эугаль (строка 63), разрушен Дер (строки 66–74). В строках 139–150 описывается разгром врага, осуществленный Ишумом по приказу смилостивившегося Эрры. Здесь в качестве места обитания враждебных сутиев упоминается горная местность Шаршар (уст. Хехе/Хихи)⁹. Это историческая область в Сирийской пустыне, которую отождествляют с горным массивом Джебель эль-Бишри [12] — средоточием арамейских кочевых племен [13, p.256; 14, p.35 и др.]. Историческим свидетельством обитания в этой местности сутиев служит хроника, сообщающая об укреплении здесь крепостей после разгрома сутиев царем Вавилонии в 1333 г. до н.э. [13, с.172].

В строках 131–134 Таблицы IV упоминаются некоторые этнонимы: приморцы, субареи, ассирийцы, эламиты, касситы, сутии, кутии, лулубеи. Сутии также упоминаются как враждебный народ в строке 69. В строке 27 Таблицы V (доброе предзнаменование Эрры) сутии упоминаются как главная угроза Вавилонии: *akû mât Akkade danna Sutâ lišamqit* — «слабейший (из) вавилонян сильнейшего (из) сутиев пусть повергнет!»¹⁰

⁹ Этот топоним упомянут также в сказании о мифической злой птице Анзу как место ее рождения [10]. О современном чтении см.: [11, p.884; 8, с.67]; название, возможно, связано с акк. *šaššāru* «пила» [10, с. XXV].

¹⁰ “The weakest Babylonian shall fell the strongest Sutean” [8, p.60], что соответствует оригиналу: *a-ku-ú KUR URI^{KI} dan-na su-ta-a li-šam-qit*; в Чикагском словаре трактовка контекста неточная: *akû Akkadû* “the weak Babylonian... the mighty Sutean” [15, p.250].

О политической нестабильности, отсутствии сильной царской власти сообщают следующие фрагменты Таблицы IV:

Строки	Перевод ¹¹	Исторический комментарий
6, 18	<i>Граждане Вавилона, которые, как тростник болотный, надзирателя не имея, все вокруг тебя собрались (6). Эти жители Вавилона: они суициды птицы, ты же (Эрра) им приманка (18).</i>	Население политического центра Вавилонии не имело сильной политической власти, и, по-видимому, их было легко подговорить к восстанию.
7–11	<i>Меч того, кому не знакомо оружие, обнажен; лук того, кто не знаком со сложным луком, натянут; кто не знаком с боем, затевает сражение <...> хромым бегуна обгоняет, слабый сильного нагоняет.</i>	Описывается полный хаос, при котором обычный миропорядок переворачивается с ног на голову.
59	<i>Жестокого и беспощадного правителя над ними ты поставил.</i>	Вероятно, в условиях политической нестабильности власть оказывалась в руках жестоких узурпаторов.
71–73	<i>Правый суд не могу вершить, не могу вынести стране решения; не дать мне повеления, не открыть мудрость. Правду люди оставили, взяли за несправедливость. (Из монолога Иштарана, главного бога города Дер.)</i>	Возможно, имеется в виду реальное положение дел в стране, когда действительно не могли функционировать суды.

По-видимому, в описываемый период привычный ход жизни в городах Вавилонии прервался. Помимо разрушения святилищ в тексте особо подчеркивается то, что в это время нарушались табу, было невозможно отпраздновать важнейшие религиозные ритуалы:

33	<i>Оружие людей, (что) под защитой (и) для Ану и Дагана святы, ты поднимаешь.</i>
55	<i>Изгнаны из (храма) Эанна священные певцы и актеры.</i>
60	<i>Принес им (служительницам богини Иштар) горе (и) они бросили свои ритуалы.</i>

В тексте неоднократно употребляется слово «враг» (шум. ^{lú}KÚR = акк. *nakru*); именно с врагом связаны обрушившиеся на страну бедствия:

61–62	<i>Иштар разгневалась, на Урук разозлилась, призвала врага, чтобы он, как зерно водой, смел страну.</i>
64	<i>Враг, которого ты поднял, не желает уняться.</i>
76–77	<i>Кто не погибнет в битве, <...> того враг сделает добычей.</i>

Несмотря на пессимистическое мнение, что точная датировка ЭЭ — задача мало-достижимая [2, S. 358–359], ЭЭ — уникальный памятник месопотамской словесности по количеству предположений относительно исторических событий, отзвуки которых нашли в нем отражение [1, р. 20; 18, р. 169]. В. фон Зоден считал таковыми смуту в Уруке в 770–760 гг. до н.э., а уже — 765–763 гг. (окончание эпидемии чумы, упоминаемой хроникой) [19, S. 255–256]. Выдвигалось предположение, что ЭЭ отражает захват Ва-

¹¹ Русский перевод ЭЭ В. А. Якобсона с небольшим комментарием был издан в 1981 г. [16, с. 98–120]. В данной работе переводы ЭЭ — автора статьи, в 2011 г. защитившего в СПбГУ выпускную работу на тему «Эпос об Эрре. Таблицы IV, V: перевод, комментарий» (науч. рук. доц. И. С. Ключков); переводы выполнены по изданию клинописного оригинала [17].

вилона ассирийцами и его полное разрушение в 689 г. до н.э. [9, S.85–90]. А.Л.Оппенгейм полагал, что толчком к созданию ЭЭ послужило нападение на Вавилонию эламитян в 1170 г. [6, с.276]. У.Ламберт [5] и поддерживавшие его Л.Каньи, С.Парпола, Дж.Нойман и Дж.Уотс считают историческим фоном ЭЭ набеги в XI в. до н.э. сутиев, бывших в этот период истории Месопотамии главной силой, подрывавшей благополучие как Вавилонии, так и Ассирии. По мнению Ламберта, указание на географический, этнический и исторический фон произведения содержат строки 130–136 Таблицы IV:

Вот как сказал воитель Эрра: «Приморец приморца, субарей субарей, ассириец ассирийца, эламит эламита, кассит кассита, сутий сутия, кутий кутия, лулубей лулубей, страна страну, город (другой) город, дом (другой) дом, человек человека, брат брата да не пощадит: пусть убивают друг друга! А затем пусть аккадец (имеются в виду жители Вавилонии) поднимется, всех их пусть повергнет и пусть управляет ими всеми!»

Ламберт сопоставил содержание этого фрагмента с историческими реалиями Вавилонии конца II тыс. до н.э. Военные успехи вавилонского царя Навуходоносора I (1125–1104 гг. до н.э.) позволили к 1100 г. до н.э. разгромить эламитян, касситов и лулубеев (остаются еще кутии и субареи). Таким образом, было предложено считать историческим фоном поэмы набеги сутиев в XI в. до н.э. [5], а временем создания текста — первую половину IX в. [4, р. 76]. С этим согласились Л.Каньи [1, р. 21] и Дж.Уотс, отмечавший, что «в Вавилонии IX в. до н.э. процветала литература» и что, «вероятно, Эпос об Эрре был написан именно в это время (последние годы правления Набу-апла-иддины)» [20, р. 109].

Есть и другие, косвенные, подтверждения этой датировки. Так, в строке 2 Таблицы IV упоминается поэтический эпитет Вавилона — *Dimkurkur* — (шум. «связь / узел стран»). Этот эпитет засвидетельствован в текстах примерно с XII в. до н.э. и подчеркивает значение города как сакрального центра, где отправляется культ главного божества пантеона [21, р. 247]. Эпитет мог появиться уже после возвышения главного бога Вавилона Мардука. Царские надписи, кудурру (каменные стелы с договорами дарения земли), имена собственные в хозяйственных документах времени Навуходоносора I дают основание предполагать, что возвышение Мардука в качестве главы вавилонского пантеона и окончательное вытеснение им Энлиля произошло при 2-й династии Исины (1157–1026 гг. до н.э.) [22, р. 194]. В строке 16 Таблицы IV упоминается название внутренней стены в Вавилоне — *Imgur-Enlil* (акк. «Энлил проявил благосклонность»). Название этой стены начинает появляться в текстах с конца касситского периода, в начале правления 2-й династии Исины [21, р. 7]; ее восстановление упомянуто в двух надписях Адад-апла-иддины.

В надписях Навуходоносора I арамеи и сутии не фигурируют; есть лишь сведения о разрушениях, причиненных Вавилону эламитами. В 5-й, 6-й и 8-й надписях Навуходоносора I [23] подчеркивается, что пока Мардук находился на территории вражеского Элама, страна, покинутая своим богом, пребывала в упадке. В 8-й надписи дается божественное обоснование разрушению Вавилона: бог Мардук, разгневавшись, покинул страну, и она была разрушена эламитами. Это перекликается с сюжетом ЭЭ, согласно которому Эрре удалось опустошить Вавилон только благодаря тому, что Мардук покинул свою обитель, отправившись в подводное царство Эа.

Время правления последних трех царей 2-й династии Исины плохо освещено источниками (что является косвенным свидетельством неблагополучия Вавилонии

в данный период). Период истории в полвека (прибл. 1026–980 гг. до н.э.) был политически нестабильным; полукочевые племена арамеев продолжали разорять города, а местная власть была, по-видимому, слишком слаба, чтобы отразить их набеги. В результате гегемония сместилась на самый юг, что привело к воцарению 2-й Приморской¹² династии [24, р. 147–148], основателем которой стал Симбар-Шипак¹³ (1025–1008 гг. до н.э.). Одна из его посвященных надписей представляет для нас особый интерес [23, р. 72–73]¹⁴.

Речь идет о том, что Симбар-Шипак изготовил (скорее всего, отреставрировал) для бога Энлиля деревянный трон с золотым основанием и посвятил его в храм Экур в Ниппуре (строки 20–24). Это сообщение предваряется рассказом о судьбе трона Энлиля, установленного некогда Навуходносором I. Согласно надписи, трон был похищен арамеями и сутиями вместе с другим имуществом храма Энлиля во время их набегов при Адад-апла-иддине. От арамеев трон попал к ассирийцам, которые, по приказу Энлиля, Мардука и Утулу, узнали имущество Энлиля и вернули его в Ниппур (строки 1–19).

⁹ GIŠ.GU.ZA ^dEN.LÍL šá é-kur-igi-gál šá ^{md}AG-NÍG.DU.ÚRU LUGAL mah-ri i-pu-uš ¹⁰ i-na BALA-e ^{md}IŠKUR-IBILA-MU LUGAL TIN.TIR.KI LÚ.KÚR a-ra-mu ù su-tu-ú ¹¹ a-a-bi é-kur ù NIBRU.KI mu-šal-pīt dur-an-ki ¹² šá ZIMBIR.KI URU ša-a-ti šu-bat DI.KUD.GAL.LA DINGIR.MEŠ ú-šah-bīt me-si-šú-un ¹³ iš-lul-ú-ma KUR šu-me-ri u ak-ka-di-i ú-šam-qī-tu gi-mir É.KUR.MEŠ ¹⁴ bu-šá-a NÍG.GA ^den-líl šá a-ra-mu it-ba-lu-ma i-ki-[mu] su-bar-ti ¹⁵ ina qī-bīt ^dEN.LÍL ma-lik DINGIR.MEŠ šá-qī-i E[N] EN.EN ¹⁶ ^dAMAR.UTU LUGAL gim-ri šá šu-ud-du-ú ù šu-šu-[bu] ba-šu-ú KI-šú ¹⁷ ^dut-u₁₈-lu hur-ba-šú a-a-bi [sa-ʾ-i]-di ga-re-[e] ¹⁸ bu-šá-a NÍG.GA ^den-líl aš-šur.KI-ú i-du-ú-ma ú-še-ri-ib qé-reb bal-til.KI ¹⁹ ul-tu qé-reb bal-til.KI a-na dur-an-ki i-tu-ru aš-ru-uš-š[ú(?)]	(По поводу) трона Энлиля, что в Экуригигале, который Навуходносор, предшествующий царь, сделал: во время правления Адад-апла-иддины, царя Вавилона, чужеземцы, арамеи и сутии, враги Экура и Ниппура, осквернители Дуранки, ритуалы Сиппара, вечного города, обители великого судьи богов, нарушили, разграбив страну Шумера и Аккада, разрушили все храмы; имущество, добро Энлиля, которое арамеи утащили, субареи отняли (у них); по велению Энлиля, верховного советника богов, владыки владык, Мардука, царя вселенной, способного опустошить и заселить свою землю, и Утулы, ужаса врагов, поражающего недругов, имущество, добро Энлиля, ассирийцы узнали и внесли в Балтиль (=Ашшур); из Балтиля в Дуранки (т.е. Ниппур) он на свое место вернулся.

¹² Приморье — болотистая область, примыкавшая к Персидскому заливу. Царские списки упоминают 10 или 11 царей династии URU.KU^{ki}, носивших аккадские или весьма искусственные шумерские имена и называвших себя в немногочисленных надписях «царями Приморской страны». Судя по вавилонским источникам конца II — 1-й половины I тыс. до н.э. («царские списки» относят недолговечную 2-ю династию Приморья к XI в. до н.э.) в то время Приморьем называли южную провинцию Вавилонии, которая продолжала существовать, активно участвуя в борьбе против ассирийского господства [6, с. 382].

¹³ Согласно синхронистической истории, Симбар-Шипак был «сыном Эриба-Сина, жителем Приморья», воином во время правления Дамик-илишу (правитель 1-й династии Приморья) [23, р. 71]; Э.Липински читает имя царя как Симбар-Шиху [12, р. 410–411].

¹⁴ Обозначена в издании как В.3.1.1; текст (на аккадском языке) дошел в двух поздних копиях (одна — 1-й, другая — 2-й половины I тыс. до н.э.).

9. *é-kur-igi-ġál* (шум. «Дом: Гора, имеющая глаз(а)») — Святилище, располагавшееся в хранилище Экура (главного храма Ниппура); было посвящено Энлилю и его супруге Нинлиль [25, p. 117].

10. *Сутии* — многочисленные степные племена, обитавшие во II тыс. до н.э. в Сирийской степи по среднему течению Евфрата. О сутиях в конце II — начале I тыс. до н.э. Н. Пострейт пишет так: «They are still in existence in ca. 1135 B. C. since they are among the vassals of Ninurta-tukulti-Aššur, but thereafter they fade out in the north, and reappear only later, probably only as an archaising name» [26, p. 63]. Эпоним «сутии» аккадских текстов предположительно является транскрипцией арамейского *šēti* — «потомки Шуту/Шиту», которого принято идентифицировать с библейским Сифом (евр. Šēt), сыном Адама [27; 13, p. XXVI]. Термин «сутии» в этот период встречается исключительно в вавилонских источниках, вероятно, как тождественный «арамеям» [12, p. 412], о чем свидетельствует то, что в вавилонских текстах разрушительные набеги в XI–IX вв. приписываются либо арамеям, либо сутиям. При этом в каком бы контексте ни упоминались сутии, арамеи каким-то образом оказываются связанными с теми же событиями, местом и временем [24, p. 285–286]. Надпись Симбар-Шипака — единственный текст, где сутии и арамеи, упоминаясь вместе, видимо, различаются [12, p. 40].

Опираясь на раннее издание Вавилонской хроники, исследователи в свое время полагали, что Адад-апла-иддина был арамейским узурпатором [24, p. 279; 11, p. 180–181]. Современная интерпретация соответствующего контекста выглядит иначе: «The Arameans and a usurper rebelled against Adad-apla-iddina, descendant of Itti-Marduk-balāṭu, and [prof]aned the holy cities, as many as there were in the country. They destroyed Dēr, Nippur, Si[ppar], and Dūr-Kurigalzu. The Suteans took the offensive and carried the booty of Sumer and Akkad into their country. He made frequent [visit]s to the temples of Marduk and [appeased] his heart. He totally restored [his] cult» [28, p. 285]. Таким образом, Адад-апла-иддина не был ни арамеем, ни узурпатором [12, p. 409–410]; он вел строительные и восстановительные работы в Вавилоне, Ниппуре, Исине, Кише, Уре [23]. Все это опровергает предположение Ламберта о том, что в Вавилоне при вступлении на престол Адад-апла-иддины разразилась гражданская война, якобы нашедшая отражение в ЭЭ.

12. *Сиппара, вечного города...* — Этот же эпитет употребляется по отношению к Сиппару в ЭЭ (таблица IV, строка 50).

судьи богов — Подразумевается Шамаш, бог справедливости, главное божество Сиппара.

ритуалы... нарушили — Более поздний пример воспрепятствования со стороны арамеев проведению ритуалов относится ко времени правления в Вавилоне Набу-мукин-апли (978–943 гг. до н.э.), когда арамеи, обитавшие в районе Вавилона и Борсиппы, захватили переправу через Евфрат близ Кар-бел-матати и сделали невозможным исполнение важнейшего вавилонского ритуала — путешествия статуй богов Набу и Мардука во время празднования Нового года [24, p. 279]. Однако именно XI в. характеризуется наибольшими потрясениями: неурожаями, голодом, вспышками эпидемий, регулярными набегами кочевников на города Вавилонии и Ассирии [29, p. 161; 12, p. 411].

14. *субареи (хурриты)* — группа племен, обитавшая на Армянском нагорье и в Верхней Месопотамии в III-II тыс. до н.э. [16, с. 445]. В I тыс. до н.э. в Вавилонии под «Субареей» имели в виду Ассирию; в данном контексте под «субареями» подразумеваются именно ассирийцы [24, р. 152; 12, р. 410].

17. *утулу* — имя или ипостась бога-героя Нинурты [30, р. 300].

Итак, фрагмент текста, посвященный истории трона, сооруженного Навуходоносором I, немаловажен для уточнения датировки ЭЭ. Здесь описываются события, происходившие за 20–40 лет до составления текста, во время правления Адад-аплаиддины. Общие идеи и детали сближают фрагмент надписи, касающийся арамеев и сутиев, с описанием разрушений в ЭЭ:

ЭЭ (таблица, строка)	Надпись Симбар-Шипака (строка)
IV.24–30 Он (Эрра) скомандовал его отряду грабить (Вавилон) как врага. (Разрушению и разграблению городов Южной Месопотамии — Вавилона, Сиппара, Урука, Дур-Куригальзу = Даксы, Дера — посвящена вся Таблица IV).	10–13 Чужеземцы страну Шумера и Аккада (т.е. Южную Месопотамию) разграбили.
IV.50–51 Что до Сиппара, вечного города <...> (то) без дозволения Шамаша сокрушил ты его стену, снес ее зубцы.	12 Ритуалы Сиппара, вечного города, обители судьи богов, нарушили.
IV.14 Святилище Вавилона, как мародеры страны, спалили.	13 Разрушили все храмы.
IV.63 Жители Даксы по (храму) Эугаль, что был разрушен, плач не унимали.	
V.36 Вершины храмов, что я (Эрра) разрушил, как солнца восход, пусть высятся!	

Анализ царских надписей XII–XI вв. как важного источника, могущего быть синхронным ЭЭ (следуя датировке У.Ламберта), показывает, что фрагмент надписи вавилонского царя Симбар-Шипака очень близок к ряду пассажей ЭЭ как по содержанию, так и по фразеологии. Этот фрагмент царской надписи, сообщающий о разрушительных набегах сутиев, отсылает читателя ко времени правления Адад-аплаиддины (1068–1047 гг. до н.э.), что подтверждает гипотезу Ламберта относительно датировки событий, художественным откликом на которые и стала поэма о боге чумы Эрре.

Литература

1. Cagni L. The poem of Erra. Malibu: Undena Publications, 1977. 61 p.
2. Hruška B. Zur letzten Bearbeitung des Erraepos // Archiv orientální: journal of the Czechoslovak Oriental Institute. Praha: Orientální ústav, 1974. Vol. 42. P. 354–365.
3. Lambert W. G. The Gula Hymn of Bulluṣṣa-rabi // Orientalia. Nova Series. Roma: 1967. Vol. 36. P. 105–132.
4. Lambert W. G. A catalogue of texts and authors // Journal of cuneiform studies. Boston: The American schools of oriental research (ASOR), 1962. Vol. 16, N 3. P. 59–77.
5. Lambert W. G. Das Era-Epos by F. Gössmann (Rezension) // Archiv für Orientforschung. Bd. 18. Wien: Universität Wien, Institut für Orientalistik, 1957–1958. S. 395–401.

6. *Оптенхейм А. Л.* Древняя Месопотамия (Портрет погибшей цивилизации) / пер. с англ. М. Н. Ботвинника; отв. ред.: М. А. Дандамаев, И. С. Ключков. М.: Наука, 1980. 407 с.
7. *Wiggermann F. A. M.* Nergal // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 9. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1998. S. 215–226.
8. *George A. R.* The poem of Erra and Ishum: A Babylonian Poet's View of War // *H. Kennedy (ed.)*. Warfare and Poetry in the Middle East. New York: I. B. Tauris, 2013. P. 39–71.
9. *Gössmann F.* Das Era-Epos. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1956. XII+102 p.
10. *Röllig W.* Hihi // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1972–1975. Bd. 4. S. 402.
11. *Grayson A. K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. New York: J. J. Augustin, 1975; repr.: Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2000. 302 p.+XXVI.
12. *Lipiński E.* The Aramaeans: their ancient history, culture, religion. Leuven: Peeters, 2000. 701 p.
13. *Annus A.* The Standard Babylonian Epic of Anzu. Introduction, Cuneiform Text, Transliteration, Score, Glossary, Indices and Sign List. Helsinki: Neo-Assyrian Text Corpus Project, 2001. LXI + 61 p.
14. *George A. R.* The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, critical edition and cuneiform texts. Vols 1–2. Oxford: Oxford University Press, 2003. 986 p.
15. The Assyrian Dictionary. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1977. Vol. 10: M/1. XXIV+441 p.
16. «Я открою тебе сокровенное слово»: Литература Вавилонии и Ассирии / сост. В. К. Афанасьевой и И. М. Дьяконова. М.: Художественная литература, 1981. 351 с.
17. *Cagni L.* Das Erra-Epos. Keilschrifttext. *Studia Pohl* 5. Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1970. XIII+76 p.
18. *Edzard D. O.* Irra (Erra)-Epos // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 5. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1976–1980. S. 166–170.
19. *Soden W. v.* Etemenanki vor Asarhaddon nach der Erzählung vom Turnbau zu Babel und dem Erra-Mythos // *Ugarit-Forschungen*. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas. Münster: Butzon & Bercker Kevelaer, 1971. Bd. 3. S. 253–263.
20. *Oates J.* Babylon. London: Thames and Hudson, 1979. 216 p.
21. *George A. R.* Babylonian Topographical Texts. Leuven: Peeters, 1992. 504 p.
22. *Brinkman J. A.* Nebukadnezar I // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Bd. 9. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1998. S. 192–194.
23. *Frame G.* Rulers of Babylonia from the Second Dynasty of Isin to the end of Assyrian domination (1157–612 B. C.) (The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Babylonian Periods, Vol. 2). Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1995.
24. *Brinkman J. A.* A political history of Post-Kassite Babylonia: 1158–722 B. C. (*Analecta Orientalia* 43). Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1968. XVI+432 p.
25. *George A. R.* House Most High: the temples of Ancient Mesopotamia. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 1993. 209 p.
26. *Postgate J. N.* Nomads and sedentaries in the Middle Assyrian Sources // *Postgate J. N.* The Land of Assur & The Yoke of Assur. Studies on Assyria, 1971–2005. Oxford: Oxbow Books, 2007. P. 61–70.
27. *Дьяконов И. М.* Праотец Адам // *Восток*. М.: Наука, 1992. № 1. С. 51–58.
28. *Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004. 365 p.
29. *Neumann J., Parpola S.* Climatic change and the eleventh-tenth-century eclipse of Assyria and Babylonia // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 46, N 3. Chicago, 1987. P. 161–182.
30. *George A. R., Finkel I. L.* (eds.). Wisdom, gods and literature: studies in Assyriology in honour of W. G. Lambert. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2000. VIII + 462 p.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Вавилина Дарья Андреевна — магистр востоковедения, африканистики; wawilina@gmail.com

Vavilina Daria A. — Master of Asian and African Studies; wawilina@gmail.com

А. В. Ляхович

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НИГЕРИИ (1952–1991)¹

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Статья посвящена одной из ведущих литературных традиций африканского континента — литературе Нигерии. Автор прослеживает важнейшие этапы развития англоязычной литературы Нигерии с момента ее зарождения на примере творчества таких писателей, как А. Тутуола, К. Эквенси, Ч. Ачебе, В. Шойинка, Г. Окара, К. Окигбо (первое поколение), Ф. Ософисан, З. Софола, Б. Шованде (второе поколение), И. Нвойе (третье поколение). Экспериментальные работы, опубликованные в 1991 г. Б. Окри и Б. Банделе-Томасом, порывают с тенденцией реализма, доминировавшей до тех пор в англоязычной литературе Нигерии. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: англоязычная литература, Нигерия, художественная литература.

SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE ENGLISH-LANGUAGE LITERATURE IN NIGERIA (1952–1991)

A. V. Lyakhovich

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article discusses one of the leading literary traditions in Africa — Nigerian fiction. The author reveals main stages in the development of the English-language literature since its emergence by the example of creative work by the following writers: A. Tutuola, C. Ekwenci, Ch. Achebe, W. Shoyinka, G. Okara, Ch. Okigbo — the first generation of writers; F. Osofisan, Z. Sofola, B. Showande — the second generation; I. Nwoye — the third generation of writers. In their experimental works of 1991 B. Okri and B. Bandele-Thomas symptomatically break with the Realism tradition that was predominant in the English-language literature of Nigeria. Refs 18.

Keywords: English-language literature, Nigeria, modern fiction.

Современная нигерийская литература представлена двумя основными направлениями — англоязычная литература и литература на хауса.

Англоязычная литература Нигерии по сравнению с литературой на хауса достигла значительных успехов. Многие писатели и драматурги Нигерии широко известны не только в других африканских странах, но и за пределами континента. Так, Чинуа Ачебе, несколько раз выдвигавшийся на Нобелевскую премию, в июне 2007 г. стал лауреатом литературной премии «Международный Букер». Всемирное признание получил Бен Окри, удостоенный премии Букера за книгу «Голодная дорога» (1991).

Литература на английском языке зародилась в Нигерии в то время, когда страна еще имела статус колонии. Одной из важнейших предпосылок стало развитие публицистики: «В конце 1920-х — начале 1930-х годов века в кругах интеллигенции возрос интерес к литературному творчеству. Опыт, накопленный к тому времени журналистикой, публицистикой в широком значении этого слова, повлек за собой

¹ Исследование выполнено по проекту «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурно-морфо-синтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира» (шифр ИАС 2.38.524.2013, руководитель А. Ю. Желтов).

большой интерес к освоению литературных форм, к собственно художественному творчеству» [1, с. 21].

В 1940-е годы появляется так называемая ярмарочная литература, рассчитанная на массового читателя. Это в первую очередь развлекательные и назидательные произведения, обнаруживающие сильное влияние местного фольклора, элементов зарубежной массовой культуры, например сюжетов западных фильмов, комиксов. «Ярмарочная литература Нигерии создается ремесленниками, заинтересованными прежде всего в заработке и вовсе не стремящимися к известности» [1, с. 29].

Как отмечают исследователи нигерийской литературы, важной вехой в ее развитии стало творчество Амоса Тутуолы и прежде всего публикация его первого произведения «Любитель пальмового вина» в 1952 г.² Тутуола — «типичный ярмарочный автор» [1, с. 31], однако его заслуга состоит в том, что он воссоздал фольклорные мотивы в более современной литературной форме [2, с. 177–178].

Вслед за Тутуолой появляется ряд писателей, произведения которых стали значительным вкладом в литературу Нигерии и заложили основы для творчества последующих поколений писателей. Сиприан Эквензи, Чинуа Ачебе, Воле Шойинка по праву считаются классиками нигерийской литературы.

Сиприан Эквензи является родоначальником нигерийского романа. Многие его рассказы и повести — это произведения ярмарочной литературы. В них присутствуют сюжеты и элементы африканского фольклора, а также популярной литературы Англии и Америки. Первый роман Эквензи «Люди города» (1954) знаменует отход писателя от развлекательной тематики и обращение к социальным проблемам. Тема городской жизни становится центральной в творчестве Эквензи. В его романах переплетаются непростые судьбы обычных людей, живущих в городе. Писатель показывает хищническую природу города, острую конкуренцию в торговле, напряженную политическую борьбу, идеализирует сельскую жизнь, где еще сохраняются простые и гармоничные отношения. В «Людах города» намечается стремление писателя к реализму. Однако, как пишет В. Н. Вавилов, «в его произведениях реалистическая тенденция пробивается через натурализм и очерковую описательность» [1, с. 138].

Особое значение для развития нигерийской литературы имело творчество Чинуа Ачебе. В романах писателя наряду с просветительскими идеями присутствует острая социально-политическая критика. Ачебе затрагивает тему колонизации в контексте истории африканских народов. В первом романе «И пришло разрушение» (1958) писатель изображает жизнь в одной из деревень до и после прихода англичан. Разрушение традиционных институтов, представлений и обычаев, сломленные судьбы людей, смена ценностей — все это фигурирует и в более поздних романах Ачебе. В следующем произведении «Покоя больше нет» (1962) писатель показывает трагическую судьбу человека, ставшего одним из представителей нигерийской интеллигенции. Герой произведения — «лишний человек», который не принадлежит своей деревенской общине, семье, которые придерживаются уже устаревших ценностей и традиций. Но он также не может войти и в «современную» городскую среду, измененную под влиянием европейской культуры. Герою «нечего противопоставить ни соблазнам капиталистического города, ни суевериям родителей, и он гибнет почти без сопротивления — жертва, а не боец» [2, с. 198].

² См., напр.: [1–4].

О проблемах молодой интеллигенции пишут многие писатели этого времени, например, Онуора Нзекву, Томас Алуко. Этой теме посвящен и роман Воле Шойинки «Интерпретаторы» (1965). Герои этих писателей — молодые, образованные, мыслящие люди: «Все они рвутся к деятельности, творчески активной жизни, но бессильны проявить себя, осуществить свои замыслы. На каждом шагу перед ними встают препятствия, которые воздвигаются миром пошлости, продажности и политических интриг» [2, с. 223].

Писатели первого поколения Нигерии в своих произведениях показали те события общественно-политической жизни, которым они были свидетелями: колониальную Нигерию, воодушевление первых лет независимости и смутное предчувствие политического кризиса, вылившегося в гражданскую войну 1967–1970 гг. В первую очередь в их творчестве обращает на себя внимание реалистическая тенденция, однако их произведения часто перегружены различными этнографическими и бытовыми описаниями. Тенденция к бытописательству объяснялась тем, что многие писатели, публиковавшие свои сочинения в Англии, переделывали тексты согласно требованиям редакторов. Первые литературные опыты африканцев привлекали западного читателя в основном своей экзотичностью.

Другая причина заключалась в том, что первые нигерийские писатели считали своей важнейшей задачей показать культуру африканских народов. По мнению Чинуа Ачебе, писатель «должен показать, что африканские народы не от европейцев впервые узнали, что такое культура; что африканские государства в прошлом вовсе не были отсталыми, что и у них существовала глубокая философия и свои представления о ценностях и красоте, что у них была своя поэзия и чувство собственного достоинства, которое многие африканцы утратили в период колониального господства и которое теперь они вновь должны обрести... Долг писателя — помочь людям вновь обрести утраченное, объяснив им, что с ними произошло и чего они лишились» [5, с. 54]. Именно поэтому так важно для писателя правдиво воссоздать прошлое своей страны и уже на этом фундаменте выстраивать картину современности.

Человеческие ценности — еще одна важная категория, по-разному осмыслявшаяся первыми нигерийскими писателями. Нкема Нванкво и Киприан Эквенси несколько идеализированно изображают в своих произведениях традиционный уклад сельской жизни, противопоставляя его порочному городу. Ачебе описывает борьбу между «старым» и «новым», умирание старого мира и рождение нового.

Новые настроения в нигерийской литературе возникли приблизительно в середине 1960-х годов. Тема приближающейся катастрофы звучит в поэзии Габриэля Окара и в его повести «Голос» (1964): произведение «можно трактовать как развернутую метафору. Автор не сообщает названия страны, в которой происходят события, иносказательно изображая время политической смуты после провозглашения Нигерией независимости. В романе автор отобразил умонастроения интеллигенции своей страны после ухода колонизаторов» [6, с. 537]. Здесь также затронута тема «судьбы человека в тоталитарном государстве. Экспериментальное обращение автора с английским языком, заключающееся в сознательном нарушении синтаксиса, порядка слов и использовании повторов, характерных для устной повествовательной традиции, объясняется стремлением передать внутреннее состояние героя, испытывающего тяжелые душевные потрясения» [6, с. 539].

Творчество другого нигерийского поэта — Кристофера Окигбо претерпевает в это время эволюцию. По сравнению со многими поэтами и писателями Нигерии Окигбо был наблюдателем, но в середине 1960-х обратился к актуальным проблемам своей страны. Его последний цикл стихов «Тропой грома» (1967) существенно отличается от ранних стихотворений: «...основной образ... это гром, гремящий над страной и символизирующий приближение катастрофы, которая вот-вот разразится с ужасающей силой» [7, с. 290]. Кристофер Окигбо погиб во время войны в Биафре.

Многие писатели Нигерии во время гражданской войны принимали активное участие в политической жизни страны. Уже упоминавшийся Воле Шойинка — известный нигерийский писатель, драматург и поэт был арестован и с 1967 по 1969 г. находился в заключении. Этот этап его жизни нашел отражение в цикле стихов «Стихи из застенка» (1969) и книге-дневнике «Человек умер» (1972). «Человек умер», по словам рецензента «Нейшн» Ч. Р. Ларсона, — «самое значительное произведение, написанное о Биафрской войне... “Человек умер” — не столько рассказ о временной смерти Воле Шойинки в период гражданской войны в Нигерии, сколько персонафицированное свидетельство об умопомрачении нигерийского общества, документально подтвержденное одним из ее выдающихся мыслителей» [8].

После гражданской войны в нигерийской литературе появляются новые имена, большая часть которых принадлежит драматургам: Калу Окпи, Феми Ософисан, Бодде Шованде, Олу Обафеме, Тунде Фатунде, Коле Омотосо, Ола Ротими, Зулу Софола, Вале Огунйенми, Нийи Осундаре, Одийа Офеймум, Феми Фатоба.

Писатели второго поколения в англоязычной литературе Нигерии активно развивают в своем творчестве элементы массовой словесной культуры. Например, романы Калу Окпи «Контрабандисты» (1977) и «Перекрестный огонь» (1982) написаны в жанре детектива, а «Дело Южной Африки» (1982) и «В пути» (1980) обнаруживают влияние приключенческих рассказов о Джеймсе Бонде: агент в одиночку спасает государство, часто его спутницей и помощницей становится женщина [9, р. 46]. Это, по сути, развлекательная литература с элементами социальной критики.

Значительное развитие в это время получило драматическое искусство. Театр в Нигерии традиционно подвержен влиянию народной культуры: в пьесах используются фольклорные элементы и сюжеты; ярко выражена тенденция к назидательности.

В драматическом искусстве заметной фигурой стал Феми Ософисан. В конце 1970-х он написал пьесу под названием «Жили-были четыре разбойника», ее премьера состоялась в 1979 г. в Ибаданском университете. Это история о банде воров и разбойников. Автор изображает жестокие нападения на людей, равнодушие властей, общество, в котором человеческая жизнь ничего не стоит. Солдатам удается поймать предводителя банды, его казнят. Оставшиеся в живых бандиты «направляют свой гнев на общество, чье безразличие и бесчисленные проявления социальной несправедливости лишают людей возможности вести осмысленную жизнь» [10, р. 42]. Ософисан изображает преступников запутавшимися людьми, жертвами общества. Когда один из разбойников, Хасан, попадает в тюрьму, его казнь поручают осуществить сержанту Ахмеду. Ирония автора состоит в том, что Ахмед, которого общество наделило правом вершить справедливость, в итоге сам оказался вором — он присвоил себе награбленное.

Ософисан исследует в пьесе вопрос о причинах насилия. В первую очередь, по его мнению, это само общество, которое вовлекает себя в хаос, поскольку избегает диалога. Вторая причина в том, что общество не хочет признать: осуществление справедливости и правосудия — это право людей, но не привилегированного меньшинства. В-третьих, появление насилия доказывает, что диалог — это единственный разумный способ справиться с проблемами в нигерийском обществе [10, р. 43–44].

Замысел писателя состоит также в том, чтобы в конце представления дать аудитории возможность обсудить рассмотренные в пьесе проблемы и высказать свое мнение. Зрителям предлагается решить, кто же прав: разбойники или военные [10, р. 44].

Пьеса «Жили-были четыре разбойника» — характерное явление для литературы послевоенных лет. В начале 70-х годов положение в стране усугубили военная диктатура, политическая и экономическая нестабильность, беспорядки и жестокие вооруженные нападения. После окончания гражданской войны в 1970 г. и демобилизации вооруженных сил резко выросло количество безработных, имевших легкий доступ к оружию. Сильное различие в уровне жизни между обычными людьми и привилегированным меньшинством усиливало недовольство, которое в конце концов вылилось в вооруженный бандитизм.

О коррумпированности, жестокости, несправедливости и других пороках нигерийского общества продолжают писать в 70-е годы и другие писатели. Их произведения во многом основаны на фольклорной традиции, но в то же время в них явно видны черты реализма. Феми Ософисан считает реализм основой своего творчества: «Я отчаянно хочу приблизиться к зрителю, к каждому, кого я заманил во мрак полусвета, чтобы пронзить очень глубоко, как нож в ребра. Я хочу добиться того, чтобы зритель чувствовал себя счастливым и в то же время ему было неловко. Я хочу, чтобы он открылся полностью, оживить его, запачкать его низостью, дать почувствовать смердящий жар нашей истории. Я хочу, чтобы он очистился в этой голой правде, и затем я отпущу его, но уже другим человеком. Я верю, что если мы будем часто и достаточно глубоко ранить себя реальностью... если мы откажемся перевязывать раны в чувствительных местах, уберегая их от страданий, которые причиняет правда, я думаю, что тогда мы откроем для себя новое и позитивное осознание» [10, р. 20].

Второе поколение нигерийских писателей развивает социально-критическое направление в литературе. Однако в отличие от своих предшественников они рассказывают о социально-политических проблемах своего времени: о преступности, о социальном неравенстве, несправедливости, насилии. Некоторые драматурги, например, Боде Шованде, придерживаются довольно радикальных взглядов на решение социально-политических проблем. В его пьесах отчетливо выражено «настрое-ние восстания и разочарованности» [11, р. 124].

Большой интерес представляет творчество Зулу Софола. В своих пьесах писательница затрагивает вопрос о месте женщины в обществе. Признавая, что женщина должна обладать определенными правами, Софола, однако, отвергает феминистическую трактовку понятия социального равенства. Женщина может стремиться к высокому положению в обществе и стараться реализовать свои амбиции, но не должна забывать о том, что составляет ее сущность. Она должна стремиться осуществить свои мечты и в то же время быть опорой мужа, помогать ему строить лучшее

общество. Мужчина же должен поддерживать свою жену в ее планах и устремлениях, но не повелевать ею [12]. Творчество женщин-писательниц — отдельное направление в современной литературе Нигерии³. Их произведения повествуют о судьбе современной африканской женщины, ее проблемах и стремлении к самореализации. Эти книги «имеют черты просветительской литературы, где героини борются против социальной несправедливости, выступая за новые отношения в обществе» [13, с. 574].

Примерно с 1981 г. в Нигерии начался экономический спад, последовавший за нефтяным бумом. Политическая ситуация осложнилась тем, что в 1983 и 1985 гг. произошли очередные военные перевороты. Экономический кризис, политическая нестабильность, неспособность правительства изменить ситуацию усугубляют волнения и недовольство в стране. В это время на севере усиливаются массовые беспорядки, в 1981 г. проходит забастовка учителей, в 1986 г. студенческие демонстрации перед Университетом Ахмаду Белло и Политехническим университетом Кадуны приводят к вооруженным столкновениям и многочисленным жертвам. Во время правления Бухари (с 1983 г.) начинаются преследования журналистов, проводятся аресты тех, кто критикует правительство (например, был арестован популярный музыкант Фела Рансоне-Кути) [13].

Творчество третьего поколения писателей начинается с середины 1980-х. Предметом их исследований также становятся различные явления социально-политической жизни. Однако во многом они отходят от критического подхода. Дибийа Хамфри, Ифеома Нвойе и многие другие писатели считают себя в первую очередь обозревателями. Новый подход к литературному творчеству Нвойе формулирует следующим образом: «Я сама многое видела в отношениях между людьми и социальной жизни Нигерии и чувствовала потребность документировать поведение людей, их особенности и их желания, пусть даже это и покажется кому-то вымыслом. И все, что я делаю, — это правдиво изображаю общество, чтобы развлечь и дать знание» [13, р. 56]. В предисловии к своему произведению «Течение жизни» Нвойе говорит: «Мы существуем в хаосе общества, которое связано лицемерием, непостоянством и общим беспорядком... Я не стремлюсь к тому, чтобы осуждать, чтобы критиковать, я хочу лишь понять и затем призвать. Ведь, в конце концов, мы люди» [13, р. 57]. Типично для писателей этого времени мрачное восприятие мира, пессимизм во взглядах на природу и будущее общества и человека, который иногда приводит к появлению настроения смирения, покорности, усталости.

В 1991 г. в свет выходят три произведения, кардинально отличающиеся от всего созданного нигерийскими писателями ранее, — «Голодная дорога» Бена Окри, «Человек, который пришел с того света» и «Сочувствующий могильщик и другие сны» Бийи Банделе-Томаса. Эти писатели первыми порывают с тенденцией реализма, доминировавшей до тех пор в англоязычной литературе Нигерии, и поднимают на новый художественный уровень достижения своих предшественников⁴. А. Нивен описывает новаторство поколения писателей в лице Бена Окри таким образом: «Всегда в произведениях Ачебе, Нгуги, Арма, Шойинка и Оусмане присутствует суждение, что будущее развитие Африки должно быть связано с политической деятельностью, которая выражается в лучшем руководстве, на что уповает Ачебе, или же она заклю-

³ См. подробнее по этой теме, например: [13].

⁴ Подробнее о творчестве Б. Окри и Б. Банделе-Томаса см.: [14].

чена в силе народных выступлений, о чем пишут Нгунги и Оусмане. Окри не верит в возможности политического разрешения проблем Африки. Он переносит проблемы Африки в сферу саморефлексии» [15, p. 281].

В романах Бена Окри обнаруживается значительное количество художественных принципов постмодернизма. Являясь одним из самых ярких писателей-экспериментаторов в англоязычной литературе Нигерии, Бен Окри создает необычную форму восприятия жизни. Он пытается передать африканскую эстетику, которая «не является чем-то, что связано только с местом»: «...Это определенный взгляд на мир... Это эстетика возможностей, лабиринтов, загадок — мы [африканцы] любим загадки — парадоксов. Я думаю, мы теряем это, когда очень стараемся вписать все в национальные и племенные рамки» [16, p. 31].

Бийи Банделе-Томас, как и Бен Окри, экспериментатор: в своих романах он пытается переосмыслить традиции реалистического романа и также часто обращается к художественной эстетике постмодернизма. На творчество писателя повлияли произведения Гертруды Стайн, Клода Симона, Джеймса Джойса, Габриэля Гарсии Маркеса и Вирджинии Вулф [17, p. 10].

Подобно многим своим предшественникам, Банделе-Томас затрагивает в своих произведениях социально-политические проблемы, возникшие в Нигерии после обретения страной независимости. «Несостоятельность политических деятелей, трижды безуспешно пытавшихся установить демократический режим в Нигерии, и злоупотребление доверием общества со стороны оппозиции в лице военных создают идейную основу романов Бийи Банделе-Томаса» [18, p. 339].

Писатель изображает цинизм молодого поколения нигерийцев. Вся массовая культура Нигерии предстает в романах в виде причудливого сочетания пороков с китчевым эклектизмом: это американские фильмы, кунг фу, индийское кино с любовными историями, СПИД, наркотики, оружие.

Рассматривая творчество Бийи Банделе-Томаса, исследователи выделяют важную особенность его художественного стиля, которая свойственна и другим африканским писателям-постмодернистам. По мнению Айо Кехинде, Банделе-Томас как будто стремится опровергнуть широко распространенное убеждение, что «постмодернизм и убеждения несовместимы» [17, p. 10].

Литература

1. Вавилов В. Н. Проза Нигерии. М.: Наука, 1973. 160 с.
2. Ивашева В. В. Литература стран Западной Африки. Проза. М.: Высшая школа, 1967. 256 с.
3. Griswold W. Bearing Witness. Readers, Writers, and the Novel in Nigeria. Princeton University Press, 2000. 376 p.
4. Nkosi L. African Literature. P. II: English Speaking West Africa. "Africa report", 1962.
5. Чинуа Ачебе. Роль писателя в новой нации // Литература стран Африки / пер. с англ. С. С. Сергеевой. М., 1966. С. 53–60.
6. Коптелова А. В. Развитие романа в литературе Нигерии // История романских форм в литературах Африки. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 531–562.
7. Вавилов В. Н. Литература Нигерии. Литература на английском языке // Современные литературы Африки. Северная и Западная Африка. М., 1973.
8. Воле Шойинка. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/a/a1/1009489.htm> (дата обращения: 13.08.2013).
9. Quinn M. L., Schleh E. P. A. Popular crime in Africa: The Macmillan education program // Schleh E. (ed.). Mysteries of Africa. Popular Press, 1991. P. 39–49.

10. *Banham M., Gibbs J., Osofisan F.* African Theatre: Playwrights and Politics. Oxford: James Currey Publishers, 2001. xxi + 291 p.
11. *Kerr D.* African Popular Theatre: From Pre-colonial Times to the Present Day. James Currey Publishers, 1995. 278 p.
12. *Inegbe S.* Drama and theatre in Nigeria after Soyinka: trend, focus and development // *Africa e Mediterraneo*. N 4/03 (46). URL: www.africaemediterraneo.it/articoli/art_enegbe_4_03.doc (дата обращения: 13.08.2013).
13. *Ильина Н. Ю.* «Женская» проза Нигерии // *История романых форм в литературах Африки*. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 572–587.
14. *Ляхович А. В.* Постмодернизм в литературах стран Африки // *Постмодернизм в литературах Азии и Африки*. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. С. 51–71.
15. *Niven A.* Achebe and Okri: Contrasts in the Response to Civil War // *Short Fiction in the New Literatures in English*. Nice, 1989. P. 277–285.
16. *Hawley J. C.* Ben Okri's Spirit-Child: Abiku Migration and Post-Modernity" // *Research in African Literatures*. Vol. 26, N 1. 1995. P. 30–39.
17. *Kehinde A.* A Parable of the African Condition: The Interface of Postmodernism and Postcolonialism in Biyi Bandele-Thomas's Fiction // *Revista de Estudios Ingleses*. N 16. 2003. P. 6–37.
18. *Kehinde A.* Post-independence Nigerian literature and the quest for true political leadership for the nation // *Journal of Sustainable Development in Africa*. Vol. 10, N 2. 2008. P. 333–360.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Ляхович Анастасия Викторовна — кандидат философских наук, доцент;
anastasia_07007@mail.ru

Lyakhovich Anastasia V. — PhD, Associate Professor; anastasia_07007@mail.ru

Л. Ю. Хронопуло

СХВЕРХКОРОТКИЕ РАССКАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ЯПОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АКАГАВА ДЗИРО И АТОДА ТАКАСИ¹

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье рассматривается игра слов как один из центральных приемов в сверхкоротких рассказах *сё:то сё:то* (от англ. short short) двух современных японских писателей. На примере ряда рассказов выделяются наиболее характерные виды словесной игры (игра с разными видами омонимов; игра с иероглифами; игра с заимствованными словами и неологизмами; игра с использованием эллипсиса). В сюжетном отношении рассказы подразделяются на две группы: детективы с трагическим исходом, спровоцированным неверной интерпретацией сказанного или написанного (Акагава Дзиро), и психологическая юмористическая проза (Атода Такаси). Библиогр. 25 назв.

Ключевые слова: Акагава Дзиро, Атода Такаси, игра слов, сверхкороткий рассказ, *сё:то сё:то*.

SHORT SHORT STORIES IN THE CREATIVE ACTIVITY OF CONTEMPORARY JAPANESE WRITERS AKAGAWA JIRŌ AND ATŌDA TAKASHI

L. Yu. Khronopulo

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This paper explores the extra-short Japanese story, which has a special name, “*shōto shōto*” (from English “short short”), with regard to different types of wordplay as its major artistic device, which originated in several minor genre forms in Ancient and Medieval Japanese literature. Basing on works of two the most popular “short short story” Japanese writers — Akagawa Jirō and Atōda Takashi — I analyze wordplay as one of the main characteristic features of the extra-short story in the Japanese literature of the last three decades. I examine how wordplay in contemporary Japanese extra-short stories is building the plot: it may be a play of consonances, various kinds of homonyms (homophones especially), similar hieroglyphic characters, loanwords, etc. The wrong interpretation of something said, seen or written, often against the background of expected punishment for the evil done, making the basis of some short stories by Akagawa, always has a psychological root cause: the man sees and hears only what he or she wants and, vice versa what he or she is frantically afraid of seeing and hearing, often paying for the lack of attention with his own destroyed destiny. Like with Akagawa a number of Atōda's stories are built on wordplay, on the wrong interpretation of something heard, said or written, which, as distinguished from analogous stories by Akagawa, more often brings the hero to a comical rather than a tragic ending; these stories give a very convincing portrait of the characters and their psychology. Refs 25.

Keywords: Akagawa Jirō, Atōda Takashi, wordplay, extra-short story, *shōto shōto*.

Короткие прозаические и поэтические формы являются традиционными в японской художественной культуре, поэтому в контексте японской литературы можно выделить несколько оригинальных малых жанровых форм, известных не только в Японии, но и во всем мире. В средние века одной из наиболее популярных стихотворных форм в Японии была *танка* (букв. «короткая песня») — нерифмованное пятистишие, состоящее из тридцати одного слога. Форма *танка* определила

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Лингвистическая эволюция в контексте развития информационно-коммуникационных технологий» (пожертвования компании JTI, шифр проекта в ИАС: 2.54.1215.2014).

особенности поэтики: лаконичность выражения, строгие каноны, по которым использовались метафоры и иносказания, а также появление специфической черты японской поэзии — подтекста, основанного на образных ассоциациях и игре словами [1, с. 237–277]. Эти особенности стали традиционными не только для стихотворных форм, но и для всей японской культуры.

Другим коротким поэтическим жанром японской литературы стало трехстишие *хайку*, которое сформировалось на основе *танка*. *Танка* и *хайку* обычно выражают мимолетное настроение, полное недосказанности, отличаются поэтическим изяществом, зачастую — сложной ассоциативностью и словесной игрой, а также множеством канонов, согласно которым они строились. Примерами прозаических жанров малой формы выступают жанр *дзуйхицу* (букв. «вслед за кистью»), представляющий собой собрание бессюжетных заметок обо всем интересном — увиденном, услышанном или просто пришедшем в голову, а также жанр *отогидзо:си* (букв. «заманательные рассказы», часто фантастического или юмористического содержания), источниками сюжетов для которых обычно становились фольклорные предания, буддийские истории, сказки и мифы.

Лаконичность как характерная черта традиционной японской культуры находит свое отражение в японской древней и средневековой литературе в виде разнообразия малых форм, преобладание которых связывают с дзэнским мировоззрением японцев. Японский теоретик дзэн Судзуки Дайсэцу (1870–1966) писал: «Дзэнский художник двумя-тремя словами или двумя-тремя ударами кисти способен высказать свои чувства. Если он выразит их слишком полно, не останется места для намека, а в намеке — вся тайна японского искусства» [2, с. 208].

Более поздние примеры малой прозаической формы в японской литературе можно отыскать в творчестве японского писателя Акутагавы Рюноскэ (1892–1927), непревзойденного мастера короткого рассказа, автора свыше полусотни новелл, миниатюр, носящих как сказочный, фантастический, так и религиозный и исторический характер, с частым обращением к образам мирового и японского фольклора. Среди особенностей авторского письма более позднего периода исследователи творчества Акутагавы выделяют ясность, краткость и отточенность фразы, полный отказ от внешней «красивости», лаконичность, даже скупость в обрисовке персонажей. Акутагаве Рюноскэ удается лаконичным языком создавать яркие образы, часто описывая героев и ситуации с юмором и иронией.

Известен также цикл из десяти коротких историй знаменитого японского писателя Нацумэ Сосэки (1867–1916) «Десять ночей грез». Каждый из рассказов — это философская новелла, фантастическое видение, сон, который, являясь чем-то большим, чем просто игра подсознания или воображения, позволяет герою заглянуть в прошлое, будущее или вглубь себя.

Несомненным образцом малой прозаической формы стали короткие рассказы Кавабаты Ясунари (1899–1972), вышедшие сборником под названием «Рассказы величиной с ладонь». Именно эти рассказы можно считать начальной точкой, рассматривая историю японского сверхкороткого рассказа с формальной стороны. Рассказы очень разнообразны и по тематике, и по стилю — одни носят автобиографический характер, другие тяготеют к жанру мистических историй, третьи близки к фольклору, четвертые напоминают исторические новеллы, пятые представляются бессюжетными зарисовками, вызывающими особое настроение и чувство у читателя.

Появление в японской литературе сверхкороткого рассказа — *сё:то сё:то* ознаменовало новый период развития японской микропрозы. Японские авторы начали писать такие рассказы в 1970–1980-е годы, а в 1987 г. на страницах журнала «Look Japan» возникла постоянная рубрика «short-short story» (букв. «сверхкороткий рассказ», «очень короткий рассказ»), которая окончательно ознаменовала тот факт, что в современной японской литературе родилось новое явление [3].

Следует заметить, что эта возрастающая популярность сверхкороткого рассказа в последнее время наблюдается не только в Японии, но и во всем мире. Это вызвано процессом миниатюризации прозаических жанров, который отмечается в современных литературах многих стран. В числе причин жанровой трансформации можно назвать влияние классической миниатюры и таких привлекательных для писателей ее свойств, как небольшой объем, лаконичность изобразительных средств при целостности и законченности выражения. Но можно выделить и иные причины увлечения минимализмом: это фоновое присутствие в литературном пространстве «электронной» прозы и поэзии как следствие глобального влияния интернет-литературы и «клипового» сознания современного автора, который сейчас более всего озабочен тем, как добиться краткости, броскости, эффектности сюжетных ходов и лексики, внешней экспрессии, игры в парадоксы.

Японские литературоведы связывают появление сверхкороткого рассказа со стремительным жизненным ритмом современной Японии, который и породил потребность в лаконичных произведениях с острым сюжетом, способных заинтересовать читателя и удержать его внимание хотя бы на небольшое время. Другие критики увидели в *сё:то сё:то* попытку писателей «разбудить» читателя и заставить его хоть на секунду задуматься над проблемами современного мира [4; 5].

Сё:то сё:то по форме представляет собой сверхкороткий рассказ, меньше обычного японского короткого рассказа *тампэн сё:сэцу*. Определенного представления, какого в точности размера должен быть прозаический текст, чтобы считаться сверхкоротким, не существует. Если в англоязычной традиции принято считать объем текста в словах и к сверхкороткому рассказу относить тексты объемом от 200 до 1500 слов, то в японской литературе нет единой точки зрения относительно объема произведения. Некоторые японские исследователи определяют размер таких рассказов от четырех до четырнадцати страниц, некоторые называют диапазон в восемьдесят страниц [6, с. 132]. Атода Такаси, который сам пишет такие рассказы, а также занимается отбором лучших рассказов на конкурсах *сё:то сё:то*, говорит, что они по размеру не должны превышать двадцати страниц (объем страницы — 400 знаков), хотя могут быть и объемом в одну страницу, и в десять строчек, и даже в пять [7, с. 217]. При этом вне зависимости от размера *сё:то сё:то* представляет собой законченное литературное произведение. Нередко оно является «рассказом» в буквальном смысле этого слова, поскольку главным действующим лицом становится сам рассказчик, чем создается иллюзия устного повествования.

В сюжетном отношении *сё:то сё:то* чаще всего относятся к жанрам научной фантастики, фэнтези или детектива, хотя в последнее время наблюдается расширение жанровых границ. Поскольку сверхкороткая проза отличается повышенной смысловой наполненностью и символичностью, нередко встречаются рассказы, которые несут в себе притчевое содержание; также большинство рассказов носит ироническую и сатирическую окраску — это сближает их с баснями.

Японский писатель Хоси Синъити (1926–1997) опубликовал более тысячи коротких рассказов, характеризующихся фантастическим сюжетом, неожиданным поворотом событий и непредсказуемой концовкой, — что, как указывал сам Хоси в послесловиях к сборникам рассказов писателей, чьи произведения победили в конкурсе *сё:то сё:то*, является неперенными условиями жанра сверхкороткой фантастической прозы [8]. По объему такие рассказы не превышают шести-семи страниц специальной бумаги для рукописей *гэнко: ё:си* (что составляет 2400–2800 иероглифических знаков) [9]. Любопытно отметить, что Хоси все же предпочитал придерживаться сверхмалого объема, чтобы рассказ имел формальное основание называться «сверхкоротким»; позднее, в работах таких известных мастеров, как Акагава Дзиро и Атода Такаси, намечается уже значительное «расползание», «размывание» границ рассказа, гораздо менее строгий подход к его объему. Что же касается молодых писателей, побеждающих в конкурсе *сё:то сё:то*, который проводится ежегодно начиная с 1979 г., то в их работах наблюдается тенденция к возвращению к старым нормам объема, провозглашенным Хоси. Это может быть связано с пониманием того, что объем, как отмечал Хоси, держит автора в строгих рамках, не позволяет отступать от канонов, заставляя автора мыслить иными категориями, чем при написании короткого рассказа *тампэн сё:эцу*.

Первое понятие *сё:то сё:то* было введено в обиход Цудзуки Митио (1929–2003), который познакомил японского читателя с рассказами американских писателей [10, с. 99]. Однако Хоси Синъити стал писать подобные сверхкороткие рассказы еще до появления самого понятия *сё:то сё:то* в Японии, а его *сё:то сё:то* имеют характерные особенности, совершенно отличные от западных образцов [11].

Вопрос об истоках зарождения рассказов *сё:то сё:то* в японской литературе остается до конца невыясненным. Примечателен тот факт, что французская форма «conte» (франц. «новелла», «сказка» или «рассказ»; чаще всего представляет собой остроумное прозаическое произведение сатирического характера), аналог *сё:то сё:то*, и американская форма *short short* зародились приблизительно в одно и то же время в разных странах, что говорит о созданных к этому времени предпосылках появления новой формы художественного освоения действительности [12, с. 99]. Опираясь на мнения японских литературных критиков, мы полагаем, что японские рассказы *сё:то сё:то* возникли на основе подражания французской форме «conte»; при этом развивались они по особому, характерному для японской традиционной культуры пути, а позже из американской литературы было заимствовано название для обозначения нового типа рассказов. Хоси Синъити, основатель этого направления в Японии, работал преимущественно в жанрах научной фантастики, детектива и фэнтези. Во многих его рассказах заметна склонность к поучению, что соотносимо с жанром басни; в других рассказах усматриваются сказочные мотивы, что соотносимо с традиционным японским жанром *отогидзо:си*. Простые и сверхкороткие рассказы Хоси Синъити, герои которых встречаются с инопланетянами, злыми духами, изобретают волшебные снадобья и механизмы, оказываются фантастическими лишь по форме: в действительности они обличают человеческие пороки — корысть, жадность, глупость, лень, лживость и т. п.

Акагава Дзиро и Атода Такаси вслед за Хоси Синъити продолжили писать рассказы *сё:то сё:то*, расширяя традиционную тематику. Их рассказы — о повседневной жизни, о жизненных ценностях. Акагава, за исключением редких случаев, не

вводит в рассказ ничего внешне фантастического, но наделяет своих героев воображением, которое и становится элементом фантастики. В рассказах же Атоды элемент мистики гораздо сильнее. Если в рассказах Хоси мы замечаем склонность к поучению, характерную для басен, то у Акагавы и у Атоды мы редко встречаем очевидные выводы. При этом и Акагава, и Атода используют приемы гротеска, умело соединяя в своих рассказах трагедию и комедию. Однако объединяет трех писателей то, что в коротких по размеру рассказах им обоим удается лаконичным языком создавать яркие образы, показывать человеческие пороки, поднимать проблемы современного мира. Следует отметить, что сказочные, фольклорные, а также фантастические мотивы гораздо чаще становятся источником сюжетов в коротких историях Хоси, чем у Акагавы и Атоды, которые предпочитают концентрироваться на современном обществе и современных людях.

Акагава Дзиро (р. 1948) известен в современной Японии своими повестями и рассказами в жанре детектива и приключений. Следует отметить, что в своих сборниках *сё:то сё:то* «Танцующий мужчина» [13], «Болтливая женщина» [14] и «Прогулка» [15] Акагава продолжил и расширил традиции сверхкороткого рассказа Хоси Синъити, но уже отошел далеко от жанра научной фантастики, избрав другие жанры для реализации той же формы *сё:то сё:то*, ее канонов и идей, воплощаемых Хоси. У Акагавы сверхкороткий рассказ получает и другую тематику: это уже не фантастика, мистика, чудеса, но — в значительной степени — анекдотично или трагикомично представленная жизнь горожан, короткие любовные истории, зарисовки из быта обычных людей: секретарш, служащих торговых фирм и т.п. В рассказах, героями которых становятся деловые женщины и бизнесмены, Акагава показывает жизнь современного служащего, с которым случаются разные истории, и истории эти зачастую носят детективный характер. Несмотря на то, что обычно ничего фантастического или мистического в рассказах не происходит, именно воображение, которым наделяет писатель своих героев, становится допущением, свойственным фантастической литературе. Прием «обмана читателя», характерный для коротких рассказов Хоси, присутствует и у Акагавы: читатель, как и герой, принимает игру воображения последнего за реальность и вплоть до самого конца рассказа склонен думать, что воображаемые героями события происходят на самом деле. «Обман» становится понятен благодаря неожиданной концовке, в которой обычно воплощается основная идея рассказа.

В 1986 г. вышел самый известный сборник коротких рассказов Акагавы — «Танцующий мужчина»; его рассказы не превышают четырех-шести страниц. Большинство рассказов этого сборника — детективные истории с элементами черного юмора, гротеска, иронии.

Сюжет многих рассказов сборника «Танцующий мужчина» построен на игре слов: такая игра на созвучиях, разных видах омонимов, особенно омофонах, похожих иероглифах и т.д. была особенно популярна в японских коротких стихотворных формах *танка* и *хайку*. Эта игра слов была призвана пробудить определенный ассоциативный ряд, игру воображения — что раздвигало границы стихотворения из семнадцати (*хайку*) или тридцати одного (*танка*) слога практически до бесконечности. В современных коротких рассказах, как и в коротких стихотворных формах, каноны написания которых идут из глубины веков, игра слов призвана дать более полную картину, с помощью всего лишь нескольких слов представить образ более

яркий и глубокий, чем это позволяет сделать сверхмалый объем. Несмотря на то что игра слов может встречаться также в коротких рассказах *тампэн сё:сэцу*, в них она присутствует только в качестве своеобразного художественного штриха, «украшения» текста, будь то остроумное высказывание героя или интересные созвучия слов, дополняющие картину; современные *тампэн сё:сэцу*, в которых, как в *сё:то сё:то*, игра слов становилась бы основным источником сюжетов, нам не встретились. На основании этого можно предположить, что использование игры слов как основного элемента для построения сюжета является характерной чертой только японского сверхкороткого рассказа *сё:то сё:то*.

Сё:то сё:то, сюжет которых основан на словесной игре, можно разделить на два типа. Первый тип представляют рассказы, в основе которых лежит основная идея творчества родоначальника *сё:то сё:то* Хоси Синъити: человек — сам себе враг, его действия неизбежно приводят к прижизненному воздаянию за содеянное зло, за корыстолюбивые действия и порочные помыслы. Именно эту идею «самонаказания» подхватил Акагава Дзиро, но, в отличие от Хоси, он реализовал ее не посредством встречи героя с чудесными созданиями или магическими предметами, а путем словесной игры.

Приведем пример игры с иероглификой. В рассказе «Двойное самоубийство» [16] начальник предлагает главному герою жениться на своей дочери, обещая ему помощь в карьере и финансовую поддержку. Мужчина решает использовать этот шанс выбиться в люди и, не зная, как сказать об этом своей нынешней возлюбленной, подговаривает девушку утопиться вдвоем, однако обманывает ее и сам выплывает. Но, терзаемый муками совести, он неправильно прочитывает иероглифы: он увидел в наклеенном на двери подъезда объявлении о том, что в доме хоронят кого-то из соседей, угрозу от покойницы, вернувшейся с того света, чтобы отомстить ему. Мужчина прочитал бином *синдзю*: («двойное самоубийство») вместо *китю*: («траур»): второй иероглиф в этих словах один и тот же (но по-разному читается в разных иероглифических сочетаниях), в то время как первый иероглиф в составе этих слов отличается только верхним элементом, который не разглядел главный герой, поскольку другое объявление, висевшее выше, отклеилось и закрыло верхнюю часть иероглифа *ки* в составе слова *китю*:, превратив его тем самым в иероглиф *син* в составе слова *синдзю*:. В шоке отступив от двери, мужчина оказывается на проезжей части, где его сбивает грузовик. Здесь очевидна аллюзия на рассказ Хоси «Обгон» [17]. Герой рассказа «Обгон», уже давно терзаемый муками совести из-за самоубийства бывшей возлюбленной, покончившей с собой после того, как он ее бросил, видит в едущей рядом машине ее призрак, который тянет к нему руки. Мужчина врежется в столб и погибает, так и не узнав, что «призрак» оказался просто манекеном. Таким образом, как и в рассказе Хоси «Обгон», ситуация в «Двойном самоубийстве», в действительности не являющаяся мистической, выглядит таковой в глазах героя, и виновник трагедии сам наказывает себя.

В рассказе Акагавы «Давай шокируем» [18] из того же сборника прослеживается игра слов на разных уровнях — как игра с созвучиями, так и игра с полисемией. Мужчина беседует с коллегой в баре о современных способах оздоровления: «Говорят, в последнее время в моде много разных способов закалиться»² [18, с. 67]. С этой

² Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

фразы начинается действие: герой обдумывает, как бы незаметно и не оставляя улики свести в могилу жену. Сперва мужчины беседуют о воздействии на здоровье бега (япон. *дзёгунгу*, от англ. *jogging*); затем коллега подшучивает над главным героем и сообщает о способе, имеющем обратное действие, т. е. не укрепляющем, а разрушающем нервную систему больного, — воздействию шоком (что обозначается созвучным японским словом *сёккингу*, от англ. *shocking*). Мужчина узнает о том, что регулярный слабый стресс постепенно закаляет обычного человека, в то время как внезапный стресс самым пагубным образом сказывается на здоровье сердечников, и пытается довести опостылевшую ему жену, у которой слабое сердце, до инфаркта с помощью нелепых шуток и розыгрышей, то и дело заставляя ее думать, что он погиб: например, звонит ей якобы с места автокатастрофы, а потом внезапно появляется перед ней как призрак, шокируя ее, и т. п. Жене действительно с каждым днем становится все хуже, и мужчина радуется, что скоро счастливо заживет с любовницей, — как вдруг любовница делится с ним своим подозрением (как выясняется позже, необоснованным): ей кажется, что жена их раскрыла. Вскоре жена начинает рассуждать о влиянии на здоровье разных факторов, и ее слова роковым образом совпадают с фразой из начала рассказа: «Говорят, в последнее время в моде много доступных способов закалиться. Почему бы и тебе не попробовать?» [18, с. 70]. По-японски «много доступных способов закалиться» звучит как *бурасагари кэнко:хо:*. Слово «*бурасагари*» имеет два значения: «быть доступным» и «болтаться, висеть, свешиваться». Мужчина неверно интерпретирует слово «*бурасагари*», думая, что жена прознала о его разговоре с другом и о его планах, а теперь намеками дает понять, что собирается сдать его полиции, и изящно предлагает ему выбор между «оздоровлением в тюрьме» и «окончательным оздоровлением навек» в виде *бурасагари*, т. е. повешения, — вследствие чего муж делает выбор в пользу последнего и кончает жизнь самоубийством. Причина его самоубийства становится понятной в последних строчках рассказа только читателю — но не жене и не следователю, которые так и остаются в неведении, что же толкнуло его на этот шаг.

Приведем еще один пример — игры с заимствованными словами, неологизмами. Бедный студент из рассказа «Путешествие за границу» [19], написанного в излюбленном жанре Акагавы — иронического детектива, пытается украсть деньги на стажировку в Англии у старушки весьма среднего достатка, что удивило полицию. В ходе расследования парень сознается, что проходя мимо ее дома, услышал через открытое окно разговор бабушки: она сообщала собеседнику, что собирается отправиться в Англию на корабле, потому что боится летать на самолете, планирует кататься на лошадях и т. д. Из этого студент заключил, что у бабушки много денег, так как плыть в Англию кораблем обойдется дороже, чем лететь самолетом. Студент совершил ошибку: думая только об Англии, он услышал слово «*Ингурандо*» (от англ. *England*) и, мгновенно среагировав на него, забыл, что обычно Англию в Японии называют *Игирису*. В итоге выясняется, что он от начала и до конца неверно интерпретировал разговор бабушки, обещавшей по телефону внуку отвести его в парк развлечений *Ингурандо* и покатать его на кораблике, карусели с лошадьми и т. д.

Таким образом, одна из ключевых идей творчества Хоси — идея самонаказания — реализуется в коротких рассказах сборника «Танцующий мужчина» Акагавы с помощью такого приема, как словесная игра. Неверная интерпретация сказанного, увиденного или написанного (часто на фоне мучительного ожидания кары за соде-

янное зло), которая лежит в основе некоторых сверхкоротких рассказов как Акагавы, так и других авторов, всегда имеет психологическую подоплеку: человек видит и слышит то, что хочет, или, напротив, что панически боится видеть и слышать, зачастую расплачиваясь за невнимательность собственной сломанной судьбой.

Второй тип рассказов, сюжет которых построен на словесной игре, представлен в творчестве Атоды Такаси (р. 1935) — известного японского писателя, работающего главным образом в жанре мистического реализма. Словесная игра у Атоды — это всегда мастерски разыгранный анекдот; в таких рассказах комического содержания игра слов призвана обнаружить психологию персонажей, раскрыть их образ мыслей, то, чем они живут и как чувствуют, воспринимают происходящее с ними.

Перу Атоды принадлежат сверхкороткие остросюжетные или комического содержания истории в продолжение традиций Хоси, ряд мистических триллеров, серия эссе. Кроме того, после смерти Хоси Атода с конца 1990-х годов возглавляет ежегодный Всеяпонский литературный конкурс для авторов сверхкороткого рассказа, по итогам которого издаются сборники лучших произведений; он является бессменным главным редактором этих сборников последние двадцать лет. Лауреат многих национальных литературных премий, Атода называет себя автором обычного рассказа; тем не менее, он издал уже четыре популярных сборника *сё:то сё:то*: «Странный день» [20], «Съеденный мужчина» [21], «Последнее послание» [22], «Случай с кошкой» [23]. В отличие от мистических рассказов Хоси, не все *сё:то сё:то* Атоды несут в себе философскую идею: некоторые мистические истории являются развлекательными страшилками, источником сюжетов которых становятся все те же легенды или городской фольклор.

Мистический триллер, иронический детектив, психологический детектив — излюбленные жанры коротких историй Атоды. Герои его произведений — работники торговых фирм, сотрудники офисов, домохозяйки, студенты — незаметно для себя выходят за пределы привычного мира и оказываются в трансцендентальной реальности, в плену мифов и сказок, зачастую — на грани безумия, поскольку границы между реальностью и воображением весьма условны, и неясно, что более иллюзорно — их повседневная жизнь или мистический опыт. В этом смысле творчество Атоды сближается с творчеством Акагавы, для которого воображение было одним из главных сюжетов его сверхкоротких историй. Воображение и реальность в рассказах Атоды разграничены нечетко. Герою зачастую и самому трудно понять, где воображение, где явь. Сон, воображение, гипноз открывают истинную природу людей, отношений и событий в рассказах Атоды.

Как и у Акагавы, ряд рассказов Атоды построен на словесной игре, на неверном услышании или неверной интерпретации сказанного или написанного — что, в отличие от аналогичных рассказов Акагавы, чаще приводит к комической, чем к трагической развязке; в таких рассказах с помощью игры слов очень убедительно прописаны образы героев и их психология. Таков рассказ «Рассеянность» [24], главные герои которого, начальник компании и его секретарша, задерживаясь на работе, думают каждый о своем: она — о том, что через несколько лет ей будет тридцать, и все подруги уже замужем, кроме нее; он — о сроках сдачи отчетов, о проблемах фирмы, о рабочих планах. Начальник настолько заработался, что уже не помнит, какое сегодня число. Реплика начальника неожиданно прерывает размышления девушки; по-японски она звучит как *Мо: нидзю:кю: да ё на*, [24, с. 60], что может иметь

два смысла: «Ведь уже двадцать девятое (число)» и «(Тебе) ведь уже двадцать девять». Цифрой в разговорном японском языке может обозначаться не только календарное число, но и возраст, вследствие чего задетая секретарша, интерпретируя это в неверном ключе, сообразно собственным комплексам и горьким размышлениям, уязвленно реагирует: «И:э. Мада нидзю:хати дэсу. Хидои ва. Катё:-сан» [24, с. 60], что значит: «Нет! (Мне) еще только двадцать восемь! Что вы! Шеф!». Неизвестно, понял ли начальник ответ, потому что ее реплика может иметь и другую интерпретацию: «Нет! Еще двадцать восьмое! Что вы! Шеф!». Таким образом, в рассказе «Рассеянность» очевидна игра с полисемией, которая становится возможной лишь при использовании эллипсиса: начальник привел девушку в смятение, элидировав при числительном китайский корень *нити*, означающий «день», с помощью которого в японском языке образуются календарные числа; секретарша же подумала, что он опустил после слова «*нидзю:кю:*» («двадцать девять») не *нити*, а *сай* — постпозиционный китайский элемент, обозначающий возраст.

В рассказе «Сыр в подарок» [25] описываются переживания бабушки, впервые отправившей детям в город деревенский сыр вместо привычных фруктов и овощей; в ответ бабушка получила письмо, в котором внуки обещают тоже прислать ей сыр. Старушка недоумевает, почему внуки так невежливы, и изводит себя: может быть, им не понравился ее подарок, — с чего это они решили в ответ отправить ей то же самое, зная, что она не очень-то любит сыр, — пока не получает посылку с фотографиями, на которых внуки широко улыбаются, как бы говоря: *Ти:дзу!* (англ. «cheese!»). Основная сюжетная линия рассказа — нагнетание переживаний старушки, ее самоедство, возрастающая обида на внуков, кроме которых в ее жизни ничего больше нет, и на себя, прокручивание в голове того, что и как следовало бы сказать или сделать; все это разрешается в последней фразе рассказа, когда она получает фотографию с изображением улыбающихся внуков и чувствует небывалое облегчение и счастье. Здесь словесная игра также выступает на разных уровнях: полисемия заимствованного слова стала возможна тогда, когда у слова *ти:дзу* («сыр») появилось в японском молодежном сленге новое значение — «улыбка».

Очевидно, что игра слов в творчестве самых известных японских авторов *сё:то* *сё:то* Акагавы Дзиро и Атоды Такаси реализуется в качестве источника сюжетов как продолжение традиций сверхкороткого рассказа Хоси Синъити. Старые темы, такие как прижизненное воздаяние за содеянное, психологические проблемы героев, проблемы их взаимоотношений с окружающими и т. п., воплощаются на страницах современных коротких рассказов *сё:то* *сё:то* с помощью нового для японского сверхкороткого рассказа приема — игры слов. Если в 1950–1970-е годы Хоси и его последователи пользовались в основном фантастическими элементами, введением в повествование волшебных предметов и потусторонних существ, встреча с которыми была призвана обнаружить проблемы, пороки, переживания современного человека, то на рубеже XX–XXI вв. для этих же целей служит словесная игра.

Литература

1. Боронина И. А. Поэтика классического японского стиха. М.: Наука, 1978. 373 с.
2. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. 367 с.
3. Жилина Л. В. Короче! Short-short story в современной японской литературе // Окно в Японию. 2005. URL: http://ru-jp.org/zhilina_01.htm (дата обращения: 21.07.2014).

4. *Maruge Miki*. Waraenai watashitachi-o warau. Genshiryoku to sekai-no owari-o megutte — Hoshi Shinichi-no shōto shōto. (Смеяться над нами, не смешными: *cē:to cē:to* Хоси Синъити — об атомной энергии и конце света) // *Waraigaku kenkyū*. (Изучение смешного). № 19. Июль 2012. (На япон. яз.). С. 109–121.

5. *Nonobe Kenji*. Hoshi Shinichi bungaku kukan-ni okeru hyōshō to imi. (Символичность и смысл в литературном пространстве Хоси Синъити) // *Nihon kenchiku gakkai taikai gakujutsu kōen kōgakushū*. (Научные труды Конгресса Японского архитектурного общества. Сборник тезисов). Нагоя, 2009. (На япон. яз.). С. 617–618.

6. *Satō Chie, Murai Hajime, Tokosumi Akifumi*. Bungaku sakuhin-no tokuchōteki goi to gainen kategori-no chūshō. Hoshi Shinichi-no shōto shōto-no keiryō bunseki. (Характерная лексика литературного произведения и концептуальные категории. Квантитативный анализ сверхкоротких фантастических рассказов Хоси Синъити) // *Jōhō chishiki gakkaiishi*. (Журнал Японского информационного общества). 2009. Вып. 19, № 2. (На япон. яз.). С. 132–137.

7. *Atōda Takashi*. Atogaki to sempyō. (Послесловие и критерии выбора) // *Shōto shōto-no hiroba-12*. (Пространство *cē:to cē:to*). Т. 12. Ко:данся, 2001. (На япон. яз.). С. 217–229.

8. *Hoshi Shinichi*. Sempyō. (Критерии выбора) // *Shōto shōto-no hiroba-1*. (Пространство *cē:to cē:to*). Т. 1. Ко:данся, 1985. (На япон. яз.). С. 297–323.

9. *Satō Chie, Murai Hajime, Tokosumi Akifumi*. Bungaku sakuhin-no tokuchōteki goi to gainen kategori-no chūshō. Hoshi Shinichi-no shōto shōto-no keiryō bunseki. (Характерная лексика литературного произведения и концептуальные категории. Квантитативный анализ сверхкоротких фантастических рассказов Хоси Синъити) // *Jōhō chishiki gakkaiishi*. (Журнал Японского информационного общества). 2009. Вып. 19, № 2. (На япон. яз.). С. 132–137.

10. *Matsushima Sayuri*. Hoshi Shinichi and the Space-Age Fable // *New Zealand Journal of Asian Studies*. Vol. 5, N 2. December 2003. P. 94–114.

11. *Хронопуло Л. Ю.* «Перевернутый мир» сборника рассказов Хоси Синъити «Бокко-тян» // *Вестн. С.-Перерб. ун-та. Сер. 13*. 2009. Вып. 1. С. 102–106.

12. *Matsushima Sayuri*. Hoshi Shinichi and the Space-Age Fable // *New Zealand Journal of Asian Studies*. Vol. 5, N 2. December 2003. P. 94–114.

13. *Akagawa Jirō*. Odoru otoko. (Танцующий мужчина). Синтё:ся, 1986. (На япон. яз.). 196 с.

14. *Akagawa Jirō*. Katte-ni shaberu onna. (Болтливая женщина). Синтё:ся, 1986. (На япон. яз.). 223 с.

15. *Akagawa Jirō*. Sampomichi. (Прогулка). Ко:бунся, 2002. (На япон. яз.). 279 с.

16. *Akagawa Jirō*. Shinjū. (Двойное самоубийство) // *Akagawa Jirō*. Odoru otoko. (Танцующий мужчина). Синтё:ся, 1986. (На япон. яз.). С. 120–122.

17. *Hoshi Shinichi*. Oikoshi. (Обгон) // *Hoshi Shinichi*. Bokko-chan. (Бокко-тян). Сю:эйся, 2008. (На япон. яз.). С. 191–194.

18. *Akagawa Jirō*. Rettsu shokkingu. (Давай шокируем) // *Akagawa Jirō*. Odoru otoko. (Танцующий мужчина). Синтё:ся, 1986. (На япон. яз.). С. 67–70.

19. *Akagawa Jirō*. Kaigai ryokō. (Путешествие за границу) // *Akagawa Jirō*. Odoru otoko. (Танцующий мужчина). Синтё:ся, 1986. (На япон. яз.). С. 37–40.

20. *Atōda Takashi*. Kimyōna hirusagari. (Странный день). Ко:данся, 1996. (На япон. яз.). 265 с.

21. *Atōda Takashi*. Taberareta otoko. (Съеденный мужчина). Ко:данся, 2008. (На япон. яз.). 290 с.

22. *Atōda Takashi*. Saigo-no messēji. (Последнее послание). Ко:данся, 2009. (На япон. яз.). 274 с.

23. *Atōda Takashi*. Neko-no jiken. (Случай с кошкой). Ко:данся, 2010. (На япон. яз.). 300 с.

24. *Atōda Takashi*. Hōshin. (Рассеянность) // *Atōda Takashi*. Saigo-no messēji. (Последнее послание). Ко:данся, 2009. (На япон. яз.). С. 58–60.

25. *Atōda Takashi*. Chizu-no okurimono. (Сыр в подарок) // *Atōda Takashi*. Kimyōna hirusagari. (Странный день). Ко:данся, 1996. (На япон. яз.). С. 66–68.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Хронопуло Лиала Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент; khronopoulo@mail.ru

Khronopulo Liala Yu. — Candidate of Philology, Associate Professor; khronopoulo@mail.ru

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 304.444

А. Ю. Коровкина

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ СОВРЕМЕННОГО ТУНИСА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Статья посвящена проблеме столкновения двух основополагающих тенденций, которые в настоящее время можно наблюдать в развитии локальных цивилизаций Ближнего Востока. Рассматриваются формы их противостояния и результаты взаимодействия в арабском мире в целом и на примере Туниса в частности. Актуальность данной работы заключается в новаторском подходе к изучению вопроса, особенно остро стоящего в наши дни в условия политической нестабильности и серьезных социальных перемен. При написании статьи использовалась научная литература последних лет на русском, европейских и арабском языках, а также видеоматериалы на тунисском диалекте. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: Арабистика, Ближний Восток, Северная Африка, Тунис, культура, история, модернизация, традиция, фольклор.

MODERNIZATION AND TRADITION IN THE CULTURAL PERSPECTIVE OF MODERN TUNISIA

A. Yu. Korovkina

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is dedicated to the problem of the clash of two fundamental trends that currently are obvious in the development of the local civilizations of the Middle East. The forms of their confrontation and the results of their interaction in the Arab world in general and in Tunisia in particular, are examined in the article. The relevance of this work is an innovative approach to the study of the issue that is particularly acute in the present day in terms of political instability and serious social change. The scientific literature of the recent years, in the Russian, European and Arabic languages, as well as videos in Tunisian Arabic, was used in the process of writing this article. Refs 11.

Keywords: Arabic Studies, the Middle East, North Africa, Tunisia, culture, history, modernization, tradition, folklore.

Процесс модернизации, активно протекавший в арабских странах в течение всего XX в., в XXI в. не только не сбавил своих темпов, но стал активизироваться в столкновении с движением за возвращение к традициям. В начале 2000-х годов на Ближнем Востоке возникла новая политическая сила, которая заставила с собой считаться.

Как часто бывает в таких случаях, «возвращение к истокам» не проходит безболезненно, и борьба между приверженцами двух противоположных взглядов на

развитие страны порой принимает самые уродливые формы. Революции, прокатившиеся по всему арабскому миру, подлили еще больше масла в этот и без того ярко пылающий огонь. И если события, в настоящее время происходящие в Машрике, вызывают пессимизм, то пример Магриба, страны, с которой началась знаменитая «арабская весна», показывает, как модернизация и уважение к традициям могут уживаться друг с другом.

После многочисленных исследований, очень подробно описывающих и анализирующих роль интернета и СМИ в разворачивании восстаний по всему Ближнему Востоку, интересно взглянуть на эту картину под другим углом и понять, как изобретения XX и XXI вв. могут влиять на процесс урегулирования конфликтов между противоборствующими сторонами.

Особенно примечательным и информативным ресурсом может стать сайт YouTube, на котором можно найти не только практически все выпуски наиболее популярных и значимых телепередач, но и большое количество работ рядовых тунисцев, по которым можно судить о настроениях, царящих в современном обществе. Рассмотрим хорошо известную тему исламской традиции ношения женского платка. После революции 2011 г. она становится в Тунисе особенно популярной и дискуссионной, как и в большинстве арабских стран, где традиционный женский головной убор превращается из тривиального предмета быта в символ возрождения ислама.

Говоря о Тунисе как об одной из стран Арабского мира, укажем на особое положение женщины в Магрибе. Оно объясняется тремя основными факторами — берберским прошлым, влиянием Аль-Андалуса и близостью Европы.

После значимых реформ в защиту прав женщин, проведенных первым президентом Хабибом Бургибой, женщины получили равные избирательные права с мужчинами, возможность учиться и получать образование, работать, строить карьеру, выбирать европейский стиль в одежде и многое другое. Все реформы в защиту женщин и предоставление им большего числа прав, которые активно проводило правительство в течение всей второй половины XX в. и в начале XXI в., имели в Тунисе успех и затронули не только отдельные слои населения, но и все общество в целом. До сих пор в Тунисе очень популярно видео и фотографии, на которых Хабиб Бургиба снимает традиционное покрывало *сафсэри* с головы тунисок. Фадела Мрабет в связи с этим пишет: «Он клеймит покрывало, этот чудовищный саван, это трепье. В толпе народа он часто останавливается и говорит, обращаясь к той иной девушке: “Ведь ты же красива! Почему ты прячешь свое лицо? Посмотри на меня!” И девушка смеется, сбрасывает с плеч свой белый сафсери» [1, с. 40]. Особенно часто этот момент стали вспоминать сразу после революции 14 января 2011 г. в связи с новой тенденцией в тунисском обществе — закрывать лицо, что расценивается сторонниками этого обычая как свобода выбора одежды. Нельзя сказать, что большая часть общества одобряет эту идею, но тем не менее многие стараются с пониманием относиться к решению сограждан. Так, на сайте You Tube представлено большое количество роликов, где журналисты рассказывают о современной ситуации в стране, берут интервью у представителей разных слоев населения, узнают их мнение относительно ношения *никаба*. Также они разговаривают и с самими женщинами, избравшими этот вид одежды¹.

¹ Например, одно из наиболее объективных видео: [2].

По истечении времени некоторые уже позволяют себе иронизировать над спонтанным решением согражданок полностью облачиться во все черное. Так, например, в последнем сезоне самого популярного тунисского сериала «Нсибти аль-Азиза», который транслируется на всей территории Магриба и о котором еще пойдет речь, был интересный эпизод, посвященный проблеме «мусульманского терроризма». В нем девушка в *никабе* приходит в дом главной героини и начинает свое знакомство с ней с фразы: «Не беспокойся, сестра! Я не террористка!» По реакции Хайят и ее матери, Фатимы, сразу можно понять, как рядовые тунисцы относятся к такому новшеству [3]. Юмор подобного рода способен как разрядить определенное напряжение, возникшее на фоне периодических протестов радикально настроенной молодежи, так и продемонстрировать либеральные настроения, царящие в рядах политических лидеров Туниса.

Большой популярностью пользуются телепрограммы, которые проводит канал «Ханнибал». Во время этих шоу активно обсуждается тема ношения *хиджаба*. Проводится множество интервью с участием как женщин, так и мужчин. Мнения довольно разнообразны, но примечательно то, что большинство сходится на свободе выбора: каждая женщина вправе самостоятельно решать, какую одежду носить. Конечно, многие отмечают, что после падения режима Бен Али, во время которого было запрещено носить платок в общественных местах, а закрывать лицо категорически запрещалось, ситуация изменилась. Сами женщины в *хиджабах* отмечают, что теперь они спокойнее себя чувствуют, появляясь на улицах, потому что полицейские больше не будут «приставать» к ним с претензиями, угрозами и требованием снять платок².

Одна из интереснейших тем этой передачи — обсуждение ношения *сафсэри* — традиционного женского покрывала белого цвета, которое до сих пор можно встретить в Тунисе. Женщины полностью закрывают им все тело, оставляя видимыми только глаза или лицо. Край покрывала его владелица обычно держит либо рукой, либо в зубах. В основном *сафсэри* предпочитают носить пожилые женщины. В ходе передачи «Фи Даирати Ад-Даи» («В свете прожектора») корреспондент берет интервью у одной из таких дам, спрашивая ее мнения относительно ношения *сафсэри* и *хиджаба*: почему она выбрала именно *сафсэри* и какой стиль в одежде считает уместным для современной женщины. Старушка очень бойко отвечает на все вопросы журналистки, ясно выражая свою точку зрения. По ее мнению, *сафсэри*, конечно же, лучший выбор женщины, потому что таким образом она проявляет уважение по отношению к мужчине и заставляет окружающих уважать ее. Интервьюируемая вспоминает старые времена, когда мужчина мог лишь мечтать о том, чтобы увидеть женскую ножку, ручку или личико в тот момент, когда девушка поправляла *сафсэри*. А теперь девушки не ценят себя, выставляя на всеобщее обозрение свои прелести в узких брюках и коротких юбках. При этих словах невольно вспоминается отрывок из рассказа известного тунисского писателя Али Ад-Ду'ажи (1909–1949), большинство произведений которого посвящены повседневной жизни современного ему тунисского общества. Он интересно описал в своем рассказе «На пляже Хамем аль-Анф» новую для того времени тенденцию среди тунисок вести себя с *сафсэри* более раскованно, чем позволяли себе их предшественницы: «Белые покрывала —

² Самые интересные и информативные выпуски передачи, на мой взгляд: [4].

дело другое. Эти создания последовали традициям своих бабушек и надели на свои нежные тела их покрывала. Они ответили на зов времени и вышли на пляж, по пути раскритиковав прическу Амра и вид брюк Зейда. И вот одна уже забывает, что на ней покрывало, и показывает тебе свое прекрасное личико. Однако затем вспоминает и прячется под своим покрывалом, послав заряд электрического тока четверем юношам на пляже, которые уже полчаса наблюдают за ней» [5, р. 15]. В продолжении интервью с пожилой дамой следует изложение ее взгляда на выбор между *сафсэри* и *хиджабом*. *Сафсэри*, по ее мнению, лучше. Если женщина носит *хиджаб* по всем правилам, т. е. не надевает ничего облегающего и правильно повязывает платок, то такой вариант тоже приемлем, но у современных женщин *хиджаб* стал модой, смысл же ношения платка заключается в том, чтобы не выделяться и не привлекать к себе мужского внимания. Сама пожилая женщина начала носить *сафсэри* с момента получения Тунисом независимости, когда ей было пятнадцать лет [6].

Но в целом, как отмечает Вафа Бен Хассин, известный блоггер, общественный деятель и помощник по правовым вопросам в Учредительном Собрании Туниса американо-тунисского происхождения, положение женщины в стране осталось прежним и, по ее личному мнению, нет никакого регресса или возвращения к устаревшим формам поведения женщины в обществе, бытовавшим ранее [7]. Самым ярким примером достижений тунисской женщины за время господства модернизации является видео «Tunisian Women», в котором представлено множество фотографий, доказывающих, насколько активно женщина принимает участие в жизни современного тунисского общества [8]. Стоит отметить, что спустя три с половиной года после революции желание (или побуждение со стороны родственников) «закрыться» определенно ослабевает, что можно увидеть как во многих телевизионных передачах, так и просто на улице.

Как модернизация и традиция могут плодотворно уживаться друг с другом, показывает самый популярный в Тунисе и за его пределами сериал «*Нсибти аль-Азиза*» («Моя любимая теща»). Трансляция этого ситкома вот уже несколько лет с большим успехом идет на канале «Несма аль-Магрибийя» в месяц рамадан; его популярность объясняется обращением к национальному фольклору и повседневной жизни тунисцев, в которой органично сочетаются как последние достижения европейской цивилизации, так и древние поверья и ритуалы, насчитывающие не одну сотню лет.

Сюжет: в мирное существование двух счастливых супругов Хсуны и Хайят вторгается мать Хайят, Фатима, которая внезапно приезжает из Сфакса погостить на несколько дней, прихватив с собой своего «недалекого» сына аль-Монжи, тетю Хсуны родом из Алжира, Баризу, которая ищет своих тунисских родственников, и дочь Баризы, Хажалю. Кроме этих персонажей назовем еще троих — владельца лавки одежды секонд-хэнд Баббушу, его двоюродного брата аль-Фахима, приехавшего из деревни, и соседку Хсуны и Хайят, Фаттух. Каждый персонаж неповторим. Создатели сериала показывают обыденную жизнь тунисцев. Зрителям интересно развитие интриги, но больше всего аудиторию привлекают комичные ситуации, в которые все время попадают герои, при этом не совершая ничего из ряда вон выходящего. Особенности их речи и манеры разговора постоянно вызывают смех у тунисцев.

Так же, как и в русской традиции, в Тунисе считается, что муж не очень любит свою тещу, но должен с ней уживаться, соблюдая правила приличий, поэтому Хсуна не может указать на дверь неожиданно появившимся на пороге родственникам,

к тому же принятые нормы поведения требуют от него всячески угождать матери жены. Но создатели сериала решили не ограничиваться этим и наделили тещу Хсуны еще и сфакским происхождением, что у жителей Туниса сразу вызывает целый ряд определенных ассоциаций. Во-первых, по мнению обитателей других городов, например, столицы, в которой и происходит действие сериала, жители Сфакса ставят во главу угла исключительно материальные ценности, знают, как извлечь выгоду из любой ситуации, кроме того они чрезвычайно практичны и отличаются скупостью. В народе существует представление, что во время переселения еврейских торговцев из Испании в период Реконкисты многие из них обосновались в Сфаксе, что и положило начало такой своеобразной репутации этого города. Муна Нур ад-Дин, известная тунисская актриса, которая исполнила роль Фатимы, тещи Хсуны, прекрасно копирует манеру разговора жителей Сфакса, не только употребляя диалектизмы, но и подражая и порой специально преувеличивая интонации, свойственные обитателям «южной столицы» страны. «Дифтонги АУ, АW соответственно монофтонгизируются в /i:/, /u:/. Так происходит в тунисском, кайруанском и сусском говорах, но город Сфакс и женский говор Туниса сохраняют первоначальную систему дифтоногов» [9, с. 14]. Именно этот признак является основным, как отмечают сами тунисцы, при определении жителей Сфакса. Муна Нур ад-Дин в своей речи активно использует этот прием для создания правдоподобного образа. Кроме того, она часто специально растягивает слова, придавая комичности своей героине.

Еще один интересный персонаж — это Баббуша. Само имя «Баббуша» на тунисском диалекте обозначает «улитка», что дает повод для веселой игры слов. Так, например, во втором сезоне молодая жена Баббуши часто обращается к нему «Сиди Халязун», что переводится как «господин Улитка», — она забыла имя мужа и долго думая использовала синоним, и это вызывает у зрителей приступ смеха.

Гвоздем сериала является аль-Фахим, деревенский дурачок, перебравшийся к своему двоюродному брату в город, — наивный, глуповатый, но в то же время не лишенный примитивной грубой хитрости и желания «выбиться в люди», организовав свой прибыльный бизнес. Его язык пестрит деревенскими выражениями, известные пословицы он переделывает на свой лад, что всегда звучит очень смешно для тунисцев. Выбор имени персонажа тоже не случаен: оно переводится как «понимающий», но аль-Фахим совершенно не разбирается ни в городской жизни, ни в том, что ему обычно пытаются объяснить. Актер Халид Бузид, исполняющий эту роль, стал невероятно популярен, о чем говорит его востребованность в других телевизионных проектах и передачах. Во время подготовки первых после революции выборов в тунисский парламент был снят ролик с участием Халида Бузида, где он в образе аль-Фахима агитировал граждан принять участие в политической жизни страны ради будущего Туниса [10].

Во втором сезоне сериала появляется еще один интересный персонаж, который по своей популярности может сравниться с аль-Фахимом, а то и затмить его, — это его сестра Хмиса. Баббуша женится на ней и привозит ее в город. Хмиса всю жизнь провела в деревне, что видно как по ее внешности и манере разговора, так и по представлениям о мире, которые сильно отличаются от взглядов городских жителей. Когда тунисский зритель впервые видит Хмису, он сразу понимает по ее одежде, что она только что приехала из деревни — по мнению горожан, женщины из сельской местности любят наряжаться во все цветастое и «навешивать» на себя

огромное количество самых разных украшений, — а ее речь является лучшим тому доказательством. Она так же, как и ее брат, любит употреблять народные поговорки, но зачастую забывает их, поэтому переделывает на свой лад. Хмиса все время путается в словах и исправляет себя, говоря что-то совсем противоположное тому, что было сказано в начале. Эта героиня полюбилась зрителю не только из-за ее смешных «деревенских фразочек», но и из-за ее наивности и непосредственности. Хмиса так же, как и ее брат, глуповата и простовата. Любую фразу, которая имеет переносный смысл, она воспринимает буквально. Когда муж обещает подарить ей после свадьбы золотой браслет, Хмиса ждет, что это случится сразу же, как только они переедут в город. Тогда Баббуша объясняет ей, что так принято говорить, но на самом деле имеется в виду некий срок после свадьбы. Это обычно всем понятно, поэтому наивность Хмисы вызывает улыбки и смех у телезрителей. Очень интересен эпизод, в котором Хмиса «лечит» аль-Монжи от болезни при помощи деревенской магии, что наглядно демонстрирует, какой популярностью до сих пор пользуются различные способы волшебства как в городе, так и в деревне. Высмеиваются также и городские жители, которые вроде бы не очень верят в целительную силу заговоров, но как только узнают, что Хмиса немного знает о заговорах и деревенских способах лечения при помощи магии, тут же начинают упрашивать ее «поколдовать» над заболевшим аль-Монджи. Особенно интересна последняя фраза Хмисы, которую она произносит, заканчивая «лечение»: «Я сделала все, что могла, остальное же зависит от Бога». Это типичная формулировка, распространенная среди местных колдунов и «святых», которые свою практику так или иначе всегда связывают с Богом. Хотя официальный ислам однозначно отрицательно высказывается относительно такого рода «святых» и магии в целом, объявляя почитателей этого культа «язычниками», в Магрибе в целом и в Тунисе в частности *марабуты* и колдовство очень популярны.

Этот проект стал первым появлением Самаха ад-Дашрави на телевидении, и роль Хмисы тут же принесла ей грандиозный успех и любовь зрителей. До этого Самах принимала участие только в театральных постановках, в ходе которых успела рекомендовать себя как талантливая актриса, определенно обладающая ярким комедийным даром [11].

Премьера сериала состоялась в месяц рамадан в 2010 г. Его рейтинг был настолько высок, что руководство канала «Несма» приняло решение о продолжении съемок и показе второго сезона в следующем году, что и осуществило, несмотря на серьезные политические перемены с приходом к власти «Ан-Нахды». Продолжение популярного ситкома снискало еще больше поклонников, — во многом это объясняется появлением нового действующего лица, Хмисы. Несмотря на высокий рейтинг проекта и явное намерение создателей сериала продолжить съемки, его пришлось закрыть из-за внезапной кончины Суфьяна аш-Шаари, исполнителя роли Хсуны. Поэтому было принято решение снять другой сериал с участием тех же актеров. Так во время месяца рамадан 2012 г. прошла трансляция нового комедийного продукта под названием «Дар аль-Вазир». Этот сериал не смог повторить успех своего предшественника, и руководством канала было принято решение вернуть в следующем сезоне «Нсибти аль-Азиза» на экраны телевизоров. Ликование поклонников обеспечило этому творческому проекту не только третий, но и четвертый сезон, который вышел летом 2014 г.

В заключение заметим, что две тенденции — модернизация и традиционализм — в действительности совсем не так противоречивы, как это представляют в своих заявлениях многие агитаторы исламистского толка или иные политики. Традиция далеко не всегда является синонимом слова «реакция», как и модернизация не равнозначна понятию «прогресс». Обеспечив возможность их мирного сосуществования в едином обществе, можно получить уникальный культурный, исторический и социальный результат, что в настоящее время наглядно демонстрируется в Тунисе.

Литература

1. Ворончанина Н. И. Культурные преобразования в современном Тунисе. М.: Наука, 1978. 138 с.
2. Niqab in Tunisia. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=7u8hnPXVSqA> (дата обращения: 09.01.2013).
3. Nsibti al-'Aziza. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=0JpL1pvZHjI> (дата обращения: 18.09.2014).
4. Fi Da'irat ath-Thaw' — al-Hijab fi Tunis. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-GpJLiWmsb4> (дата обращения: 09.01.2013); URL: http://www.youtube.com/watch?v=sm8tS_zT6CY (дата обращения: 09.01.2013); URL: <http://www.youtube.com/watch?v=FABrD8H5vsc> (дата обращения: 09.01.2013).
5. *Ad-Du'aji Ali*. Sahartu minhu al'Liyali. Tunis: Sras li n-Nashr, 2009.
6. Al-Hijab at-Tunisi al-Asil. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=YVtP5L4bcns> (дата обращения: 09.01.2013).
7. Women and Tunisian Society By Wafa Ben Hacine. YouTube. URL: http://www.youtube.com/watch?v=0KuVeme_cg0 (дата обращения: 09.01.2013).
8. Tunisian Women. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=LTktTksZiXc> (дата обращения: 09.01.2013).
9. Завадовский Ю. Н. Тунисский диалект арабского языка. М.: Наука, 1979. 106 с.
10. Tahya Tunis 'Asal an-Nahla. YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=XqYlp35Pyck> (дата обращения: 09.01.2013).
11. As-Sweidi Awatif."Khmis" Shakhsiya Halima wa Ahab Talqa'iyatiha. Es-Sahafa. URL: [http://www.essahafa.info.tn/index.php?id=116&tx_ttnews\[tt_news\]=20293&tx_ttnews\[backPid\]=41&cHash=03b5789346](http://www.essahafa.info.tn/index.php?id=116&tx_ttnews[tt_news]=20293&tx_ttnews[backPid]=41&cHash=03b5789346) (дата обращения: 09.01.2013).

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Коровкина А Ю — аспирант; annie90@list.ru

Korovkina A Yu. — Post graduate student; annie90@list.ru

М. С. Пелевин

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АФГАНЦЕВ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА:
ЕДА, ЖИЛИЩЕ, ДОМАШНИЙ БЫТ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ХАТАКСКОЙ ХРОНИКИ»)
(ЧАСТЬ I)**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье собраны и проанализированы сведения о повседневной жизни восточных афганцев, содержащиеся в «Хатакской хронике» (1641–1724) — авторской части компилятивного историографического сочинения на пашто «*Tārīḫ-i muraṣṣa'*». На примере многочисленных фрагментов текста, впервые переведенных на русский язык, показано, что реалии, относящиеся к еде, жилищу, домашнему быту, как правило, находятся вне фокуса хроникального повествования, но даже в беглых упоминаниях способствуют воссозданию подлинной и достоверной картины жизни авторов «Хроники» и их окружения. С привлечением параллельных источников — поэтических произведений Хушхал-хана (1613–1618), одного из соавторов «Хроники», в статье рассмотрены социальные аспекты приема пищи, коллективной трапезы и этикетных угощений, приведены данные об основных продуктах питания паштунов, типах постоянных и временных жилищ, процессе строительства домов и поселений, устройстве домов, домашнем имуществе и домашних животных, некоторых занятиях женщин и детских играх. Статья содержит новые, ранее не исследованные материалы по этнографии и культуре паштунских племен позднего Средневековья. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: литература пашто, этнография афганских племен, источниковедение.

**EVERYDAY LIFE OF PASHTUNS IN THE 17th — EARLY 18th CENTURY:
FOOD, DWELLING, HOME ACTIVITIES (BASED ON *THE KHATAKS CHRONICLE*) (PART I)**

M. S. Pelevin

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article examines facts on the everyday life of the eastern Pashtun tribes derived from the accounts of *The Khataks Chronicle* (1641–1724) — the original part of the historiographical compilation *Tārīḫ-i muraṣṣa'*. Based on numerous excerpts from the Pashto text translated into Russian for the first time the article proves that realities pertaining to food, dwelling and home activities usually stay beyond the focus of the *Chronicle's* narration, but even mentioned in passing contribute much to reconstruct the real and trustworthy picture of the authors' and their milieu's everyday life. Supported with similar testimonies from parallel Pashto sources — the verses by the *Chronicle's* coauthor Khūshhāl Khān (1613–1689) — the article discusses social aspects of eating, collective meals and etiquette feasts, introduces and analyzes data on main food products of Pashtuns, types of permanent and temporary residences, house building technologies, lodging arrangement, home utensils, domestic animals and pets, as well as some women's home activities and children's games. New material collected and inspected in the article aims at including *The Khataks Chronicle* in the list of working sources on the history of Pashtuns and filling extensive lacunae in the studies of ethnography and culture of the Pashtun tribes in pre-modern times. Refs 19.

Keywords: Pashto literature, ethnography of Pashtun tribes, source studies.

Немногочисленные сведения о социально-политической истории, хозяйственной жизни, культуре афганских племен в период, предшествовавший образованию афганской государственности в середине XVIII в., основываются преимущественно на внешних источниках (в первую очередь на персоязычных историографических сочинениях могольского времени) или являются результатом аналитической ретро-

спективной проекции богатого фактологического материала, собранного на афганских территориях уже в XIX в., когда в силу известных исторических обстоятельств паштуны оказались объектом пристального внимания британцев (см., например: [1; 2, с. 7–68; 3, с. 151–246]). Собственно афганские (внутренние) письменные источники таких сведений, в том числе на языке пашто, появляются не ранее XVII в. Хотя подобных источников немного, их изучение до сих пор нельзя считать исчерпывающим и завершенным.

Как показывают проведенные исследования, конкретными историческими и этнографическими фактами в большой степени насыщены мемуары богослова Āḥūnda Дарвезы (ум. 1618/19 или 1638/39) *Тазкират ал-абрār ва-л-аширār* («Жития праведных и грешных») (ок. 1610) [4; 5, с. 22–23, 38–43; 6; 7] и многие поэтические произведения Хушхāl-хана Хатака (1613–1618), признанного основателя национальной литературы пашто [8, с. 60–175; 9, с. 271–296]. Некоторые афганские сочинения, которые предположительно относятся к этому же времени и тоже содержат фактический материал, пока подробно не изучались. Например, афганские ученые датируют XVII в. сочинение некоего Муллā Маста Дзаманда *Сулūk ал-ғазāt* («Путь священной войны»)¹. З. Хевādмал определяет это сочинение как *рисāла* («трактат») и сообщает о том, что оно «содержит повествование о войнах Āḥūnda Чālāка в восточном Афганистане и горах Свāта» [11, с. 125]. Не исключено, что в этом произведении речь идет о деятельности Муллā Чālāка (он же Āḥūn Цālāk), который в могольских исторических источниках выступает как один из вдохновителей мятежа йўсуфзаев против имперских властей в 1666/67 г. и активный сторонник самозванца, выдававшего себя за могольского принца Шāха Шуджā [12, с. 21–22; 13, с. 286–287].

Наиболее важным по объему, уникальности и разнообразию сведений об афганских племенах позднего средневековья является компилятивный труд *Tārīḫ-i мурасṣa'* («Украшенная драгоценностями история»), принадлежащий паштунскому племенному правителю Афдал-хāну Хатаку (ок. 1664/65–1740/41), внуку упомянутого Хушхāl-хана [14]. Оригинальная авторская часть этого сочинения, включающая разнородные тексты историографического содержания — мемуары, дневники, письма, другие документы, относящиеся к истории племени хатаков, может быть определена как «Хатакская хроника» (подробнее о составе, авторстве и истории создания этого произведения см.: [15; 16, с. 72–73]).

В настоящей статье собраны, систематизированы и проанализированы сведения «Хроники», касающиеся некоторых реалий повседневной жизни восточных афганцев — хатаков и соседних с ними племен, — которые населяли земли Пешаварской равнины и прилегающих к ней горных областей юго-восточного Гиндукуша. Надо заметить, что подобные реалии, включая те, о которых будет сказано ниже (еда, жилище, домашний быт), в текстах «Хатакской хроники», как правило, не несут на себе главного смыслового акцента. Общий нарративный стиль «Хроники» лишен описательности и не предполагает детализации. Авторы ее текстов сосредоточены главным образом на фактах излагаемых событий — вопросах «кто?», «что?», «где?» и «когда?». Побочные обстоятельства и детали, которые бы могли существенно дополнить эти главные факты зрительными образами и предметными характеристиками, к сожалению, крайне редко интересуют автора-хроникера. Можно утверждать, что изо-

¹ Текст *Сулūk ал-ғазāt* еще не издавался. Единственный список сочинения отмечен в каталоге рукописей Афганистана [10, с. 296].

бразительность как элемент формы вообще не присуща «Хатакской хронике». Если, например, оценочные характеристики моральных качеств и поведения персонажей иногда встречаются, то описание внешности, даже каких-либо отдельных черт или отличительных примет одежды и снаряжения, в литературные задачи авторов явно не входит. Конкретные исторические реалии, относящиеся к социально-правовой, хозяйственной, культурной жизни афганского общества, тоже, как правило, подробно не освещаются, а при их беглом упоминании никак не поясняются. Очевидно, что авторы «Хроники», во-первых, изначально ориентировались на очень узкий круг читателей — главным образом грамотных членов княжеского рода *хатаков*, и, во-вторых, преследовали не только собственно литературные просветительские цели, но также выполняли и внелитературные идеологические задачи, которые заключались в фиксации «правильных» знаний о прошлом и обеспечении преемственности политических традиций, связанных с принципами передачи верховной власти.

Тем не менее некоторые бытовые реалии, такие как еда, оставаясь вне фокуса повествования, даже в спорадических упоминаниях заявляют о себе как о первостепенных по значимости элементах повседневной жизни авторов «Хроники» и их окружения. Вербально или имплицитно еда в «Хронике» — всегда первичная жизненная потребность. Большинство фрагментов с упоминанием еды имеют характер дневниковых заметок, но не этнографических информационных справок. Наглядным примером того, как сообщения о еде функционируют в текстах «Хроники», является рассказ о плавании *Хўшхāl-хāна* на плоту по реке *Ландай* (*Кабул*) из *Джалālāбāда* в *Сарāй-Акору*, резиденцию *хатакских* князей, в 1649 г. В этом рассказе еда упоминается три раза как самый обыденный факт: «...Плот уже был готов. Он поел и сел на плот с несколькими ребятами»; «Глубокой ночью они прибыли в *Даку*... Там они высадились [на берег]. Закололи барана, поели...»; «С большим трудом они высадились [на берег] около *Āгры*... Приготовили еду, вечером поели. Поплыли на плоту [далее]...» [14, с. 281]. Так же между делом упоминает о еде *Афдал-хāн*, рассказывая о своем переезде в *Сарāй-Акору* в феврале 1724 г.: «Вечером 24-го [числа месяца] *джумādā-л-аввал* упомянутого года [19.02.1724 г.] *Хайр Қули-хāн* прислал ко мне человека. Я в своем жилище только что закончил еду. Со мной сидел [мой слуга] *Торай*...» [14, с. 453].

Факт отсутствия еды, напротив, может акцентироваться, особенно если речь идет о близких людях, членах семьи, за благополучие которых автор «Хроники» несет личную ответственность. В коротком рассказе из дневника *Хўшхāла* о кочевке с семьей по *хатакским* землям летом 1673 г. отсутствие еды является движущим мотивом повествования: «...К полудню мы приехали в *Валāй*. Оставались там до середины дня. Посуды, хлеба — ничего не было. Пришлось оттуда уехать... [Оказалось, что] *Ибрāхīm Ацохел* был в *Утмāнй*. Я послал к нему людей. Они привезли всякую там посуду, хлеб. За этим дети и провели время...» [14, с. 309].

В этом же рассказе говорится о питьевой воде как основном элементе жизнеобеспечения: «Я намеревался остановиться в *Саробй*. Но [там] не было воды. Я послал людей в *Данбару*. Там тоже не было воды... Было около полуночи, когда мы приехали на стоянку *Мансўр-хāна*. Там тоже было мало воды... Всадники, которые ехали со мной, отправились в горное ущелье. Привезли [оттуда] воды...». *Афдал-хāн* иногда упоминает о колодцах (*кўхай*) как важнейших объектах поселений. В экстремальных ситуациях, связанных как со стихийными бедствиями, например засухой, так

и военными конфликтами, колодцы становились объектами строгого контроля или даже захвата. В речи на племенной джирге в марте 1723 г. Афдал обмолвился о том, что в период сильной засухи, случившейся в этом году, колодцы, принадлежавшие его племени, были конфискованы могольской администрацией [14, с. 442]. Источниками питьевой воды, естественно, были и реки. Хушхал-хан, неоднократно восхвалявший в своих стихах родную реку Ландай, обязательно упоминал о пригодности ее вод для питья². После резни с отрядами своего родного брата Намдәр-хана у переправы Гәдай в ноябре 1718 г. Афдал-хан отметил в своем дневнике в числе прочих фактов такой: «Рассказывают, что из-за этих мертвецов (тел погибших в стычке. — М. П.) жители Макхады и Баға в течение нескольких дней не пили воду из реки» [14, с. 417].

В сознании авторов «Хроники» еда — не только главный фактор жизнеобеспечения, но и важный аспект социализации. В паштунской среде еда воспринимается как обязательное угощение, диктуемое правилами гостеприимства, которое относится к ключевым понятиям афганского кодекса чести (*паштунвали*). Во время переездов по землям соседних племен в 1674 г. Хушхал-хан записывал в дневнике впечатления о гостеприимстве встречавших его людей: «По дороге афрйдаи хорошо принимали нас: [устраивали] угощения, развлечения и прочее...»; «Все [моманды] хорошо исполняли [законы] *паштунвали*, вели себя достойно. Угощения и прочее должным образом устраивали...»; «...Там я провел одну ночь. Хатаки и чужие [люди] зарезали для меня корову³...» [14, с. 323–324].

Иногда угощение по правилам гостеприимства может сочетаться с институтом феодального кормления — коллективной трапезы, организуемой сеньором в качестве вознаграждения служащим ему людям или для обеспечения лояльности со стороны потенциальных противников. Когда в марте 1719 г. во время военно-политического противостояния с Намдәр-ханом Афдал-хан приехал в хатакское селение Цотару, для подтверждения своего статуса и удержания местных жителей от перехода на сторону Намдәра ему с большой неохотой пришлось устроить коллективное угощение:

...Вместе с семьей я приехал в Цотару. Никто из этих собак Цотары не вышел ко мне [навстречу] кроме Шайисты Даврәна Бақйхела, который ведет свой род от Бахадур⁴. Он выказал достойную преданность. Я разместился в его домах и жилищах. Несколько дней те собаки ждали Намдәра: «Может, он нас позовет, что-то даст нам?» Когда они поняли, что у него нет до них дела, что он — могольский ставленник, то все они явились ко мне провести джиргу. Между полуденным и вечерним намазом пришло ко мне чetyреста человек, все стали моими гостями. Поневоле я подал им еду. На следующий день, когда они уезжали,

² Об этом он ярко говорит в стихах, написанных в период пребывания в индийском плену в 1664–1669 гг. В «Книге разлуки» Ландаю посвящен целый раздел — «Описание моей реки» [17, с. 41–43]. Первые семь бейтов этого раздела, восхваляющие именно питьевые качества воды из Ландая, начинаются словами: «Проточные воды Ландая / Соперничают с водой жизни...». В газели, написанной в Агре незадолго до освобождения, Хушхал сравнивает воду Ландая с водой великих индийских рек: «Может, еще доведется мне наполнить чашу твоей (Ландая. — М. П.) водой, / Какой издревле не было ни у Джамны, ни у Ганга» [18, с. 204].

³ Очевидно, речь идет о йусуфзайских землях к югу от городка Малаканд. Хушхал-хан проезжал эти места, направляясь в Свәтскую долину. По его словам, здесь он встретил кочевые семьи 'усмәнихелов, рәйизаев и хатаков орьәхелов, которые его принимали в качестве гостя.

⁴ Видимо, имеется в виду Бахадур-хан Хатак, один из дядьев Хушхала.

было у них пустое желание: «[Может], он даст что-нибудь нам?» Но ничего больше им дано не было... [14, с. 420].

За пределами племенной паштунской среды угощение тоже функционирует как значимый элемент этикета феодальных иерархических отношений. Приглашением на трапезу могольские власти одновременно демонстрируют свое благорасположение к имперским вассалам и проверяют их лояльность. Соответственно принятие или отклонение такого приглашения со стороны хатакских вождей, могольских *джайгирдаров* (землевладельцев-феодалов), всегда имеет политический смысл. В одном из фрагментов дневника Афдал-хана приглашение на трапезу со стороны могольского принца Бахадур-шаха прямо изображается как символический политический акт. В 1706 г., в период новых вооруженных столкновений с паштунскими племенами Хайбара, могольские власти были вынуждены выбирать себе союзника между Афдал-ханом и его дядей Бахрām-ханом, которые давно вели внутриплеменную войну. Когда моголы решили сделать ставку на Афдала, ему было послано приглашение на трапезу. О своей реакции на это приглашение Афдал пишет:

Я встретился с ним (Бахадур-шахом. — М. П.) и проехал с ним до его лагеря. Потом с дороги был отпущен домой. Он прислал мне сообщение: «Вечером приезжай, поешь здесь». Я послал ему ответ: «Ты — *вазир* падишаха. Твое угощение (зд. *айш* 'суп') — это честь. Пошли его ко мне домой, чтобы каждый его увидел». На следующий день, когда он собирался в дорогу, я встретился с ним. Он уединился со мной и долго беседовал... [14, с. 380].

Этикетное приглашение на трапезу со стороны служащих могольской администрации могло представлять угрозу, поскольку подобное мероприятие было одним из способов ареста местных правителей, подозреваемых в нелояльности или измене. Именно таким образом были арестованы и дед, и отец Афдала: Хушхал-хан — в январе 1664 г., Ашраф-хан — в мае 1681 г. Ашраф-хан был арестован в Пешаваре в доме некоего Саййида Бахлола по приказу кабульского наместника Амйр-хана. Афдал подробно рассказывает о перипетиях этого события:

[Амйр-хан] послал приказ об аресте досточтимого хана Радже Рам-Сингху, который был в Джамруде. Тот был *заминдаром* (землевладельцем. — М. П.), не согласился: «Это не мое дело». Тогда [Амйр-хан] написал Саййиду Бахлолу, сыну Шахмат-хана, который был в Пешаваре: «Любыми уловками и хитростями арестуй досточтимого хана!» Раджа Рам-Сингх уговорил досточтимого хана заехать в Джамруд... Намекнул ему: «В Пешавар не езди, проезжай мимо!» Но тот по причине своей верности поехал туда. Самолично приехал в дом Саййида Бахлола, [думая]: «Это — друг. Повидаюсь с ним, потом поеду [далее]». А тот у Всевышнего Господа именно это и просил. Сказал он ему: «Ты садись, а я схожу в дом, принесу какой-нибудь еды. Ты поешь, а потом поезжай». Он усадил его, а потом окружил его своими людьми, показал ему грамоту от Амйр-хана и арестовал его [14, с. 492–493].

Коварство, связанное с нарушением законов гостеприимства, очевидно, было для афганцев особенно возмутительным, и подобные случаи надолго фиксировались в исторической памяти народа. По словам Афдала, подлое убийство Малика Татара, приглашенного на угощение Касим-ханом, командиром могольской заставы в Дуаба, стало одной из причин войны моголов с гилдзяями в 1692 г.:

А началось все таким образом. Қасим-хән, который раньше, когда Амйр-хән приехал в Кабульскую провинцию, был у него командиром артиллерии, [теперь] командовал заставой в Дўабѡ. Он позвал Малика Татара в гости. По совету Амйр-хәна он положил перед ним дыню. Малик Татар стал есть ее. А он сзади ударил его клинком и отрубил ему голову. Взял он эту голову, сбежал из Дўабѡ, поехал в Кабул. Когда он прибыл в Кабул, Амйр-хән в городе устроил паштунам резню ... [14, с. 484].

Немногочисленные упоминания о том, что именно ели паштуны, во многом совпадают со сведениями «Хроники» о флоре и фауне восточного Паштунистана. Основу питания составляли продукты из злаковых растений: пшеницы, ячменя, проса, риса. Отвечая на вопрос императора Шāхджахāна (правил 1628–1658) о йўсуфзаях: «Чем они кормятся?», — Хўшхāl-хән сразу назвал два злака — пшеницу и ячмень [14, с. 278]. В рассказе о том, как Хўшхāl в детстве получил травму головы, упомянуто просо, которое хатакские женщины обмолачивали и ссыпали в мешки [14, с. 272]. В «Хронике» продукты переработки злаковых культур часто обозначаются общим понятием *халла* ('зерно', 'хлеб').

Самой обычной и распространенной едой из зерновых растений были лепешки (*доддѡй*) и каша (*йґра*). Для хатакских вождей такая еда была не только главным средством существования, но также признаком умеренности и даже откровенной бедности. Возмущаясь тем, что в неурожайном 1723 г. могольские власти установили для хатаков дополнительный налог в двенадцать тысяч рупий, Афдал-хән восклицает: «В таком положении, когда наши семьи перебивались кашей и ячменными лепешками (*ротѡй*), с племени был взят налог!» [14, с. 442–443]. В касыде «Хоть вырос я в служении моголам...» Хўшхāl-хән, наоборот, противопоставляет сытое феодальное служение идеалу свободной жизни со скромным достатком: «Если есть простая белая рисовая каша с пахтой (*йґра дѡ батѡ нѡ шломбо*), / Могольский плов мне не нужен: я сыт им по горло!» [18, с. 565].

В повседневный рацион афганцев входили также овощи и фрукты. Из овощных продуктов питания в «Хронике» упоминаются бобы, морковь, бахчевые растения (в основном дыни) [14, с. 314, 353 и др.]. Фрукты были в большей степени сезонными продуктами. Кроме того, плодовые деревья росли не везде, поскольку для их культивации требовались более благоприятные климатические условия и более существенные материальные затраты. Афдал рассказывает, что в его саду в городке Хайрāбāде рос тут [14, с. 380]. Примечательное описание плодовых садов содержится в речи Бахрāм-хāна, который в 1700 г. предлагал свою помощь моголам в завоевании богатого края Баннў. В вольной интерпретации Афдал-хāна, слова Бахрāма, уговаривающего могольских чиновников идти походом на Баннў, звучат как привлекающая реклама:

...Такой край я видел в Баннў! Триста крепостей там. Богатые водой [земли]. Обильные урожаи, сады повсюду. Везде, где ни поселишься, гранаты, айва, яблоки свисают над твоим шатром. И до сего дня никто туда не ходил. Если вы завладеете этим краем, не будет нужды везти казну из Индии в Кабульскую провинцию. Для расходов Кабульской провинции тамошних богатств будет достаточно! [14, с. 356].

Из других продуктов растениеводства в «Хронике» однажды упоминается также сахарный тростник [14, с. 314].

Мясные продукты употреблялись в пищу в меньшем количестве по сравнению с растительными, но тоже регулярно. В беседе с Хўшҳал-хāном император Шāхджахāн в своем втором вопросе о пище йўсуфзаев уточнил: «Какое мясо они едят?» Хўшҳал сказал о мясе крупного и мелкого рогатого скота — коров, буйволиц, овец, причем в дальнейшей беседе выяснилось, что особо ценная для приготовления еды баранина из курдючных пород была у паштунов редкостью. В «Хронике» имеется немало сообщений об уgone стад коров и буйволиц, а также о приготовлении говяжьего мяса в качестве угощения на разного рода социальных мероприятиях, включая племенные собрания и переговоры. Очевидно, именно говядина считалась самым ценным мясным продуктом. Другим немаловажным источником мясных продуктов у паштунов был охотничий промысел. В пищу шла вся добывавшаяся на охоте крупная и мелкая дичь, животные и птицы, в том числе упоминающиеся в разных фрагментах «Хроники» дикие козы, антилопы, муфлоны, зайцы, гуси, утки, дрофы, турачи и пр.

Кисломолочные продукты животноводства, разумеется, тоже постоянно употреблялись в пищу наравне с зерновыми культурами, однако в «Хронике» есть только единичные упоминания о кислом молоке и сыворотке. Эти продукты, видимо, служили в качестве легкой закуски. По дороге в Сарāй-Акору в феврале 1724 г. Афдал-хāн во время короткого отдыха в какой-то деревне попросил у хозяина дома, где он остановился, только кислого молока, разбавленного водой [14, с. 455].

Дополнительные сведения о пище паштунов содержатся в одной любопытной касыде Хўшҳал-хāна, которую можно отнести к жанру стихотворного трактата [18, с. 519–524]. Это произведение перекликается с большой поэмой-маснави Хўшҳала *Тибб-нама* («Книга о медицине») [19] и представляет собой своеобразный краткий справочник по народной медицине и диетологии. Автор дает здесь народные рецепты лечения разных заболеваний, делится советами о том, как сохранить здоровье, рассуждает о полезной и вредной для здоровья пище. В произведении приводятся десятки названий различных продуктов и кушаний, недугов и средств их исцеления. По словам Хўшҳала, например, лучшее молоко — козье, а лучшее животное масло — коровье; ослиное молоко помогает при кашле; редька улучшает пищеварение и удаляет камни из мочевого пузыря; дикая мята устраняет запоры; лук усиливает сексуальное возбуждение; настой меда с луком полезен для крови; алоэ как специя не уступает по качествам шафрану; в дороге следует есть много чеснока (видимо, в качестве антисептика); дыни следует обязательно есть с хлебом и т. д. По поводу еды в целом Хўшҳал-хāн делает замечательное резюме: «Пока очень не захочешь, не ешь! / Не жуй все время как скотина!» (подробнее см. [8, с. 173–174]).

О процессе приготовления и приема пищи в «Хронике» нет никаких сведений. Из кухонных приспособлений вне специального контекста и без какой-либо детализации упоминаются только традиционная печь (*танўр*), жаровня (*нҗарай*) и посуда в целом (*лошай*). Интерес представляет еще сообщение Афдал-хāна о том, что у него был собственный повар (*бāварчй*). В рассказе о драматической переправе через Инд осенью 1699 г. Афдал вспоминает такую подробность: «...А один мой кухарь по имени Бадон, которому было лет эдак семьдесят-восемьдесят и который вообще не умел плавать, волной был вынесен [на берег] целым и невредимым» [14, с. 355]. Тот факт, что тридцатичетырехлетний хатакский князь и его окружение пользовались поварскими услугами весьма пожилого человека, явно говорит о повышенном внимании

состоятельных паштунов к кулинарному мастерству и профессиональному опыту в деле приготовления пищи.

Литература

1. Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: АН СССР, 1954. 417 с.
2. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 2: Афганистан в новое время. М.: Наука, 1965. 550 с.
3. Caroe O. The Pathans 550 B. C. — A. D. 1957. London: Macmillan & Co., 1958. 522 p.
4. *Ахунд Дарвеза*. Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар (Жития праведных и грешных). Рук. ИВР РАН, № С 1560.
5. Кушев В. В. Афганская рукописная книга (очерки афганской письменной культуры). М.: Наука ГРВЛ, 1980. 192 с.
6. Кушев В. В. Материалы к истории Нангархара (из сочинения Ахунда Дарвезы «Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар», XVII в.) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 58–67.
7. Пелевин М. С. Жизнеописание «Светлого Учителя» по сочинениям Ахунда Дарвезы // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 115–138.
8. Пелевин М. С. Хушхал-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской национальной поэзии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 286 с.
9. Пелевин М. С. Афганская поэзия в первой половине — середине XVII в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 352 с.
10. De Beaurecueil S. de Laugier. Manuscrits d'Afghanistan. Le Caire: L'Institut français d'archéologie orientale, 1964. 420 p.
11. Хевадмал З. Дэ пашто адабийато тарйх (История литературы пашто). Пешавар: Даниш хпарандойа толэна, 1379/2000. (На языке пашто.) 278 с.
12. Камил Д. М. Муқаддама (Предисловие) // Тарйх-и мурасса'. Пешавар: University Book Agency, 1974. (На языке пашто.) С. 5–72.
13. Sarkar J. History of Aurangzib. Vol. III. Calcutta: M. C. Sarkar & Sons, 1921. 414 p.
14. Афдал-хан Хатак. Тарйх-и мурасса' (Украшенная драгоценностями история) / подготовка текста, предисловие, примечания: Д. М. Камил. Пешавар: University Book Agency, 1974. (На языке пашто.) 1494 с.
15. Пелевин М. С. Племенная хроника хатаков: текст и автор // Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию В. А. Лившица / под ред. С. Р. Тохтасьева, П. Б. Лурье. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 552–564.
16. Пелевин М. С. Метафоры и образные сравнения в языке афганской племенной хроники // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 13. Вып. 1. С. 71–81.
17. Хушхал-хан Хатак. Фирак-нама (Книга разлуки) / предисл., коммент., глоссарий: З. Хевадмал. Кабул: Университет Кабула, 1363/1984. (На языке пашто.) 198 с.
18. Хушхал-хан Хатак. Куллийат (Собрание сочинений) / предисл. и примеч.: Д. М. Камил Мо-манд. Пешавар: Идара-йи иш'ат-и сархадд-и Пешавар, 1952. (На языке пашто.) 968 с.
19. Хушхал-хан Хатак. Тибб-нама (Книга о медицине) / подготовка текста: С. Риштин. Кабул: Пашто Толэна, 1345/1966. (На языке пашто.) 58 с.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Пелевин Михаил Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, профессор;
mosprolege@gmail.com

Pelevin Mikhail S. — Doctor of philological sciences, Associate Professor, Professor;
mosprolege@gmail.com

М. В. Сологубова

ЭРМИТАЖНАЯ ЦИЛИНДРИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ ВАВИЛОНИИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГИНИ ВРАЧЕВАНИЯ ГУЛЫ: О СООТНОШЕНИИ НАДПИСИ И ИЗОБРАЖЕНИЯ В ГЛИПТИКЕ КАССИТСКОГО ПЕРИОДА¹

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Когда мы имеем дело с памятником, где изобразительность и надпись соседствуют, неизменно возникает вопрос: насколько текст и изображение соответствуют друг другу. Может ли текст пояснять изображение, а изображение — иллюстрировать текст?

В Месопотамии в середине II тыс. до н.э. божества, изображаемые на печатах, были лишены своих атрибутов и фактически «обезличены». Перед исследователями часто возникает вопрос, кто же был изображен на той или иной печати. В данной статье приведена попытка отождествить ряд изображений с определенными богами, опираясь не только на имеющиеся на печати или оттиске изображения, но также на их надписи. Библиогр. 24 назв. Ил. 4.

Ключевые слова: цилиндрические печати, касситы, божества, символы, атрибуты, Гула.

THE GODDESS GULA IN THE KASSITE GLYPHTIC: CORRELATIONS BETWEEN TEXT AND IMAGE

M. V. Sologubova

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Glyptic is one of the most characteristic artifacts of the Ancient Near East. Cylinder and stamp seals appeared to be widespread all over the Near East beginning from the 4th mil. B.C. The function of a seal was both of administrative and private character. Seals were used as administrative tools to mark personal property and cuneiform documents and as magical amulets. The surface of a seal was carved with the intaglio design depicting different ornaments, scenes and symbols. The most popular design at the 2nd mil. B.C. represented a scene of worshiping: the worshiper stood or knelt before a god or a goddess. But who were these gods? The seal designs of the middle of the 2nd mil. B.C. used to represent the deities without their symbols or attributes. The main aim of this article is to try and associate some of the images with concrete deities. The focus will be on the goddess Gula, who was one of the most represented goddesses of the 2nd mil. B.C. Refs 24. Figs 4.

Keywords: cylinder seals, Kassites, deities, symbols, attributes, Gula.

Появившись в середине IV тыс. до н.э., цилиндрические печати потеснили ранее использовавшиеся печати-штампы, которые получили распространение в Передней Азии уже в VII тыс. до н.э.²

Важнейшая функция печати — административная. Печать была личным знаком своего владельца, служила для опечатывания хозяйственных и юридических документов: ее прокатывали по сырой глине, нередко прямо поверх текста документа. Помимо документов для сохранности опечатывали контейнеры и сосуды, а также

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н.э.)» (СПбГУ: Тем. М2, ИАС 2.38.525.2013).

² Подробнее о развитии и распространении глиптики (т.е. резных камней, гемм, используемых для создания оттисков на мягких материалах — глине, воске и т.д.) на Древнем Ближнем Востоке см.: [1]

глиняные конверты, содержавшие таблички с письмами, и даже дверные проемы (ввиду отсутствия замков).

Печать, будучи личным знаком, обладала для владельца большой ценностью, поэтому печати нередко делались из ценных пород камней. На поверхность каменной печати резчик мог наносить как изображение, так и надпись с упоминанием имени владельца и его профессии. Это позволяет выделять две составляющие печати: поле изображения и поле надписи.

Цилиндрические печати имели сквозное продольное отверстие, куда продевался шнурок или цепочка, благодаря которым печать можно было носить на себе, чаще всего — на шее или запястье. Из-за ношения на теле печать, подобно амулету, также имела защитные и магические функции³. Начиная с периода Ур III (2112–2004 гг. до н. э.) подобная функция месопотамской печати отражается уже не только в нанесенном на нее изображении, но и в сопровождающей изображение надписи. Время от времени на печатях, помимо стандартной надписи, содержащей имя и профессию владельца, появляются небольшие надписи с обращениями к божеству. Хотя надписи встречаются уже в глиптике старовавилонского периода (1894–1595 гг. до н. э.), наибольшее распространение они получают в так называемый касситский период истории Вавилонии (1595–1155 гг. до н. э.) [3].

В собрании Государственного Эрмитажа хранится одна цилиндрическая печать касситского периода (рис. 1)⁴. Она вырезана из халцедона. Сохранность ее достаточно хорошая за исключением небольшого скола в нижней части, который на самой печати почти не заметен, но на оттиске оказывается прямо в середине изображенной сцены.

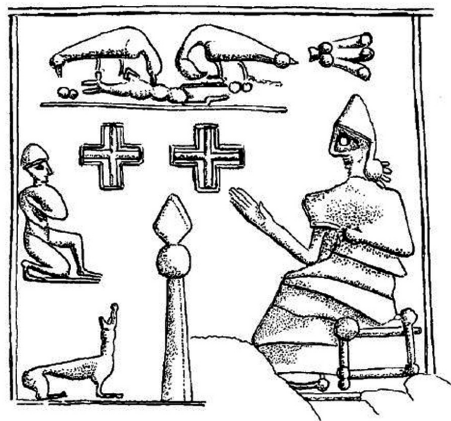

Рис. 1. Прорисовка изображения с оттиска цилиндрической печати из Государственного Эрмитажа (выполнена по [4, п. 27])

³ О функции печати в Месопотамии см.: [2]

⁴ Номер по инвентарю ГЭ ДВ-6516. Длина 4,5 см, диаметр 1,6 см. Фотография оттиска печати была приведена в работе А. Лимэ, посвященной надписям на касситских печатях [5]. Там же представлены транслитерация и перевод надписи. В прорисовке рис. 1 надпись опущена.

Судя по характеру ниспадающей на спину части головного убора и отсутствию бороды, справа изображена сидящая на троне богиня. Левая ее рука прижата к груди, правая простерта в благословляющем жесте. Лицо ее обращено к адоранту, находящемуся слева — это маленькая коленопреклоненная фигурка мужчины в молитвенной позе. Подобные сцены — с богом или богиней, восседающими на троне, и адорантом перед ними — известны с конца III тыс. до н.э. В верхнем регистре, отделенном от основного изображения чертой, изображены хищные птицы, клюющие небольшое рогатое животное. Все это характерно для так называемого псевдокасситского стиля⁵.

В глиптике II тыс. до н.э. фигуры божеств не обладают особыми отличительными чертами, которые были им присущи в III тыс. до н.э. Во-первых, нередко отсутствует головной убор, украшенный рогами, — главный месопотамский символ божественности. Во-вторых, личные атрибуты божеств, которые делали их узнаваемыми, изображаются все реже: если в старовавилонский период божество еще может быть изображено вместе со своим атрибутом⁶, то в касситский период эта практика практически полностью исчезает.

Эрмитажная печать необычна сочетанием нескольких деталей. С одной стороны, богиня изображена без атрибутов. С другой — о том, что перед нами именно божество, можно судить по позе (она сидит) и тому, что ее изображение расположено справа. Божество окружает ряд символов: лопата (инструмент для прокапывания канавок), два касситских креста, муха и собака.

Так называемый касситский крест — один из самых распространенных символов, встречающихся на печатях касситского времени. Чаще всего он изображался на печатях первого и псевдокасситского стиля. Трактовка этого символа была предложена Э.Эренберг: касситский крест «мог быть символом верховного божества, говоря о вавилонском пантеоне — бога Мардука» [9, р. 66]. В предшествующую эпоху символом Мардука — верховного бога Вавилона — служила лопата [10, р. 1], которая также присутствует на печати из Эрмитажа. Это сочетание весьма необычно, поскольку для касситской глиптики в целом не характерно присутствие традиционных символов божеств вавилонского пантеона⁷. Собака же служила символом и атрибутом богини врачевания Гулы и на печатях старовавилонского периода часто изображалась сидящей у ног этой богини [11].

Надпись на печати подтверждает отождествление сидящего персонажа с богиней Гулой.

Эту надпись можно назвать стандартной для касситской эпохи. А. Лимэ относил надписи такого вида к 7-й группе⁸, для которой характерно использование эпитета

⁵ Классификация стилей в касситской глиптике была введена Т. Бераном [6], позднее дополнена Э. Порадой [7] и Д. Мэттьюсом [8]. Всего в касситской глиптике выделяют 4 стиля. Подробнее см.: [8, р. 4–62].

⁶ Атрибутом божества могло быть либо животное, часто гибридное (крылатый бык у Адада, дракон у Мардука и т. д.), либо жезл с определенным навершием (например, жезл с львиными головами у бога Нинурты).

⁷ В касситский период появляются новые символы, интерпретировать которые затруднительно: это касситский крест, ромб, муха, саранча и розетка.

⁸ А. Лимэ опубликовал более 300 надписей на касситских печатях, разделив их на 10 групп по признакам: языка (шумерский, аккадский), набора лексики и глагольных форм. Примеры надписей группы 7 см.: [5, р. 93–102].

«слуга твой благоговеющий» по отношению к владельцу печати, чье имя либо выписывалось следом за эпитетом, либо отсутствовало⁹, а также использование глаголов *retû* (акк. быть милосердным) и *râtu* (акк. любить) в форме императивов. Надпись на аккадском языке записана слоговым образом с использованием нескольких шумерограм:

^d Gu-la UMUN GAL KI	Гула, великая госпожа земли,
re-mi ra-a-mi	смилуйся (надо мной) и возлюби меня.
İR pa-li-iḫ-ki	Слуга твой благоговеющий,
^m Bur-ra-x-x	Бурра ¹⁰ -?

Надпись представляет собой молитву — обращение к божеству, здесь — к богине-покровительнице врачевания¹¹ Гуле, со стандартной просьбой: «смилуйся и возлюби».

В качестве образцов глиптики для аналогии привлекаются не только сами сохранившиеся печати, но и оттиски не дошедших до нас печатей на документах и других предметах. Среди оттисков касситских печатей из архива города Ниппура, опубликованных Д. Меттьюсом, изображение собаки встречается не менее десятка раз. Один из оттисков¹² (рис. 2) содержит также надпись.

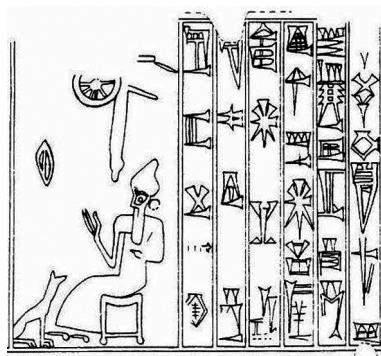

Рис. 2. Прорисовка изображения (компиляция) с оттиска несохранившейся цилиндрической печати с трех булл из Музея антропологии и археологии Пенсильванского университета (выполнена по [8, p. 31])

⁹ Для надписей на касситских печатях вообще характерно отсутствие имени владельца, в отличие от предшествующих и последующих эпох.

¹⁰ Имя владельца печати начинается с компонента «Бурра», вероятно, касситского происхождения, этимология которого неизвестна. Этот же компонент входит в состав имени касситского правителя Бурра-Бурияша (Буриаш — имя одного из касситских божеств). Интерпретация последних двух знаков имени затруднительна.

¹¹ В Месопотамии все недуги делили на два типа: физического и магического происхождения. Излечением недугов первого типа занимались *asû* (акк. «лекарь» [12, p. 344–345]), второго типа — *āšīru* (акк. «экзорцист») [12, p. 431–433]. Богиня Гула отвечала за лечение болезней физического характера и была покровительницей лекарей — *asû*.

¹² Изображение на оттиске было скомпилировано Д. М. Меттьюсом на основании прокатов на трех предметах: на двух буллах, назначение которых неизвестно, и на ярлыке кувшина.

На изображении мы видим сидящего бога, который поднял правую руку в благословляющем жесте. У его ног сидит собака. Выше видны два символа: ромб¹³ и розетка¹⁴.

Надпись состоит из шести столбцов и записана на аккадском языке. Текст представляет собой молитву Гуле и Нинурте, супругу богини Гулы, имя которого часто встречается вместе с именем Гулы в молитвах и заклинаниях об исцелении больного¹⁵:

<i>[a]k-pu-ud lu né-me-lu</i>	Я (так) старался ради дохода,
<i>ú-tu-lu du-um-qu</i>	дождей ¹⁶ и успеха.
<i>su-pe-e ša ^dNin-urta</i>	Я молился Нинурте
<i>ù ^dGu-la</i>	и Гуле,
<i>aš-ša-ba-at</i>	
<i>da-ma-qa lu-mur</i>	чтобы увидеть (их) доброту.

В изображении на этом оттиске фигуры самой богини Гулы нет, однако присутствует ее символ — собака. Стоит отметить, что в поле изображения собака занимает то же место, что и на печати из Государственного Эрмитажа, — нижний левый угол.

Третий пример — это изображение на касситской печати¹⁷ из Британского музея (рис. 3), которое во многом напоминает нам вышеописанный оттиск. Справа — фигура сидящего божества, правая рука которого поднята в благословляющем жесте. Слева, у ног божества сидит собака. Выше — ряд символов: голова козла, растение, ромб, касситский крест и розетка.

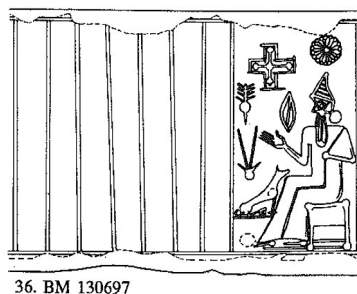

Рис. 3. Прорисовка изображения с оттиска цилиндрической печати из Британского Музея (выполнена по [4, п. 36])

¹³ Ромб — это схематичное изображение колоса [13, р. 115]. По одной из версий ромб мог быть символом Царпаниту, богини плодородия и жены верховного бога вавилонского пантеона II тыс. до н. э. Мардука. «Крест» — предположительно символ Мардука и ромб часто встречаются рядом на печатях касситского периода, что также послужило одним из доводов в пользу того, что символ ромб мог принадлежать богине Царпаниту [9, р. 3].

¹⁴ Начиная с IV тыс. до н. э. розетка появляется на многочисленных артефактах. Вероятно, ее следует ассоциировать с неким женским божеством. Иногда розетка могла заменять ряд астральных символов, в том числе традиционную «звезду Иштар», что особенно характерно для иконографии середины II тыс. до н. э. [14, р. 151–152].

¹⁵ Подобные надписи встречаются и на других печатях касситского времени. В некоторых из них упоминаются иные пары божеств, например Мардук и Царпаниту, Амурру и Нин-эгал, в остальном они почти полностью совпадают [15, р. 46–47].

¹⁶ Акк. *utullu* — «дождь», хотя для среднеавилонского периода типичен другой вариант лексемы — *tulūlu* [16, р. 344]. Я следую за А. Лимэ: см. перевод надписей группы 9 [5, р. 109–112].

¹⁷ Печать выполнена из яшмы; ее длина 3,6 см, диаметр 1,6 см. В прорисовке оттиска (рис. 3) надпись не воспроизведена.

Надпись из семи столбцов составлена на аккадском языке, на что указывает последняя глагольная форма *še-me* (от акк. *šetû* — «слышать»).

^d <i>Gu-la</i> UMUN GAL	Гула, великая госпожа,
GIŠ.TUKU ŠUDÙ.BI	внимающая молитвам и
[NÍG].BA TI. LA	(и) дарующая жизнь!
[šá]- ^d LAMA ₂ .SIG ₅	Ша-ламасси-дамки,
ÌR NÍ.TUKU.NI	слуга ее благоговейший,-
ARḪUŠ TUKU.NA. AB	смилуйся над ним.
^d <i>Nin-urta še-me</i>	Услышь, Нинурта!

Поскольку молитва обращена к Гуле, в тексте присутствует эпитет, характерный именно для богини врачевания: «дарующая жизнь». Последняя строка с обращением к Нинурте может показаться лишней, однако это не поздняя приписка: знаки этой строки не выходят за рамки поля надписи¹⁸. Хотя здесь, как и в надписи на предыдущем оттиске, упоминается супруг Гулы, бог Нинурта, ни символа, ни атрибута Нинурты в изображении нет.

Еще одну любопытную аналогию составляет печать из коллекции Библиотеки и Музея Моргана (рис. 4)¹⁹. На печати изображена следующая сцена: божество, сидящее на троне, и стоящая женская фигура перед ним. Бог (на то, что это мужское божество, указывает борода), изображенный справа, длиннород, одет в длинные

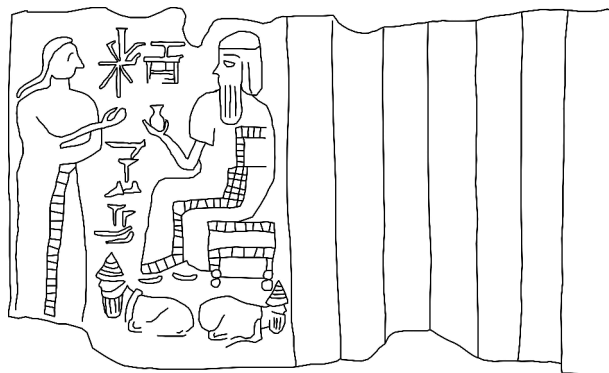

Рис. 4. Прорисовка оттиска цилиндрической печати из Библиотеки и Музея Моргана (выполнена по [17, n. 575e])

одежды, в правой руке держит небольшой сосуд. Под его тронем изображены два лежащих человекоголовых быка — оба с длинными бородами и в высоких головных уборах, возможно, увенчанных рогами. Женская фигура стоит слева, обращена лицом к богу. Надпись на этой печати указывает имя владельца и род его занятий, однако, в отличие от всех представленных ранее надписей, не содержит молитв.

¹⁸ Для сравнения см. следующий пример (рис. 4), где последняя строка с именем божества выписана в середине поля изображения.

¹⁹ По публикации [14, n. 575e]. В прорисовке оттиска текст в поле надписи не воспроизведен.

<i>ma-an-nu-gi-ir</i> ^d Š[A.ZU]	Маннутир-Мардук,
MÁŠ.ŠU. GÍD. GÍD	гаруспик ²⁰ ,
DUMU <i>i-ri-ba</i> ^d AMAR. UTU	сын Ириба-Мардука,
NUMUN <i>l̄-si-in</i> ^{ki}	выходец из Исины,
<i>i-li-it-t[i]</i>	уроженец
KÁ.DINGIR. RA ^{ki}	Вавилона,
SAG. ÚŠ ša ^d ŠA. [ZU]	каяману ²¹ Мардука
ù ^d Gu-la	и Гулы.

В поле изображения также вставлены несколько клинописных знаков, по всей видимости, сделанных намеренно, а не из-за недостатка места. Знаки, расположенные между фигурами, таковы: Û и DINGIR, ниже — GU и LA, т. е. ù^dGu-la «и Гула».

Богиня Гула ассоциировалась с образом собаки уже с XIX в. до н. э. Одно из самых ранних упоминаний ее имени во II тыс. до н. э. встречается на миниатюрных каменных фигурках собак, несущих на спинах сосуды. Эти фигурки, посвященные богине Гуле за жизнь правителя I династии Вавилона Суму-ла-эля (1880–1845 гг. до н. э.), были найдены в Южном Ираке на территории Телло, древнего месопотамского города Гирсу [20, p. 15].

Изображение собаки можно часто встретить на печатях старовавилонского времени, однако ассоциировать их с Гулой можно лишь тогда, когда в надписи печати упоминается имя богини.

Иногда антропоморфного персонажа на печатях можно отождествить с Гулой по косвенным признакам. По мнению Г. Коллбоу, один из таких случаев засвидетельствован на печати из Сиппара, принадлежавшей, как указывает надпись, жрецу богини Гулы. На печати изображена сидящая богиня, а рядом с ней — скипетр с львиными головами, служивший символом и атрибутом бога Нинурты, супругой которого и была богиня Гула [21].

В касситский период Гула была одной из наиболее почитаемых богинь. Ее святилища и храмы находились не только в Исине, но и в Ниппуре, Сиппаре, Вавилоне, Борсиппе и Дур-Куригальзу. Крупным центром культа Гулы был Сиппар. При раскопках Сиппара в слоях, относящихся к касситскому периоду, были найдены многочисленные глиняные фигурки собак. На нескольких фигурках есть надпись с молитвой к богине Гуле²².

Антропоморфное изображение богини Гулы в касситскую эпоху встречается на стелах-кудурру. Кудурру были монументальными договорами дарения земли, хранившимися в храмовых архивах. Помимо текста, знаменующего сам акт дарения, на кудурру изображались символы божеств. После падения касситской династии и вторжения эламитян в Вавилонию в 1155 гг. до н. э. многие кудурру, как и другие

²⁰ MÁŠ.ŠU. GÍD. GÍD — жрец, гадающий по внутренностям животных [18, p. 121]. Русскоязычный термин для обозначения этой профессии — «гаруспик» — этрусского происхождения.

²¹ Акк. *kajamānu* — «привычный», «неизменный», «располагающий к доверию». Встречается в контексте с предсказаниями [19, p. 38]. Возможно, владелец этой печати, будучи гаруспиком, служил при храме Гулы и Мардука. Фактически, будучи предсказателем, он передавал божественное слово и был «доверенным» этих божеств. В данном случае *kajamānu* — термин, использующийся по отношению к жрецу — MÁŠ.ŠU. GÍD. GÍD, Маннутир-Мардуку, владельцу печати.

²² Две самые известные фигурки находятся в коллекции Британского музея (BM 81-7-1-3395).

памятники²³, были вывезены в Элам. На нескольких кудурру эламитяне приписали имена богов рядом с их символами [22, р. 15]. Благодаря этим «ярлыкам» известно, какой символ ассоциировался с каким божеством.

Помимо символов, на кудурру также встречаются антропоморфные изображения божеств. Чаще всего изображается как раз богиня Гула. Она могла быть изображена со своим атрибутом, собакой, или без нее. На двух кудурру (SB-31 и SB-50²⁴) богиня изображена без собаки, но рядом выписано ее имя, приписанное эламитянами.

В I тыс. до н. э. образ богини Гулы прочно укоренился на новоассирийских и нововавилонских печатях, на которых богиню сопровождала не только собака, но еще и скальпель. При этом Гула могла выступать либо как врачевательница, либо как сторонний наблюдатель за процессом исцеления. В I тыс. до н. э. Гула была одним из самых изображаемых божеств на печатях²⁵.

В глиптике касситского периода из-за отсутствия привычных атрибутов антропоморфные изображения божеств редко можно отождествить с каким-то конкретным богом или богиней. При этом в надписях на касситских печатях богиня Гула упоминается чаще других богинь, и ее символ — собака встречается на изображениях гораздо чаще символов остальных божеств.

На примере четырех печатей и оттисков мы рассмотрели те случаи, когда благодаря сочетанию надписи и изображения можно предположить, какое именно божество изображено на печати. В каждой из представленных надписей упоминается имя богини Гулы. Три надписи (рис. 1–3) содержат молитву к богине Гуле. В тексте четвертой надписи (рис. 4) Гула упоминается в качестве одного из божеств-покровителей владельца печати.

На двух изображениях (рис. 2 и 3) есть символ этой богини — собака. Здесь же упоминается супруг богини Гулы — Нинурта.

Сцена, изображенная на четвертой печати (рис. 4), очень характерна для глиптики II тыс. до н. э. — сидящее мужское божество и личный бог-заступник/заступница владельца печати. Рядом с фигурой богини-заступницы вырезано имя Гулы, что может говорить о том, что богиней-покровительницей владельца печати была именно Гула, которая и изображена на печати.

Что же касается эрмитажной печати (рис. 1), то она уникальна совокупностью описанных деталей: а) в надписи упоминается имя богини Гулы, б) тут же изображена и сама сидящая богиня, в) как и типичный символ богини Гулы — собака.

На стелах-кудурру касситского периода изображения Гулы вместе с ее собакой встречаются довольно часто. Однако в глиптике подобные сцены не засвидетельствованы. Исключение составляет печать из Государственного Эрмитажа ДВ-6516.

Литература

1. Porada E. «Why Cylinder Seals?»: Engraved Cylindrical Seal Stones of the Ancient Near East, Fourth to First Millennium B. C. // *Art Bulletin*. N 75. 1993. P. 563–582.

2. Golerick L., Gwinnett A. J. The Ancient near Eastern Cylinder Seal as Social Emblem and Status Symbol // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 49, N 1. 1990. P. 45–56.

²³ Стела с законами Хаммурапи и стела Нарам-Сина были найдены французской экспедицией именно на прежней территории эламского государства, в его столице Сузах.

²⁴ Инвентарные номера коллекции музея Лувра. Опубликовано в [23; 24].

²⁵ Подробнее об иконографии богини Гулы на печатях I тыс. до н. э. см. [20, р. 20–23].

3. *Gelb I. J.* Typology of Mesopotamian Seal Inscriptions // Seals and Sealing in the Ancient Near East. *Biblioteca Mesopotamica* 6. Malibu, 1977. P. 107–126.
4. *Matthews D. M.* Principles of Composition in Near Eastern Glyptic of the Late Second mil. B. C. Freiburg; Göttingen, 1990. 166 p.
5. *Limet H.* Les légendes des sceaux cassites. Bruxelles. Bruxelles: Académie Royale de Belgique, 1971. 140 p.
6. *Beran T.* Die babylonische Glyptik der Kassitenzeit // *Archiv für Orientforschung*. Vol. 18. 1957. P. 255–278.
7. *Porada E.* Tchoga Zanbil (Dur-Untash). Vol. IV: La glyptique. Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran. Paris, 1970. 166 p.
8. *Matthews D. M.* The Kassite Glyptic of Nippur. Freiburg; Göttingen, 1992. 153 p.
9. *Ehrenberg E.* The Kassite Cross Revisited // Mining the Archives. Festschrift for Christopher Walker on his Occasion of his 60th Birthday. Dresden, 2002. P. 65–74.
10. *Ritter N. C.* Spade // Egger J., Uehlinger Ch. (eds.) Iconography of Deities and Demons: Electronic Pre-Publication Last Revision: 23 April 2009. URL: http://www.religionswissenschaft.uzh.ch/idd/prepublications/e_idd_spade.pdf
11. *Collon D.* Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals III: Isin/Larsa and Old Babylonian Periods. London: British Museum Press, 1986. 241 p.
12. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 1. A. part 2. Chicago: The Oriental University Press, 1968. 531 p.
13. *Buren E. D. van.* Symbols of the Gods in Mesopotamian Art. Rome, 1945. 191 p.
14. *Ornan T.* The Triumph of Symbols. Freiburg; Göttingen, 2005. 284 p.
15. *Lambert W. G.* Objects Inscribed and Uninscribed // *Archiv für Orientforschung*. Vol. 23. 1970. P. 46–51.
16. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. XX: U/W. Chicago: The Oriental University Press, 2010. 411 p.
17. *Porada E.* The Collection of the Pierpont Morgan Library. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections I (The Bollingen Series XIV. Vol. 1). Washington: The Bollingen Foundation, 1947. 81 p.
18. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 2: B. Chicago: The Oriental University Press, 1965. 366 p.
19. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 8: K. Chicago: The Oriental University Press, 1971. 617 p.
20. *Ornan T.* The Goddess Gula and Her Dog // *Israel Museum Studies in Archaeology*. Vol. 3. 2004. P. 13–30.
21. *Collbow G.* Die Siegel der Sanga des Gula-Tempel in Sippar: Ein klarer Fall von Familientradition? // *Akkadica*. N 116. 2000. P. 34–41.
22. *Black J., Green A.* Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An illustrated dictionary. London, 1992. 192 p.
23. *Seidl U.* Die babylonischen Kudurru-Reliefs. Freiburg; Göttingen, 1989, S. 235
24. *Slanski K. E.* The Babylonian Entitlement narû's (kudurrus). A Study in Their Form and Function. Boston, 2003. 362 p.

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Сологубова Мария Вячеславовна — старший преподаватель, лаборант Отдела Востока Государственного Эрмитажа; sologubova@hermitage.ru

Sologubova Maria V. — Senior Lecturer, Assistant curator of the Oriental Department of The State Hermitage Museum; sologubova@hermitage.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 33-339

Ши Илин

КИТАЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ДИНАСТИИ ЦИН (1861–1911)

Пекинский университет иностранных языков,
КНР, 100089, Пекин, ул. Сисанхуан, 2

Торгово-экономические отношения Китая и Австралии в поздний период династии Цин могут быть разделены на две стадии — первые 20 лет (1861–1881) и последующие 30 лет (1881–1911). На первой стадии Китай являлся третьим крупнейшим торговым партнером Австралии с большим активным сальдо, причиной которого был вывоз чая в Австралию. На второй стадии экспорт китайского чая встретился с серьезным соперничеством со стороны Индии и Цейлона, количество китайского чая на австралийском рынке резко снизилось. В начале XX в. двусторонний торговый баланс изменился в пользу Австралии. Китай вывозил главным образом сельскохозяйственные товары, а на ввоз приходились в основном полезные ископаемые. Структура экспорта и импорта отражала сравнительные преимущества Китая и Австралии, и ее изменения свидетельствовали об этапах социально-экономического развития двух стран. Библиогр. 31 назв. Табл. 8.

Ключевые слова: Китай, Австралия, торговля, династия Цин, 1861–1911.

CHINESE-AUSTRALIAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS IN THE LATER QING DYNASTY (1861–1911)

Shi Yilin

Beijing Foreign Studies University, 2, Xisanhuan, Beijing, 100089, China

China-Australia economic and trade relations in the Later Qing Dynasty can be divided into two stages: the first 20 years from 1861 to 1881 and the last 30 years from 1881 to 1911. At the first stage, being the third largest trading partner of Australia, China had huge trade surplus. The main reason for disequilibrium in balance of payment is the tea export to Australia. At the second stage, faced with numerous challenges from India and Ceylon, the proportion of Chinese tea on the Australian market gradually fell, and finally at the beginning of the 20th century the trade balance had changed in favour of Australia. China exported to Australia mainly agricultural goods and imported from there mineral products. Structure of exports and imports reflected the relative strength of the two economies and changing product lines were closely connected with the historical trend of economic and social evolution of the two countries. Refs 31. Tables 8.

Keywords: China, Australia, trade, Later Qing Dynasty.

Торгово-экономические отношения Китая и Австралии ведут свой отсчет с самого основания британской колонии на Австралийском континенте. Еще в 1788 г. некоторые суда королевского флота, доставив в Австралию заключенных, на обратном пути заходили в морские порты китайской провинции Гуандун, откуда возвращались в Лондон с грузом различных товаров [1, с. 4]. В дальнейшем на обратном пути после доставки ссыльных команды многих судов охотились на тюленей и поставляли их шкуры в Китай [2, с. 37]. О первых товарах, завезенных из Китая в Англию и Австралию, до сих пор не обнаружено каких-либо значительных исторических свидетельств, тем не менее в архивных документах можно обнаружить некоторые детали. Одна из ссыльных женщин в письме домой писала: «Единственное утешение здесь — это весть о том, что мы будем обеспечены китайским чаем» [3, с. 746–747]. Другое упоминание можно найти в китайских газетах: в 1845 г. на свадьбе дочери одного из знаменитых людей Австралии невеста получила в подарок платок из китайского шелка, который, как оказалось, был куплен судовладельцем в Шанхае, куда он заходил для загрузки чая [4, с. 21]. В обоих случаях шла речь о китайском чае, что свидетельствует о том, что он был одним из первых товаров китайско-австралийской торговли.

Китайско-австралийская торговля раннего периода не рассматривается в настоящей статье за неимением статистических данных. Считается, что масштабная торговля между двумя странами началась с 1850 г., когда Австралию охватила «золотая лихорадка» и туда потянулась масса рабочих и бизнесменов из Китая, что способствовало развитию двусторонних торговых отношений [5, с. 65].

Китайско-австралийская торговля в 1861–1881 годах

В середине XIX в. главными торговыми партнерами Австралии были Великобритания, США и Китай. Их доля во внешнем товарообороте Австралии составляла 80%.

В свою очередь, товарооборот между Великобританией и Австралией превышал 70%, так как Великобритания являлась метрополией Австралии. С 1830 г. в Австралии стремительными темпами начало развиваться овцеводство, и основной экспортной продукцией стала шерсть. Практически весь объем австралийской шерсти экспортировался в Англию, на чьем рынке ее доля составляла 10% в 1830 г., 25% в 1840-м и 50% в 1850 г. Экспорт шерсти приносил 90% прибыли от общего объема экспорта Австралии [6, с. 466]. В свою очередь, Англия была главным поставщиком промышленных и бытовых товаров на австралийский рынок: объем импорта этих товаров составлял более 70%. В 1861 г. внешний товарооборот австралийских колоний составлял около 35 млн фунтов стерлингов, из которых 25,7 млн (73% от общего товарооборота) приносила торговля с Англией. В 1871 и в 1881 гг. экспорт и импорт Австралии и Великобритании составляли 30,5 и 50 млн фунтов стерлингов соответственно, т. е. 76% и 77,5% от общего объема внешнего товарооборота Австралии (40 и 64,5 млн. фунтов стерлингов).

США были вторым крупнейшим торговым партнером Австралии. Но по сравнению с Великобританией объемы австралийско-американской торговли были гораздо скромнее: в 1861 г. — 1,16 млн фунтов стерлингов (3,3% внешнего товарообо-

рота Австралии), а в 1871 и в 1881 гг. эти цифры составляли 980 тыс. (2,5%) и 2,9 млн. (4,5%) соответственно.

Третьим крупнейшим торговым партнером Австралии был Китай, но товарооборот между ними также был невелик — всего около 2% от внешнего товарооборота Австралии. Сумма экспорта и импорта Китая в 1861 г. составляла 94 тыс. фунтов стерлингов, или 2,7% внешнего товарооборота австралийских колоний, 900 тыс. фунтов стерлингов (2,3%) в 1871 г. и 1,5 млн фунтов стерлингов (2,3%) в 1881 г.

Остальные страны занимали весьма скромные позиции — их доли не превышали одного процента от внешней торговли Австралии. Так, доли Франции и Нидерландов, занимавших четвертое и пятое места, составили всего 0,7% и 0,6%.

Если внимательно изучить детали китайско-австралийской торговли, то можно заметить явное преимущество экспорта Китая в Австралию над импортом из этой страны. Их разница в 1871 г. была 37:1 (табл. 1).

Таблица 1. Экспорт и импорт Китая и Австралии, фунты стерлингов

Годы	Экспорт Китая в Австралию	Импорт Китая из Австралии	Нетто-экспорт Китая
1861	827 347	114 149	713 198
1871	874 925	29 137	845 788
1881	1 430 993	78 599	1 352 394

Источник: [7, с. 22].

Это обстоятельство предопределялось этапом исторического развития экономики и торговли между Китаем и Австралией.

Как известно, с момента основания английских колоний на Австралийском континенте их судьбы были тесно связаны со своей метрополией. Стремительное развитие овцеводства в Австралии и рост экспорта шерсти из страны происходили на фоне индустриализации текстильной промышленности Великобритании, которая активно искала рынки сбыта товаров и нуждалась в постоянном обеспечении сырьем. Вместе с тем бум экспорта шерсти и «золотая лихорадка» привлекали в Австралию все большее количество эмигрантов, а увеличение населения и быстрое повышение жизненного уровня означали расширение потребительского рынка, что позволяло импортировать и реализовывать большее количество импортных товаров. Именно связь с Великобританией способствовала первому экономическому росту Австралии.

Что касается экономики Китая и экономики Австралии, то тут наблюдается совсем небольшое количество общих интересов: Австралия экспортировала в основном шерсть, которая в Китае была не очень востребована, поскольку полуфеодальный и полуколониальный Китай не имел мощностей для ее переработки. В те времена Китай импортировал промышленные товары и различные товары широкого потребления, но он не мог конкурировать на рынке Австралии с Соединенным Королевством и США. Попытки австралийцев завоевать китайский рынок шерсти и мяса также не увенчались успехом. Об этом говорилось в статистическом ежегоднике Австралии: «Торговля с востоком имеет перспективу, особенно торговля с Индией, Китаем, Японией и восточно-индийским Архипелагом, где рынки для австралийской шерсти будут, возможно, со временем открыты. Но в настоящее время товарооборот с этими странами очень мал» [8, с. 58].

О попытках австралийцев завоевать китайский рынок шерсти писал генеральный консул Великобритании в Шанхае в «Торговом докладе Шанхая за 1885 год»:

Ко мне обратились с вопросом о возможности сбыта шерсти Австралии и Новой Зеландии на рынке Китая. Я хочу напомнить, что в настоящее время этот товар все больше экспортируется в Китай. Как я отметил раньше, шерстяные товары, кроме некоторых видов, в ближайшем будущем не имеют возможности расширения на здешнем рынке, а спроса на сырье еще меньше [9, с. 698].

Причины неудачи, помимо ограниченной потребительской способности и высокой стоимости транспортировки, заключались в том, что китайский рынок в достаточной степени обеспечивали местные производители. Об этом писал консул Британского королевства в Шанхае Артур Давенпорт в «Торговом докладе Шанхая за 1878 год»:

В 1878 году я получил письмо из Австралии, в котором спрашивали о возможности сбыта животных мясного типа в Шанхае. Хочу сказать, что по ряду причин в этом районе Китая от продажи скота невозможно получить прибыль, к тому же на севере страны поставки мяса в достаточной мере обеспечиваются из монгольской степи [9, с. 506].

Тем, в чем нуждался Китай и что могла поставлять Австралия, был каменный уголь. Австралия богата угольными ресурсами, еще в 1797 г. здесь были обнаружены крупные залежи угля. Австралийский уголь экспортировали в основном в Индию, Китай и Соединенные Штаты. К середине XIX в. спрос Китая на уголь быстро увеличивался. После Второй опиумной войны, и особенно начиная с 1860 г., в Китае стало появляться все больше национальных промышленных предприятий. Многие мастерские и ремонтные заводы работали на угольном топливе, речные суда также использовали в качестве топлива уголь. Однако объемы добычи местного угля не могли удовлетворить спрос, поэтому Китаю необходимо было импортировать его из-за границы. В 1860 г. Китай импортировал уголь чаще всего из Великобритании и Австралии. По сравнению с британским, австралийский уголь имел ценовое преимущество. «Среди всех стран, — сообщалось в «Торговом докладе Шанхая», — уголь из Австралии быстро увеличивает свою долю. В условиях роста цен на британский уголь многие суда перешли на использование австралийского угля» [9, с. 102].

Кроме каменного угля Австралия не могла предложить других необходимых китайской экономике товаров, однако ни по цене, ни по количеству, в котором его экспортировала Австралия, уголь не мог сравниться с китайским чаем. Вот почему в финансовых расчетах между Китаем и Австралией существовало многолетнее положительное сальдо в пользу Китая. С XVIII в. чай стал самым крупным экспортным товаром Китая и до середины XIX в. доминировал как на международном рынке, так и на рынке Австралии.

Нам кажется странным, что будучи потомками европейцев, австралийцы потребляют гораздо больше чая, чем англичане или американцы, тогда как любимый европейцам кофе не пользуется у них большой популярностью: его продажи значительно уступают продажам чая (табл. 2).

Китай был единственным крупным поставщиком чая на международном рынке, чай пользовался большим спросом в Австралии, поэтому объемы экспорта чая

Таблица 2. Потребление чая и кофе в Европе, Америке и в Австралии, унции

Виды напитка	Великобритания	Франция	Германия	США	Австралия
Кофе	15	52	83	115	14
Чай	73	1	1	21	120

Источник: [8, с. 174].

из Китая в Австралию были большими. В середине XIX в. положительное сальдо в пользу Китая было весьма распространенным явлением в его внешней торговле. Возьмем, к примеру, китайско-британскую торговлю: с 1859 по 1862 гг. Китай экспортировал в Соединенное Королевство товаров на сумму 10 млн фунтов стерлингов, а импортировал не более чем на 4,5 млн [10, с. 353], т. е. экспорт вдвое превышал импорт. И причина дисбаланса заключалась в вывозе чая.

В целом особенность торговли Китая и Австралии в середине XIX в. заключается в том, что обе стороны экспортировали в основном аграрно-сырьевые товары. Главной статьёй экспорта Китая был чай, а Австралии — уголь. Долговременное и большое положительное сальдо в пользу Китая существовало только из-за того, что на китайском рынке у австралийского угля было много конкурентов, а в Австралии китайский чай был незаменим. Однако вскоре ситуация изменилась.

Китайско-австралийская торговля в 1881–1911 годах

С 1880 г. экспорт китайского чая встретился с серьезным вызовом, в том числе и на рынке Австралии: к этому времени выросла индустрия чая в Индии и Цейлоне. Еще в 1838 г. Великобритания успешно провела опыты по выращиванию чая в Индии, и в том же году привезла оттуда 500 фунтов чая. Вначале индийский чай не представлял серьезной угрозы для Китая — в 1867 г. доля китайского чая на мировом рынке еще составляла 90% [11, с. 449–450]. С 1872 г. в Индии ввели машинную переработку чая, что значительно повысило производительность труда, и в 1889 г. количество индийского чая на рынке Великобритании уже в 1,38 раза превосходило количество китайского [12, с. 96–97].

На австралийском рынке объем индийского чая превысил китайский чуть позже: в 1891 г. сумма импортируемого из Индии чая составляла меньше половины импорта чая из Китая, а в 1894 г. Индия уже стала первым экспортером чая для Австралии. К началу XX в. доля индийского чая на австралийском рынке удвоилась, тогда как доля китайского составляла одну десятую по сравнению с объемами десятилетней давности (табл. 3).

Таблица 3. Импорт чая из Китая и Индии в Австралию, фунты стерлингов

Годы	1891	1894	1896	1899	1901	1902
Из Индии	344 078	367 345	506 980	734 941	826 276	766 616
Из Китая	764 428	348 978	201 781	231 635	92 612	83 913

Источник: [13–17].

С начала XX в. первым крупным экспортером чая для Австралии стал Цейлон, оставив Индию далеко позади. К 1911 г. доля цейлонского чая на австралийском рынке уже составляла половину всего импортного чая (табл. 4).

Таблица 4. Импорт чая из Китая, Индии и Цейлона в Австралию, фунты стерлингов

Годы	1906	1907	1910	1911
Из Цейлона	592 152	672 801	712 260	673 797
Из Индии	220 520	323 475	329 134	283 554
Из Китая	19 869	54 336	85 427	89 304

Источник: [18–21].

В этот же период чай на австралийский рынок начали поставлять и другие страны — Япония, Ява, Новая Зеландия, но их доли были не так уж велики. Японский чай, например, был в основном зеленым и конкурировал с китайским на американском рынке, австралийцы же, как и англичане, любили черный чай. Соотношение потребления черного и зеленого чая в Австралии равнялось приблизительно 7:3.

От того, что возросла конкуренция на внешнем рынке, экспортные объемы поставок чая из Китая в Австралию начали резко падать. К 1911 г., последнему году династии Цин, доля экспортных поставок составляла всего одну десятую от экспорта 1881 г. Для сравнения: с 1881 по 1891 гг. внешний товарооборот Австралии вырос на 14%, а товарооборот между Китаем и Австралией снизился на 65%; с 1891 по 1901 гг. внешний товарооборот Австралии увеличился на 24%, тогда как товарооборот с Китаем снизился на 60%; с 1901 по 1911 гг. внешний товарооборот Австралии вырос на 59%, а товарооборот с Китаем снизился на 10%. В результате Китай среди импортеров Австралии переместился с третьего в 1881 г. на 22-е место в 1911 г., а доля импорта из Китая составила всего 0,15% от общего объема внешнего товарооборота Австралии (табл. 5).

Таблица 5. Доля стран в импорте Австралии, %

Годы	1891–1895	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911
Великобритания	71,26	64,56	58,33	60,67	58,98
США	5,95	11,12	13,39	10,90	11,57
Германия	4,15	5,95	6,68	6,75	6,63
Новая Зеландия	4,47	4,20	5,63	4,82	4,44
Индия	2,39	2,36	2,72	3,90	3,17
Япония	0,20	0,55	0,90	1,10	1,24
Цейлон	0,79	1,10	1,46	1,39	1,10
...	...	...	...	...	...
Китай	1,49	0,85	0,40	0,13	0,15

Источник: [18–21].

Теперь рассмотрим структуру экспорта и импорта между Китаем и Австралией. Если в 1860 и в 1870 гг. главной особенностью двусторонней торговли было положительное сальдо в пользу Китая, то с 1880 г. оно постепенно уменьшалось и в конце концов превратилось в отрицательное. Причиной этого послужило резкое сокращение китайского экспорта: чай был единственным конкурентоспособным китайским товаром на австралийском рынке. В свою очередь Австралия постепенно увеличивала объемы экспорта в Китай. В 1899 г. экспорт Австралии в Китай впервые превысил импорт из Китая, а уже в 1904 г. сложилось положительное сальдо в пользу Австралии (табл. 6).

Таблица 6. Торговля Китая и Австралии в 1888–1911 гг., фунты стерлингов

Годы	Экспорт Китая в Австралию	Импорт Китая из Австралии	Нетто-экспорт Китая	Двусторонняя торговля
1888	1 129 241	30 397	1 098 844	1 159 638
1890	706 131	56 269	649 862	762 400
1892	479 719	30 029	449 690	509 748
1896	298 813	30 892	267 921	329 705
1899	306 505	324 871	–18 366	631 376
1902	226 207	107 071	119 136	333 278
1904	76 109	330 352	–254 243	406 461
1906	58 338	222 790	–164 452	281 128
1907	355 455	416 441	–60 986	771 896
1911	102 757	155 789	–53 032	258 546

Источник: [22–26].

Характерной чертой торговли Китая и Австралии за последние 30 лет позднего периода династии Цин было быстрое уменьшение экспорта Китая и постепенное увеличение импорта. Эта тенденция отражала социально-экономические изменения китайского общества. В 1870-е годы часть китайских купцов, феодалов и бюрократов стала основывать свои собственные современные предприятия. С созданием национальных предприятий появилась и национальная буржуазия. Это способствовало развитию товарной экономики и создало предпосылки для развития национальной промышленности. Государственные военные заводы, частные кузницы или иностранные судостроительные и судоремонтные заводы нуждались во все большем количестве промышленного сырья, включая такие металлы, как железо, цинк, медь, свинец, олово. Поэтому с 1880 г. ассортимент импортируемых из Австралии товаров постоянно расширялся и двусторонние торговые отношения смещались в пользу Австралии. В общем экспортная торговля в последние годы династии Цин находилась в состоянии стагнации, объемы экспорта в торговых отношениях Китая и Австралии составляли мизерное значение — меньше пяти десятых процента.

Структура экспорта и импорта китайско-австралийской торговли

Ассортимент экспортных и импортных товаров двух стран был весьма ограничен. В ранний период из Китая вывозили чай и рис, а получали из Австралии уголь. В более поздний период номенклатура товарных позиций расширилась, но суть осталась неизменной — обе стороны экспортировали первичную продукцию: аграрные товары с китайской стороны, топливные и ископаемые ресурсы — с австралийской.

В последние годы династии Цин китайский чай давно перестал пользоваться популярностью за границей, хотя и остался самым крупным экспортным товаром (но на очень низком уровне — 60–70 тыс. фунтов стерлингов ежегодно). Вслед за чаем шли текстиль и одежда — эти товары также считались традиционной продукцией Китая. Шелк, вышивка, ткани ручной работы и окрашенные ткани из Китая всегда пользовались большим спросом на международном рынке. В последние годы династии Цин экспорт текстиля и одежды рос быстрыми темпами, его общая сумма увеличилась от 10 тыс. фунтов стерлингов в самом начале XX в. до 100 тыс. в 1911 г.

В последующие годы текстиль и одежда стали первыми крупными товарами китайского экспорта в Австралию: в 1910–1920 гг. их доля в торговле с Австралией составляла 35%, а в 1918–1919 гг. достигала 43% [27, с. 1].

Кроме чая и текстиля Китай экспортировал в Австралию и другие сельскохозяйственные товары: рис, растительные масла, орехи, фрукты, сахар, хлопок. Рис всегда был традиционным экспортным товаром и занимал третье место в китайско-австралийской торговле. Но общая доля экспортного риса была невелика — всего 20–30 тыс. фунтов стерлингов в год. Четвертое место занимали растительные масла, за ними следовали фрукты и орехи (см. табл. 7).

Таблица 7. Основные товары, экспортировавшиеся Китаем в Австралию, фунты стерлингов

Годы	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1911
Одежда и текстиль	13 775	8297	13 987	19 833	7879	10 999	9826	10 457	110 266
Чай	206 363	68 222	66 285	51 585	33 249	28 465	19 869	54 336	89 304
Рис	28 683	20 529	23 067	32 138	12 169	6253	10 659	5589	57 243
Масла	8765	11 502	15 810	17 567	793	5125	...	...	15 709
Рыба	...	3747	2932	2995	2772	1196	1365	1073	13 608

Источник: [22; 23].

В китайско-австралийской торговле следует указать на один специфический товар — опий. Согласно статистическому отчету Генерального консула Китая в Мельбурне за 1923 г., опий как лекарственное сырье экспортировали друг другу обе страны [28, с. 76]. Еще в декабре 1903 г. в Австралии принят закон о ввозе опия, согласно которому запрещается импортировать опий, за исключением использования его в медицинских целях [5, с. 40]. В Китае со второй половины XIX в. увеличивались посевные площади под высеивание опионого мака [29, с. 179–180]. С 1882 г. Китай экспортировал опий за рубеж [30, с. 108]. В «Торговом докладе Шанхая за 1882 год» консул Великобритании писал о том, что китайский опий вывозится в Бирму и на Тайвань [9, с. 634–635]. Согласно ежегоднику Австралийского статистического бюро, в 1905 г. Австралия импортировала 48 769 фунтов опия, в том числе из Гонконга — 39 479 фунтов, из континентального Китая — 2428 фунтов, а также из Великобритании — 1603 фунтов [23, с. 338–389].

Теперь рассмотрим импорт Китая из Австралии.

В течение долгих лет первое место в китайском импорте из Австралии занимал уголь. Но с 1870 г. импорт австралийского угля постепенно сокращался. Например, в порт Шанхая в 1869 г. поступило 48 тыс. тонн австралийского угля, в 1872 г. — 40 тыс. тонн, а в 1876 г. объем поставок сократился до 26 тыс. тонн. Причина уменьшения доли австралийского угля состояла в тарифной политике: из-за высоких цен многие фирмы сократили импорт угля из Австралии, Великобритании и Соединенных Штатов, тогда как более дешевый уголь из Японии быстро увеличивал свою долю в Китае: в 1869 г. было импортировано 11 тыс. тонн японского угля, а в 1876 г. объем импорта угля из Японии составил 79 тыс. тонн [9, с. 225, 258, 410].

Австралия — страна-производитель золота. В 1851–1861 гг., во времена «золотой лихорадки», добыча золота в стране составляла 40% мирового производства. В 1854–1870 гг. в Китай из Австралии было вывезено золота на 3,5 млн фунтов стер-

лингов и золотых изделий на 560 тыс. фунтов стерлингов [30, с.77–78]. К началу XX в. золотой бум давно уже прошел, и экспорт золота и золотых изделий в Китай namного сократился. В 1905, 1906 и 1907 гг. было экспортировано золота на 54 000, 11 940 и 6 100 фунтов стерлингов соответственно.

Цветные металлы также были важной статьёй импорта Китая из Австралии, особенно свинец и медь. Еще в начале XIX в. Китай импортировал из-за рубежа свинец, который использовался для производства упаковки экспортного чая. Вначале свинец поставлялся в основном из Великобритании. По мере роста числа промышленных предприятий в Китае увеличивался спрос на сырьевые металлы. К началу XX в. доля импорта свинца и меди из Австралии превысила уголь и составила 25% и 20% от общих объемов импорта. Это обусловлено изменениями в промышленности Китая, для развития которой требовалось импортировать не только оборудование и технологии, но и промышленное сырье (табл. 8).

Таблица 8. Главные товары, импортируемые Китаем из Австралии, фунты стерлингов

Годы	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Свинец	25 044	11 188	18 595	29 734	18 880	20 529	28 456	13 716	24 661
Медь	812	16 171	263 046	257 800	34 297	148 979	172 196	23 100	18 469
Сливочное масло		3908	10 854	9966	14 518	13 338	11 207	17 397	19 352
Сандаловое дерево	22 500	21 399	5719	7008	9299	10 886	6238	12 180	7332
Необработанная древесина	...	211	413	54 817	81 673	19 397	13 060	26 606	2699
Уголь	...	7078	5805	16 643	31 652	18 474	20 041	7470	1245
Мука	...	84	247	3129	4539	47 037	3221	2671	6094

Источник: [22; 24–26].

Поздний период династии Цин характеризуется зарождением современной промышленности Китая, в это время страна все больше увеличивала импорт зарубежных товаров и стимулировала приток зарубежного капитала. По сравнению с Великобританией и Соединенными Штатами Австралия оказывала меньшее влияние на рынок Китая. Двусторонняя торговля между Китаем и Австралией находилась на низком уровне, так как ни с одной стороны не было крупного, доминирующего экспортного товара, а изменения финансового баланса Китая в сторону увеличения отрицательного сальдо демонстрировало ослабление конкурентоспособности Китая на международном рынке.

Выводы

На основании проведенного анализа китайско-австралийских торговых отношений в поздний период династии Цин можно сделать следующие выводы.

Во-первых, китайско-австралийские торговые отношения в этот период отражали общую ситуацию, сложившуюся во внешней торговле Китая. Китай превратился из третьего крупнейшего торгового партнера Австралии в страну, чей экспорт занимал всего 22-е место в ее внешней торговле. Этот процесс указывал на рецессию экспортной способности и комплексной мощи Китая.

Во-вторых, превращение многолетнего положительного сальдо в пользу Китая в отрицательное произошло в результате уменьшения объемов экспорта чая. Это указывает на то, что в течении многих лет чай оставался единственным конкурентоспособным экспортным товаром Китая.

В-третьих, изменения в импорте товаров из Австралии отражали перемены в производственных секторах Китая, который перешел от импорта угля в XIX в. к импорту свинца, меди, железа и других металлов в начале XX в. Изменение рыночного спроса указывает на ускорение развития национальной промышленности Китая и свидетельствует о том, что страна нуждалась не только в технике и технологиях, но и в промышленном сырье.

В-четвертых, Австралия экспортировала главным образом ресурсные первичные товары: в Великобританию экспортировалась шерсть, а в Китай — уголь, свинец, медь. Это отражало разные этапы индустриализации импортирующих стран: Соединенное Королевство находилось на стадии механизации текстильной промышленности, тогда как Китай вступил только в начальный этап индустриализации.

Литература

1. Williams M. Chinese Settlement in NSW. 1999.
2. Macintyre S. A Concise History of Australia. Third Edition. New York: Cambridge University Press, 2009.
3. Historical Records of Australia. Vol. 2. URL: <http://dictionaryofsydney.org/entry/chinese>.
4. Ju Zeng. Cong GuanCe Shang GuanCha ZhongAo MaoYi // QianYe YueBao. 1930. Vol. 10, N 12. [Ju Zeng. Supervision over the Chinese-Australian Trade According to the Customs Reports // Qianyue Monthly Bulletin. 1930. Vol. 10, N 12.]
5. Hou Minyue. ZhongAo GuanXi Shi. 1999. [Hou Minyue. History of the Chinese-Australian Relations. 1999.]
6. Trewin D. Year Book. Australia. Canberra, 2008.
7. Coghlan T. A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australia. Sydney, 1890.
8. Coghlan T. A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australia. Sydney, 1891.
9. Li Bizhang. ShangHai JinDai MaoYi JingJi FaZhan GaiKuang: 1854–1898 Nian YingGuo Zhu ShangHai LingShi MaoYi BaoGao HuiBian. 1993. [Li Bizhang. *Development of Economy and Trade of Shanghai in a Modern History: The Collection of Trade Reports of Consuls of Great Britain in Shanghai for 1854–1898*, 1993.]
10. Yan Zhongping. ZhongGuo JinDai JingJiShi. 1989. [Yan Zhongping. *History of Economy of China in a Modern History*, 1989.]
11. Morse H. B. The International Relations of the Chinese Empire. Vol. 2: The Period of Submission 1861–1893. Taipei: Wenshing shudian, 1963.
12. Tao Dechen. JinDai ZhongGuo ChaYe DuiWai MaoYi De FaZhan JieDuan Yu TeDian // ZhongGuo NongShi. 1996. N 2. [Tao Dechen. *Stages of Development of Trade in the Chinese Tea in a Modern History and Their Feature*. History of Agriculture of China, 1996, N 2.]
13. Coghlan T. A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australia. Sydney, 1896.
14. Coghlan T. A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australia. Sydney, 1898.
15. Coghlan T. A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australia. Sydney, 1900.
16. Coghlan T. A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australia. Sydney, 1902.
17. Coghlan T. A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australia. Sydney, 1903.
18. Commonwealth Bureau of Census and Statistics. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. Melbourne, 1909.
19. Commonwealth Bureau of Census and Statistics. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. Melbourne, 1909.
20. Commonwealth Bureau of Census and Statistics. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. Melbourne, 1911.
21. Commonwealth Bureau of Census and Statistics. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. Melbourne, 1912.

22. Coghlan T.A. A Statistical Account of the Seven Colonies of Australia and New Zealand. Sydney, 1904.
23. Hall W.H. Annual Statement of the Trade of the Commonwealth of Australia. Sydney, 1905.
24. Commonwealth Bureau of Census and Statistics. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. Melbourne, 1908.
25. Commonwealth Bureau of Census and Statistics. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. Melbourne, 1911.
26. Commonwealth Bureau of Census and Statistics. Official Year Book of the Commonwealth of Australia. Melbourne, 1913.
27. Au-Yeung W., Keys A., Fischer P. Australia-China: Not just 40 years. URL: <http://www.treasury.gov.au/PublicationsAndMedia/Publications/2012/Economic-Roundup-Issue-4/HTML/article1>
28. Guo Cunxiao. Zhong Ao GuanXi De ZhenQing SuiYue, 2008 [Guo Cunxiao. *The Years of Sincere Friendship between China and Australia*, 2008.]
29. Wang Jingyu. ZhongGuo JinDai JingJiShi(1895–1927), 2000. [Wang Jingy. *History of Economy of China in a Modern History (1895–1927)*, 2000.]
30. Zhong Weimin. 19 ShiJi ZhongGuo YaPian De ShengChan TiDai Ji Qi YingXiang // Wen Shi Zhe. 2009. N 5. [Zhong Weimi. *Replacement of Production of Opium in China in the XIX Century and its Influenc. Literature, History and Philosoph*, 2009, N 5.]
31. Shen Yiyao. HaiWai PaiHua BaiNianShi. 1985. [Shen Yiyao. *Centenary History of Prosecution of Chinese Emigrants Abroad*, 1985.]

Статья поступила в редакцию 21 октября 2014 г.

Контактная информация

Ши Илин — аспирант; shiyilin@bfsu.edu.cn

Shi Yilin — Post graduate student; shiyilin@bfsu.edu.cn

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

А. В. Немировская

УЧАСТИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ КАФЕДРЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА СПбГУ В РАСКОПКАХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО ГОСУДАРСТВА УРАРТУ В АРМЕНИИ

В 1950–1960-е годы студенты кафедры Древнего Востока Восточного факультета ЛГУ регулярно выезжали на полевую практику в Армению (тогда Армянская ССР), чтобы принять участие в археологических раскопках древней урартской крепости Кармир-Блур (IX–VII вв. до н. э.). В то время курировал эту практику директор Государственного Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровский, который не только возглавлял кафедру Древнего Востока в 1965–1990 гг., но и руководил этой археологической экспедицией в Ереване. Студенческая практика в Армении оставила неизгладимое впечатление у ныне профессора кафедры Древнего Востока Н. В. Козыревой и недавно ушедшего от нас доцента кафедры Древнего Востока И. С. Клочкова (1944–2014).

После полувекового перерыва, в августе 2014 г. давняя традиция получила долгожданное продолжение: доценты кафедры Древнего Востока Восточного факультета СПбГУ А. В. Немировская и А. Г. Сущевский вместе со студентами отделения ассириологии Ксенией Сомовой (2-й курс магистратуры) и Виталием Марголиным (3-й курс) в течение целого месяца работали в экспедиции Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения (руководитель: проф., д.и.н. С. Г. Амаякян), которая исследовала жилые и погребальные сооружения на территории урартской крепости Аргиштихинили (современный поселок Нор-Армавир, в 60 км к западу от Еревана).

В ходе раскопок мы приняли участие во всех видах археологических работ. Это была уборка земли и расчистка объектов, разметка и чертеж раскопа, обработка найденной керамики. В свободное от работы время нам удалось познакомиться с богатейшими древневосточными коллекциями Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук Республики Армения, Музея Эребуни, Музея истории Республики Армения и фонда Министерства культуры Республики Армения по исследованию городища Кармир-блур. Помимо этого мы посетили Матенадаран, один из крупнейших в мире центров хранения и изучения древних рукописей. Здесь, в частности, хранится и экспонируется такой важнейший источник по истории древнего Египта, как армянский перевод сочинения Евсевия Кесарийского с обширными цитатами из труда египетского историографа Манефона, греческий оригинал которого не сохранился.

Благодаря содействию начальника экспедиции в Аргиштихинили Симона Амаякяна нашей группе удалось встретиться с целым рядом руководителей научно-исследовательских учреждений Республики Армения: с директором Института археологии и этнографии НАН РА П. С. Аветисяном, директором Музея Эребуни Г. Г. Пюрджяном, начальником армяно-французской экспедиции в Эребуни М. Бадаляном, директором Музея истории РА А. Г. Григорян, начальником

В. Марголин у стелы урартского царя Русы II (Звартноц)

А. Г. Сущевский и К. Сомова делают разметку раскопа (Нор-Армавир)

Посещение городища Кармир-Блур (справа налево: К. Сомова, А. Г. Сущевский, А. В. Немировская, В. Марголин)

А. В. Немировская (маркировка керамики, Нор-Армавир)

экспедиции в Кармир-блуре А. Е. Симоняном. В ходе встреч была обсуждена возможность организации постоянной полевой практики для студентов кафедры Древнего Востока СПбГУ в рамках совместных международных археологических экспедиций, исследующих многочисленные памятники древности, которыми так богата армянская земля.

Нужно отметить, что на территории Армении ежегодно работает три десятка международных экспедиций, поскольку здесь сосредоточены археологические памятники всевозможных исторических эпох: мезолита (среднекаменного века), неолита (новокаменного века), эпохи бронзы, железа и далее — Античности и Средневековья. Всплеск интереса к изучению древневосточных памятников, находящихся на территории Армении, который наблюдается в последнее время, обусловлен еще и нынешней тяжелой геополитической ситуацией на Ближнем Востоке, когда археологические раскопки сначала в Ираке, а затем и в Сирии стали для западных ученых практически невозможными. В то же время изучение Урарту (Ванского царства) — государства, располагавшегося на Армянском нагорье в первой половине I тыс. до н.э., — это отдельное направление в комплексе наук о Древнем Востоке. Урартология изучает урартскую эпиграфику и урартский язык, культуру и историю Ванского царства. Фундамент урартологии заложил востоковед и археолог Борис Борисович Пиотровский, посвятивший истории и культуре Урарту несколько книг.

Участие преподавателей и студентов кафедры Древнего Востока СПбГУ в археологической экспедиции стало возможным благодаря финансированию за счет гранта СПбГУ «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н.э.)» (Тем. М2, ИАС 2.38.525.2013).

Хочется надеяться, что возобновленная традиция выезда студентов кафедры Древнего Востока СПбГУ на археологическую практику в Армению получит стабильное продолжение. Без сомнения, это будет не только ценнейшей практической школой для молодых специалистов по Древнему Востоку, но и послужит дальнейшему развитию и укреплению российско-армянского культурного и научного сотрудничества.

Контактная информация

Немировская Аделя Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; adelnm@mail.ru